

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 7 Номер 3 Июль-Сентябрь
2020

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL
BULLETIN
OF THE LAW FACULTY,
SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY

Volume 7 Issue 3 July-September
2020

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
2020 Том 7 Номер 3 Июль-Сентябрь

Учредитель: *Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»*

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Адрес редакции: 344007, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88

тел./факс: +7 (863) 240-36-10; e-mail: vestnik@sfnu.ru; сайт: <http://urvestnikpravo.sfnu.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-57149)

Периодичность выхода: 1 раз в квартал

ISSN 2313-6138 / DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3

Входит в систему РИНЦ (лицензионный договор № 537-09/2014) Подписной индекс Е33060

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *Овчинников А.И.*, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета

Ответственный редактор: *Тищенко Е.В.*, кандидат юридических наук, доцент

Ответственный секретарь: *Фролова Е.Ю.*, кандидат юридических наук, доцент

Помощник главного редактора: *Осинский А.С.*

Артемченко Н.В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и криминологии
юридического факультета Южного федерального университета

Волова Л.И., доктор юридических наук, профессор

Воронцов С.А., доктор юридических наук, профессор

Джорджевич А., доктор юридических наук, профессор юридического факультета
Государственного университета в Нише (Республика Сербия)

Зиновьев И.П., кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Южного федерального университета

Иванников И.А., доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор

Колесников Ю.А., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой финансового права
юридического факультета Южного федерального университета

Лукьянцев А.А., доктор юридических наук, профессор

Любашиц В.Я., доктор юридических наук, профессор

Ляхов Ю.А., доктор юридических наук, профессор

Овсепян Ж.И., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственного (конституционного)
права юридического факультета Южного федерального университета

Серегин А.В., кандидат юридических наук, доцент

Смагина Е.С., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского процессуального и трудового права юридического
факультета Южного федерального университета

Степанов К.В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики
юридического факультета Южного федерального университета

Тарасова А.Е., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой международного права
юридического факультета Южного федерального университета

Цыганенко С.С., доктор юридических наук, профессор

Яценко Т.С., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права
юридического факультета Южного федерального университета

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Баранов В.М., доктор юридических наук, профессор, помощник начальника Нижегородской академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации по инновационному развитию научной деятельности

Баранов П.П., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС

Бондарь Н.С., доктор юридических наук, профессор, Судья Конституционного Суда Российской Федерации

Бирюков П.Н., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права
Воронежского государственного университета

Васильев А.А., доктор юридических наук, Директор института права АлтГУ

Величко А.М., доктор юридических наук, Правительство г. Москвы

Гайстенгер М., доктор права, профессор Университета Зальцбурга

Корецкий Д.А., доктор права, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета Южного федерального университета

Кузнецова Н.С., доктор юридических наук, профессор, академик Академии правовых наук Украины

Левушкин А.Н., доктор юридических наук, профессор

Ляхов Е.Г., доктор юридических наук, профессор, Вице-президент Ассоциации Международного права

Мамитова Н.В., доктор юридических наук, профессор, РАНХиГС

Мамычев А.Ю., доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых
исследований, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Николич Д., доктор юридических наук, профессор юридического факультета

Государственного университета в Нише (Республика Сербия)

Оганесян В.А., доктор юридических наук, профессор Ереванского государственного университета,
зам. председателя Конституционного Суда Армении

Ристов А., профессор, доктор права, доцент юридического факультета Iustinianus Primus

Университета Св. Кирилла и Мефодия в Скопье, Республика Северная Македония

Зражевская Т.Д., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области

Толочко О.Н., доктор юридических наук, зав. кафедрой международного права, Белорусский институт правоведения, г. Минск

Турлуковский Я., кандидат юридических наук, доцент кафедры коммерческого права факультета права и администрации,
Варшавский университет (Республика Польша)

Цибуленко З.И., доктор юридических наук, профессор Саратовской государственной академии права

Шапсугов Д.Ю., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства
ЮРИУ РАНХиГС, Директор Центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL
BULLETIN OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
2020 Volume 7 Issue 3 July-September

Established by: Southern Federal University
(a federal state institution for professional higher education)

105/42 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344006, Russian Federation
Editorial Office: 88 M. Gorkogo Street, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344007, Russian Federation
phone/fax: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@sfedu.ru; website: <http://urvestnikpravo.sfedu.ru>

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Registration Certificate FS77-57149)

Publication frequency: 1 time per quarter

ISSN 2313-6138 / DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3

Included into the Russian Science Citation Index System (Licence Agreement 537-09/2014) Subscription Index E33060

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *Ovchinnikov, A.I.*, Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History
of State and Law, Law Faculty, Southern Federal University

Responsible editor: *Tishchenko, E.V.*, PhD in Law, Associate Professor

Executive Secretary: *Frolova, E.Yu.*, PhD in Law, Associate Professor

Assistant to the Editor-in-Chief: *Osinsky A.S.*

Artemenko, N.V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Criminal Law and Criminology,
Law Faculty, Southern Federal University

Volova, L.I., Doctor of Law, Professor

Vorontsov, S.A., Doctor of Law, Professor

Djordjevic, A., Doctor of Law, Professor at the Law Faculty of the State University in Nis (Republic of Serbia)

Zinoviev, I.P., PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty of the Southern Federal University

Ivannikov, I.A., Doctor of Law, Doctor of Political Sciences, Professor

Kolesnikov, Yu.A., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Financial Law,
Law Faculty, Southern Federal University

Lukyantsev, A.A., Doctor of Law, Professor

Lyubashits, V.Ya., Doctor of Law, Professor

Lyakhov, Yu.A., Doctor of Law, Professor

Hovsepyan, Zh.I., Doctor of Law, Professor, Head of Department of State (Constitutional) Law,
Law Faculty, Southern Federal University

Seregin, A.V., PhD in Law, Associate Professor

Smagina, E.S., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Procedure and Labour Law,
Law Faculty, Southern Federal University

Stepanov, K.V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department
of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Faculty, Southern Federal University

Tarasova, A.E., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of International Law,
Law Faculty, Southern Federal University

Tsyganenko, S.S., Doctor of Law, Professor

Yatsenko, T.S., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Law,
Law Faculty, Southern Federal University

EDITORIAL COUNCIL

Baranov, V.M., Doctor of Law, Professor, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation on the innovative development of scientific activity

Baranov, P.P., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law
of the Law Institute of the RANEPa

Bondar, N.S., Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation

Biryukov, P.N., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law
of Voronezh State University

Vasilyev, A.A., Doctor of Law, Director of the Institute of Law of the AltSU

Velichko, A.M., Doctor of Law, Government of Moscow

Geistenger, M., Doctor of Law, Professor of the University of Salzburg

Koretsky, D.A., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Faculty of Law, Southern Federal University

Kuznetsova, N.S., Doctor of Law, Professor, Academician of the Academy of Legal Sciences of Ukraine

Levushkin, A.N., Doctor of Law, Professor

Lyakhov, E.G., Doctor of Law, Professor, Vice President of the International Law Association

Mamitova, N.V., Doctor of Law, Professor, RANEPa

Mamychev, A.Yu., Doctor of Political Sciences, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Laboratory for Political and Legal Studies,
Department of Political Science, M.V. Lomonosov Moscow State University

Nikolic, D., Doctor of Law, Professor at the Law Faculty of the State University in Nis (Republic of Serbia)

Oganesyan, V.A., Doctor of Law, Professor at Yerevan State University,

Deputy Chairman of the Constitutional Court of Armenia

Ristov, A., Professor, Doctor of Law, Associate Professor, Iustinianus Primus Faculty of Law,
Ss. Cyril and Methodius University in Skopje, Republic of North Macedonia

Zrazhevskaya, T.D., Doctor of Law, Professor, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region

Tolochko, O.N., Doctor of Law, Head of Department of International Law, Belarusian Institute of Law, Minsk

Turlukovsky, J., PhD in Law, Associate Professor at the Department of Commercial Law, Faculty of Law
and Administration, University of Warsaw (Poland)

Tsibulenko, Z.I., Doctor of Law, Professor of the Saratov State Academy of Law

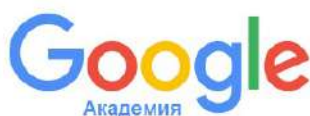
Shapsugov, D.Yu., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State
at the Law Institute of RANEPa, Director of the Legal Research Center of the Law Institute of RANEPa

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира — Россия

Международная база данных, содержащая библиографическую информацию о научных журналах в области гуманитарных и социальных наук. Штаб-квартира — Норвегия

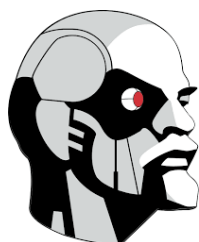
Поисковая система по полным текстам научных публикаций, вобравшая в себя данные из большинства рецензируемых онлайн-журналов, выпускаемых основными научными издательствами Европы и Америки. Штаб-квартира — США

Международный мультидисциплинарный каталог журналов открытого доступа. Содержит более 10000 названий научных журналов и метаданные статей этих журналов. Штаб-квартира — Великобритания

Крупнейшая в мире библиографическая база данных, насчитывающая свыше 240 млн записей о всех видах произведений на 470 языках мира. Штаб-квартира — США

Российская научная электронная библиотека открытого доступа, основными задачами которой является популяризация науки и научной деятельности, а также общественный контроль качества научных публикаций. Насчитывает более 1 млн статей. Штаб-квартира — Россия

Справочно-правовая система по законодательству Российской Федерации, первая массовая коммерческая справочно-правовая система в России (выпускается с 1990 года). Распространяется через дилерскую сеть из более чем 250 компаний в России и СНГ

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ЮБИЛЕЕМ ЛАРИСЕ ИВАНОВНЕ ВОЛОВОЙ

Пятнадцатого августа 2020 года заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права юридического факультета Южного федерального университета, член редколлегии научно-практического журнала «Вестник Юридического факультета Южного федерального университета» Лариса Ивановна Волова отметила свой восьмидесятилетний юбилей.

Лариса Ивановна Волова в 1964 году с отличием закончила юридический факультет Ростовского государственного университета (РГУ). В этом же году она поступила в аспирантуру РГУ по кафедре международного и государственного права.

В 1965 году начала преподавательскую деятельность на кафедре международного и государственного права юридического факультета Ростовского государственного университета

(ныне ЮФУ). С 1965 года — член Ассоциации международного права, являющейся профессиональным объединением юристов-международников.

В феврале 1969 года Л.И. Волова под научным руководством профессора Николая Михайловича Минасяна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Плебисцит в международном праве».

В 1981 году возглавила созданную кафедру основ советского государства и права (в последующем переименованную в кафедру основ правоведения, в настоящее время — кафедра международного права).

В 1982 году в Диссертационном совете Института государства и права АН СССР (г. Москва) Лариса Ивановна успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в международном праве». В 1983 году — получила звание профессора.

Лариса Ивановна Волова является известным российским ученым в области международного права, автором фундаментальных и оригинальных научных трудов по самым острым и актуальным проблемам. Ею опубликовано множество научных и учебно-методических работ, в том числе монографий. Написанные ею работы вошли в учебники по международному праву, которые получили

гриф Министерства образования Российской Федерации.

Наиболее крупными ее трудами являются «Плебисцит в международном праве» (1972); «Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в современном международном праве» (1981); «Нерушимость границ — новый принцип международного права» (1987); «Противоправность сепаратистских движений, с точки зрения международного права» (1993); «Международное инвестиционное право» (2000); «Соотношение международного валютного права с валютным правом Российской Федерации» (2002).

С 1995 года является членом высшего органа Ассоциации международного права, являющегося профессиональным объединением юристов-международников.

В 1999 году Лариса Ивановна Волова удостоена медали и диплома Международного конкурса имени Гуго Гроция (Нидерланды) в номинации «Лучший юрист-международник России». В 2001 году Указом Президента РФ Воловой Ларисе Ивановне присвоено почетное звание Заслуженного работника Высшей школы Российской Федерации. В 2015 году удостоена ректором ЮФУ медали за международное признание.

Сегодня Лариса Ивановна Волова занимает должность профессора кафедры международ-

ного права Южного федерального университета, имеет блестящую плеяду учеников, регулярно проводит знаковые для юридического факультета студенческие мероприятия, активно участвует в научных конференциях.

Общий стаж научно-педагогической работы Ларисы Ивановны Воловой на юридическом факультете Южного федерального университета составляет 56 лет.

Лариса Ивановна не только признанный ученый, она прекрасная, элегантная женщина, талантливый педагог, пример культурности и доброжелательности.

Желаем нашей дорогой коллеге доброго здоровья, счастья и новых научных открытий!

*Редколлегия журнала,
коллектив юридического факультета ЮФУ*

К 70-ЛЕТИЮ НИКОЛАЯ СЕМЕНОВИЧА БОНДАРЯ

Нашему дорогому учителю, блистательному ученому, доктору юридических наук, профессору, судье Конституционного Суда Российской Федерации, Заслуженному юристу Российской Федерации, Заслуженному деятелю науки Российской Федерации, заведующему кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства ЮФУ Н.С. Бондарю 18 октября 2020 года исполняется 70 лет.

Знаменуя эту красивую дату, нам с большим удовольствием хотелось бы вспомнить путь, пройденный Н.С. Бондарем к вершинам научной мысли, уважению и искренней благодарности сотен учеников, славы родного университета!

Итак, окончив с отличием юридический факультет Ростовского государственного университета в 1973 году, Николай Семенович начал свою профессиональную деятельность в военной прокуратуре Псковского гарнизона Ленинградского военного округа в качестве военного следователя. По окончании военной службы Н.С. Бондарь возвращается в родной университет в качестве очного аспиранта на кафедре государственного и международного права и успешно завершает аспирантуру по специальности «Конституционное право». В 1979 году Н.С. Бондарь защищает кандидатскую диссертацию, в 1997 году — докторскую диссертацию, а в 1998 году ему присваивают звание профессора.

В научной деятельности профессора Н.С. Бондаря на протяжении всех лет прослеживается глубокий, разносторонний

исследовательский интерес, как в первом большом научном исследовании по теме «Конституционная природа социально-экономических прав, свобод и обязанностей советских граждан», так и в исследованиях по докторской диссертации «Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации».

Имя Н.С. Бондаря как признанного ученого в области конституционного, муниципального и других отраслей публичного права, конституционного правосудия широко известно не только в Российской Федерации, но и во многих других странах. Он является автором более 350 научных публикаций, включая монографии, учебники по конституционному, муниципальному, налоговому праву, теории и практике правовой государственности, правам человека и др.

Николай Семенович Бондарь основал признанную в стране ростовскую научную школу конституционного и муниципального права. Теоретические разработки Н.С. Бондаря способствовали развитию научной мысли по фундаментальным проблемам учения о конституции и современно-

го конституционализма, включая обоснование концептуальных (в том числе цивилизационных) подходов к пониманию современных вызовов праву и конституционализму; раскрытие конституционно-правовой природы противоречий между современными тенденциями суверенизации и глобализации; нормативного и доктринального обоснования государственных юрисдикций в условиях глобализационных процессов; трансформации суверенитета и прав человека в условиях развития современных технологий (киберпространство, цифровизация правового статуса человека и др.); особенностей современной конституционной реформы в России.

Н.С. Бондарь не только видный научный деятель нашего государства, но и прекрасный учитель-новатор, организатор и руководитель учебного и научного процесса, проводимого в Южном федеральном университете. Начиная с 1978 года Николай Семенович — преподаватель, доцент, заместитель декана юридического факультета Ростовского государственного университета (ЮФУ), а с 1987 года и по настоящий день — заведующий кафедрой муниципального права и управления, которая является первой в стране кафедрой указанного профиля. Создание кафедры явилось результатом реализации концепции муниципального права как относительно самостоятельной комплексной отрасли права и соответствующей ей учебной дисциплины, одним из разработчиков которой является Н.С. Бондарь. Более 20 лет Николай Семенович руководит кафедрой по совместительству как судья Конституционного Суда России.

На протяжении периода работы в качестве судьи КС РФ Н.С. Бондарь всегда совмещает практическую деятельность с активной научно-практической работой. Кроме руководства кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства (таким является нынешнее название кафедры), возглавлял Попечительский совет РГУ (с момента его учреждения в 2002 г. вплоть до 2007 г., а в дальнейшем

по настоящее время он является членом Попечительского совета.

Длительный срок (более 15 лет) Н.С. Бондарь возглавлял диссертационный совет при ЮФУ по юридическим наукам, одновременно в этот же период, на протяжении двух сроков, он является членом Экспертного совета ВАК по праву. За монографию «Судебный конституционализм: доктрина и практика» (М.: Норма, 2017), в которой наиболее полно отражена авторская концепция судебного конституционализма, Н.С. Бондарь стал обладателем Национальной премии по литературе в области права (2018 г.).

Является учредителем авторской «Библиотеки судебного конституционализма», которая включает (с 2002 года) монографические выпуски. Н.С. Бондарь привнес практический вклад в развитие юридического образования с его непримиримыми, критическими оценками некоторых тенденций развития и реформирования системы высшего образования на рубеже XX–XXI веков. Н.С. Бондарь является членом многих редакционных коллегий журналов, включая «Конституционное и муниципальное право», «Журнал конституционного правосудия», «Вестник Конституционного Суда РФ» и др.

Государство высоко оценивает фундаментальную деятельность Николая Семеновича — Н.С. Бондарь награжден орденом Почета, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, Почетной грамотой Президента РФ и многими, многими медалями, грамотами и благодарностями.

Мы гордимся, что наш научный педагогический, личностный путь судьба навсегда связала с таким ярким научным деятелем, великим учителем, прекрасным человеком, как Николай Семенович Бондарь! Коллектив юридического факультета ЮФУ поздравляет Николая Семеновича с 70-летием, желает здоровья, творческого успеха, личного, семейного счастья и многие лета плодотворной научно-педагогической и общественной деятельности.

*Редколлегия журнала,
коллектив юридического факультета ЮФУ*

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ЮБИЛЕЕМ АЛЛЕ ВАСИЛЬЕВНЕ КИСЕЛЕВОЙ

Киселевой Алле Васильевне, кандидату юридических наук, доценту, доценту кафедры финансового права Южного федерального университета, одному из самых профессиональных, харизматичных и талантливых преподавателей юридического факультета, 14 июня 2020 года исполнилось 50 лет.

В 1992 году А.В. Киселева окончила юридический факультет Ростовского государственного университета (с 2006 года — Южного федерального университета (ЮФУ)) и сразу начала свою трудовую и научно-педагогическую деятельность в стенах альма-матер. Стаж ее научно-педагогической работы составляет двадцать восемь лет. За эти годы Алла Васильевна прошла путь от преподавателя кафедры государственного (конституционного) права до доцента кафедры финансового права ЮФУ. В 1996 году в Саратовском юридическом институте им. Д.И. Курского под научным руководством д.ю.н., профессора, академика В.А. Ржевского защитила кандидатскую диссертацию по специальности 12.00.02 — Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право — на тему «Принцип федерализма в Российской Конституции».

Вот уже много лет Алла Васильевна успешно совмещает научно-образовательную деятельность с практической, занимает руководящие должности в организациях финансового рынка России. С 1993 года она руководила ООО «Страховая группа «Адмирал»» в качестве исполнительного директора, затем возглавляла Ростовский филиал страховой компании «РОСНО», а с августа 2006 года по 2012 год занимала должность генерального директора страховой группы «Адмирал». В настоящее время она является управляющим партнером ряда экспертных, консалтинговых и юри-

дических компаний, осуществляющих свою деятельность в национальном масштабе.

Общий список публикаций Киселевой Аллы Васильевны включает более ста наименований. Сфера научных интересов связана с проблемами «цифрового» государства, финансового, налогового права, конституционного права, в частности теории федерализма. В 2020 году вышла в свет ее монография «Соотношение публичных и частных начал в финансовом праве в свете изменения Конституции РФ».

Алла Васильевна успешно формирует свою научную школу, связанную с проблемами развития права и государства, российского конституционализма, правовой экспертизой российского законодательства.

Киселева Алла Васильевна является руководителем магистерской программы «Финансовое право и современная экономика (юрист-финансист)» по направлению подготовки 40.04.01 — Юриспруденция набора 2018 года. Проходила профессиональную стажировку в 1998 году в «Mercury International Assistance and Claims Ltd.» (город Брайтон, Англия). В 1999 году принимала участие в Программе «СІІ» по обмену опытом организации и ведения страхового бизнеса (город Балтимор, США). В 2000 году была участником и спикером X Экономического форума стран Центральной и Восточной Европы в городе Крыница Гурска (Польша).

Алла Васильевна не только прекрасный ученый, ее отличают женское обаяние, интеллигентность и умение жить в особой интеллектуальной атмосфере. Желаем нашей дорогой коллеге доброго здоровья, счастья, дальнейших творческих успехов!

*Редколлегия журнала,
коллектив юридического факультета ЮФУ*

ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
2020 Том 7 Номер 3 Июль-Сентябрь

СОДЕРЖАНИЕ

---

*ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ*

БЕЛЯЕВ В.П., НИНЦИЕВА Т.М. Объект и предмет правового регулирования: проблема определения понятий	13
ВЛАСОВА Г.Б., ФОРОПОНОВ Б.А. Раскрытие сущности правосудия посредством анализа его функций	21
НАПАЛКОВА И.Г. Методологические подходы к пониманию категории «форма государства»	26
СЕРЕГИН А.В. Феномен веры и эмпирического знания в российской юридической науке (конец XX — начало XXI в.)	31
ФЕДОРЕНКО С.П. Электронные платформы взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества как средство защиты правопорядка	36
ШАТКОВСКАЯ Т.В. Обеспечение национальных интересов в праве цифровой эпохи	42

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

КРУСС В.И. Конституционное правопонимание и вызовы инструментально-юридической эпистемологии	46

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

АРЗУМАНЯН А.Б. Наднациональное и национальное правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта: проблемы и перспективы	58

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НЫРКОВА Н.А. Влияние чрезвычайных обстоятельств на уголовное право (личное мнение)	64

СИЛЬЧЕНКО Е.В.

К вопросу о возможности признания медицинских работников субъектами преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ 69

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

ЯРОШЕВСКАЯ А.М.

Проблемы правового регулирования договора участия в долевом строительстве многоквартирных домов 74

ФИНАНСОВОЕ И НАЛОГОВОЕ ПРАВО

ЗИНОВЬЕВА О.П.

Об изменении порядка перерасчета ранее исчисленных сумм земельного налога и налога на имущество физических лиц 79

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

САГАЛАЕВА Е.С.

Права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на получение жилья 83

ШАЛАКИНА Ю.Е.

Согласие супруга на отчуждение недвижимого имущества другим супругом: теория и правоприменение 87

Трибуна молодого ученого

ВЫСОЦКАЯ Л.П.

Некоторые аспекты закрепления принципа ответственности государства и личности в законодательстве современной России 93

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

НЫРКОВА Н.А.

Предмет экологических преступлений: новое слово
(отклик на монографию С.И. Голубева «Предмет экологического преступления»
(М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2020. 176 с.)) 97

ПЕРСОНАЛИИ

КРАКОВСКИЙ К.П.

Воспоминания Е.А. Боброва о профессоре юридического факультета Императорского Варшавского университета Александре Львовиче Блоке (публикация) 101

BULLETIN
OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
2020 Volume 7 Issue 3 July-September

CONTENTS

---

*GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL ISSUES
OF LEGAL RESEARCH AND PRACTICE*

BELYAEV, Valery P., and NINTSIEVA, Tamila M. Object and subject of legal regulation: problem of definition of concepts	13
VLASOVA, Galina B., and FOROPONOV, Bogdan A. Revealing the essence of justice by analyzing its functions	21
NAPALKOVA, Irina G. Methodological approaches to understanding the category “form of state”	26
SEREGIN, Andrei V. The phenomenon of faith and empirical knowledge in Russian legal science (late XX — early XXI centuries)	31
FEDORENKO, Svyatoslav P. Electronic interaction platforms law enforcement agencies and civil society as a means of protecting law and order	36
SHATKOVSKAYA, Tatiana V. Providing national interests in the law of the digital age	42

CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

KRUSS, Vladimir I. Constitutional legal understanding and challenges of instrumental legal epistemology	46

INTERNATIONAL LAW

ARZUMANYAN, Anna B. Supranational and national legal regulation of robotics and artificial intelligence: problems and prospects	58

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

NYRKOVA, Natalya A. The impact of extraordinary circumstances on criminal law (personal opinion)	64

SILCHENKO, Elena V.

On the question of the possibility of recognizing medical workers as subjects of a crime under Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation 69

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

YAROSHEVSKAYA, Anna M.

Problems of legal regulation of an agreement on participation in shared construction of apartment buildings 74

FINANCIAL AND TAX LAW

ZINOVIEVA, Olga P.

On changing the procedure of recalculation of previously calculated amounts of land tax and tax on the property of physical persons..... 79

FAMILY LAW

SAGALAYEVA, Evgenia S.

The rights of orphans and children left without parental care to receive housing 83

SHALAKINA, Yulia E.

Consent of a spouse to the alienation of immovable property by another spouse: theory and law enforcement 87

PLATFORM FOR YOUNG SCIENCE

VYSOTSKAYA, Lyudmila P.

Some aspects of securing the principle of state and individual responsibility in the legislation of modern Russia..... 93

REVIEWS

NYRKOVA, Natalya A.

The subject of environmental crimes: a new word
(response to the monograph by S.I. Golubev «The Subject of Environmental Crime»
(Moscow: LLC «LEGAL FIRM CONTRACT», 2020. 176 p.))..... 97

PERSONALITIES

KRAKOVSKIY, Konstantin P.

Memoirs of E.A. Bobrov about the professor of law at the Imperial University of Warsaw
Alexander Lvovich Block (publication)..... 101

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

УДК 340.1

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-1

Беляев Валерий Петрович,
доктор юридических наук, профессор
кафедры теории и истории государства
и права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»,
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94,
e-mail: belvp46@mail.ru

Belyaev, Valery P.,
Doctor of Law, Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Southwestern State University,
94 Let Oktyabrya St., Kursk, 305040,
Russian Federation,
e-mail: belvp46@mail.ru

Нинциева Тамила Магомедовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
и процесса, ФГБОУ ВО «Чеченский
государственный университет»,
364024, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32,
e-mail: tamila761076@mail.ru

Nintsieva, Tamila M.,
PhD, Associate Professor,
Department of Civil Law and Process,
Chechen State University,
32 F. Sheripova St., Grozny, 364024,
Russian Federation,
e-mail: tamila761076@mail.ru

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ

OBJECT AND SUBJECT OF LEGAL REGULATION: PROBLEM OF DEFINITION OF CONCEPTS

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье излагаются некоторые аспекты процессуально-правового регулирования, в частности проблема определения понятий объекта и предмета как такового. Использован методологический подход, в основу которого положена авторская точка зрения, согласно которой процессуально-правовое регулирование является особым видом регулирования в целом; следовательно, объект и предмет процессуально-правового регулирования обусловлены понятиями объекта и предмета последнего.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовое регулирование; процессуально-правовое регулирование; сущность; объект; предмет; общественные отношения; субъектный состав; процессуальная деятельность.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Беляев В.П., Нинциева Т.М. Объект и предмет правового регулирования: проблема определения понятий // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 13–20. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-1

ABSTRACT. This article describes some aspects of procedural and legal regulation, in particular, the problem of defining the concepts of object and subject matter. A methodological approach was used, which is based on the author's point of view, according to which procedural and legal regulation is a special type of regulation in general; therefore, the object and subject of procedural legal regulation is determined by the concepts of the object and subject of the latter.

KEYWORDS: legal regulation; procedural-legal regulation; entity; object; subject; social relations; subject composition; procedural activity.

FOR CITATION:

Belyaev, V.P., Nintsieva, T.M. Object and subject of legal regulation: problem of definition of concepts. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 13–20 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-1

Приступая к исследованию по заявленной теме, выскажем сразу нашу точку зрения, согласно которой процессуально-правовое регулирование является особым видом правового регулирования вообще; отсюда объект и предмет процессуально-правового регулирования проистекают из понимания сущности правового регулирования в целом.

Следовательно, для разрешения проблемы определения их понятий логичным и методологически верным представляется следующий алгоритм: анализ правового регулирования и его сущности — изучение объекта и предмета правового регулирования — формулирование авторского определения вначале объекта процессуально-правового регулирования, затем — его предмета, причем в названном порядке.

Следуя в избранном направлении, вначале отметим сложность проблемы понятия и сущности правового регулирования; в науке отсутствует однозначный подход к ней. Внимание к ней вызвано тем, что «научный анализ и обобщение практики правового регулирования позволят разработать обоснованные рекомендации по совершенствованию правового регулирования в различных сферах жизнедеятельности общества» [20, с. 3]. В том числе, добавим мы, и в сфере процессуально-правового регулирования, научное освоение которого пока находится на начальной ступени.

Правовое регулирование в науке рассматривается как целенаправленное воздействие на общественные отношения при помощи специальных юридических средств и методов, направленных на их стабилизацию и упорядочение. Благодаря такому регулированию закрепляются и охраняются общественные отношения, обеспечивается защита их субъектов (либо закрепляются не все, а только определенные общественные отношения). Правовое регулирование может быть также направлено на изменение характера общественных отношений в определенной сфере (либо их стимулирование); оно может содействовать возникновению и формированию новых отношений. Сущность правового регулирования заключается в правовом воздействии на общественные отношения с целью их упорядочения [19, с. 47]. Так, с точки зрения Н.Г. Александрова, упорядочивающее воздействие нормы права на поведение людей реализуется: «а) установ-

лением для одной из сторон регулируемого общественного отношения определенного вида возможного поведения, гарантированного государственной защитой (субъективного права); б) установлением для другой стороны такого вида должного поведения, который состоит в невоспрепятствовании или положительном обеспечении возможностей первой стороны и к соблюдению которого в необходимых случаях может принудить аппарат государства (юридической обязанности)» [1, с. 3]. Таким образом, раскрывается содержание такого понятия, как упорядочение общественных отношений (упорядочивающее воздействие).

Подобное мнение высказано и Н.И. Матузовым: «Именно путем предоставления прав и возложения обязанностей законодатель определяет основные направления деятельности членов общества, объем их социальных возможностей и социальной свободы, сферу дозволенного и недозволенного, правомерного и неправомерного. Соответственно, внешняя сторона упорядочивающего воздействия права на общественные отношения отражается в действиях управомоченного субъекта, направленных на установление (изменение, прекращение) субъективных прав и юридических обязанностей участников социальных связей» [17, с. 50].

При оценке правового регулирования Н.А. Власенко пишет буквально следующее: «Правовое регулирование невозможно без целеполагания, где главным выступает упорядочивание общественных отношений» [5, с. 12]. И в этом случае ученым подчеркивается именно упорядочение общественных отношений.

Со своей стороны считаем, что при анализе сущности правового регулирования надо учитывать и мнение представителей так называемого деятельностного подхода: «Правовое регулирование как целенаправленное упорядочивающее воздействие на общественные отношения представляет собой особую разновидность правовой деятельности. Поставленная таким образом проблема правового регулирования позволяет подходить к его исследованию с методологических позиций деятельностного подхода» [3, с. 113]. Действительно, правовое регулирование включает в себя соответствующую деятельность управомоченных субъектов, причем процессуальную. Последнее обстоятельство является важным в плане формирования мето-

дологического подхода к определению объекта процессуально-правового регулирования.

Далее, от рассмотрения сущности правового регулирования перейдем к изучению его объекта. При этом заметим характерную деталь: изучение научных трудов свидетельствует о том, что об объекте правового регулирования (тем более об объекте процессуально-правового регулирования) имеются лишь отдельные публикации, причем не отличающиеся конкретностью и достаточной информативностью. На эту тему ученые пишут неохотно и нередко в содержании своих работ объект правового регулирования упоминают вскользь, и его ценность для развития системы права, законодательства и т.д. просто презюмируется.

Для нас же в контексте проводимого исследования важными являются сущностные аспекты в характеристике объекта правового регулирования в качестве методологического подхода к уяснению понятия объекта регулирования, уже — процессуально-правового.

В то же время надо признать (вслед за другими авторами) отсутствие в научной и учебной литературе единства мнений относительно того, что же представляет собой объект правового регулирования: «упорядочиваемые общественные отношения», «поведение их участников» (одновременно — то и другое), «соотношение формы (общественного отношения) и содержания (поведения субъектов)» [24, с. 70]. Унифицированного подхода к пониманию объекта правового регулирования пока нет, приложим в этом направлении и свои усилия, в том числе и посредством анализа высказанных мнений.

В этом плане полагаем уместным вспомнить о взаимообусловленности понятий «объект права» и «объект правового регулирования», проблеме, остающейся дискуссионной еще с тех, теперь далеких, лет, когда известный ученый О.С. Иоффе написал, что под объектом права понимается «то, на что право направляется или на что оно оказывает воздействие» [12, с. 90]. Думается, в обоих случаях главным является направленность на регулирование общественных отношений, их упорядочение.

Как отмечается в отдельных случаях, «объект представляет собой некую целостность, которая может быть подвержена правовому регулированию. Объект — это компонент об-

ективной реальности, существующей вне и независимо от сознания данности. Объективная реальность в данном случае представлена в виде чистой потенциальности, как бытие в себе» [11, с. 35]. Тем самым объект правового регулирования представляет собой элемент объективной реальности; последняя может быть подвержена правовому (именно) регулированию.

В.А. Борченко и Р.Ф. Азизов пишут, что «объектом правового регулирования выступают, во-первых, позитивное, во-вторых, негативное поведение человека как члена общества и опосредуемые таким поведением общественные отношения» [4, с. 3]. Такое определение объекта правового регулирования в значительной степени объясняет его сущность и содержание, поскольку человеческая деятельность действительно является компонентом объекта правового регулирования, наряду с общественными отношениями.

Соответственно, объект правового регулирования является единым (общим) для всех отраслей, в том числе и процессуальных, системы права; в свою очередь, предмет каждой отрасли специфичен.

Изложенное позволяет установить сущность объекта правового регулирования и одновременно стать методологическим подходом к формулированию понятия объекта регулирования, но уже — процессуально-правового. С нашей точки зрения, под объектом правового регулирования и его сущностью следует понимать совокупность общественных отношений и деятельности субъектов и участников этих отношений, подлежащих нормативно-правовому регулированию, в целях их упорядочения.

Итак, определившись с понятием правового регулирования и его объекта, представим свой вариант ответа на вопрос, что представляет собой объект процессуально-правового регулирования. При этом надо сказать, что, безусловно, в поиске ответа на поставленный вопрос определенную помощь могли бы оказать научные публикации по рассматриваемой проблематике; однако таковых практически нет.

Исключение, пожалуй, составляет только одна статья, в которой предлагается следующее определение: «В качестве объекта процессуально-правового регулирования выступает особая сфера правовых отношений, особая область

юридической практики. Эта сфера представлена группой отношений процессуально-правового характера» [25, с. 122]. К сожалению, кроме такой, несколько абстрактной и вызывающей ряд вопросов (что подразумевается под особой сферой правовых отношений, особой областью юридической практики и т.д.) формулировки, автор оставил фактически без рассмотрения в содержании работы заявленный предмет исследования (объект процессуально-правового регулирования); не раскрыты его сущность и содержание, хотя как тема, так и само название статьи его к этому обязывали.

Поэтому предпримем попытку формирования собственного подхода к искомому определению с учетом следующих аспектов методологического плана.

Прежде всего, скажем, что в содержание (состав) объекта процессуально-правового регулирования следует включить (по аналогии с объектом правового регулирования) такой компонент, как общественные отношения. Но при этом полагаем, что в элементный состав объекта процессуального регулирования входит не вся совокупность общественных отношений, а только те, которые уже урегулированы, как правило, нормами процессуального права, позволяющими создать соответствующие условия для достижения материально-правового результата; и в этом как раз и заключается специфика рассматриваемого понятия.

Общеизвестна служебная (обеспечительная) роль процессуального права и его как бы второстепенный, точнее, производный характер. Но одновременно, с полным основанием можно говорить о том, что процессуально-правовое регулирование способно достичь поставленных перед ним целей только в том случае, если «на помощь» нормам материального права в ходе рассмотрения и разрешения юридических дел «придут» уже имеющиеся, сформированные, кодифицированные и т.п. нормы права процессуального, что позволяет в конечном итоге получить соответствующий материально-правовой результат, то есть одновременно достичь и цели процессуально-правового регулирования, и его механизма.

Следующее, на что необходимо обратить внимание при характеристике объекта процессуально-правового регулирования, — это его особый субъектный состав, что заключается в

том, что его субъектами могут являться исключительно уполномоченные на осуществление процессуальной деятельности органы и должностные лица.

Если же принять во внимание взаимообусловленность процессуально-правового регулирования и юридического процесса, то к названным субъектам примыкают и участники названного процесса (свидетели, понятые, специалисты и другие), играющие свою роль в процессуально-правовом регулировании, причем безальтернативную и весьма значимую.

Следовательно, при формировании подхода к формулированию определения понятия объекта процессуально-правового регулирования надо учитывать: а) элементный состав, в который входит определенная группа общественных отношений и б) деятельность субъектов, наделенных полномочиями осуществлять процессуальную деятельность (уполномоченных субъектов). Такой вывод можно подтвердить следующим суждением: «В качестве объекта процессуально-правового регулирования ограничительных отношений предлагаем понимать урегулированные процессуальными нормами общественные отношения, в рамках которых осуществляется правовое воздействие уполномоченного субъекта на участников конкретной социальной связи» [16, с. 143].

По результатам проведенного исследования есть основания для вывода о том, что под объектом процессуально-правового регулирования следует понимать совокупность определенной группы общественных отношений, урегулированных нормами процессуального права, и процессуальной деятельности специально уполномоченных субъектов.

Теперь перейдем к изучению предмета процессуально-правового регулирования в рамках ранее заявленного подхода (алгоритма).

Как известно, право регулирует различные по содержанию общественные отношения, которые имеют свою специфику, свои характерные черты (признаки); отсюда возникает необходимость разделения норм права на отдельные отрасли.

В основе классификации правового материала лежит предмет правового регулирования, то есть общественные отношения, на которые оказывают воздействие правовые нормы. Но предметом правового регулирования становятся

только такие общественные отношения, которые объективно требуют правового вмешательства. Это надо иметь в виду, ибо есть множество общественных отношений, которые регулируются другими социальными нормами.

Отметим необходимость разграничения таких категорий, как объект и предмет: объект, безусловно, шире предмета, поскольку он включает явления внешнего мира, подлежащие познанию и практическому воздействию субъектов. В свою очередь, предмет отражает только часть, отдельную сторону, конкретный аспект объекта. «Предмет правового регулирования — это уже не объект вообще, а определенная, конкретизированная его сторона», — считает Л.И. Спиридонов [23, с. 39], и мы разделяем такую позицию.

Рассмотрим подробнее предмет правового регулирования, исходя из научных подходов к уяснению этого понятия, относительно которого можно говорить как об устоявшейся правовой категории. По этому поводу Н.И. Матузов пишет: «Под предметом понимается то, что регулирует право, т.е. определенные виды общественных отношений. Последние представляют собой сложную, многоаспектную категорию. В структуру предмета правового регулирования входят следующие элементы: а) субъекты — индивидуальные и коллективные; б) их поведение, поступки, действия; в) объекты (предметы, явления) окружающего мира, по поводу которых люди вступают во взаимоотношения друг с другом и к которым проявляют свой интерес; г) социальные факты (события, обстоятельства), выступающие непосредственными причинами возникновения или прекращения соответствующих отношений. Предмет в данном случае — это все то, что подпадает под действие правовых норм. Иными словами, сфера, на которую распространяется право и которая находится под его юрисдикцией. Подобные общие рамки (границы) нередко называют правовым, или юридическим, полем. За пределами этого поля находится неправовое пространство» [18, с. 399]. В этом случае ученый обращает внимание на то, что предмет правового регулирования — это не все, а «определенные виды общественных отношений», и такой подход прямо обозначает путь в направлении исследуемого в нашей статье предмета процессуально-правового регулирования.

В специальной работе, посвященной предмету правового регулирования, М.А. Лукашев пишет: «Функциональная характеристика предмета правового регулирования предопределена: во-первых, его характеристикой как критерия систематизации правового массива и отграничения одного правового образования от другого, одной группы норм от другой; во-вторых, разнообразием его дефиниций; в-третьих, целями и задачами конкретной отрасли права, которые в свою очередь различаются в зависимости от ее вида или типа (материальное и процессуальное, частное и публичное и т.д.); в-четвертых, факторами, характеризующими новые парадигмы мироустройства, тенденции общественного развития: интеграцией, глобализацией, регионализацией, диверсификацией и т.д. Предмет правового регулирования, в свою очередь, сам порождает возникновение и развитие этих процессов, поэтому они взаимообусловлены» [14, с. 11]. Этот автор верно отмечает разнообразие дефиниций предмета правового регулирования; продолжим обзор некоторых из них.

Предмет правового регулирования, считает С.С. Алексеев, составляют «разнообразные общественные отношения, которые объективно, по своей природе могут “поддаваться” нормативно-организационному воздействию и в данных социально-политических условиях требуют такого воздействия, осуществляемого при помощи юридических норм, всех иных юридических средств, образующих механизм правового регулирования» [2, с. 292]. В этом случае ученый предлагает правовое регулирование рассматривать в связи с механизмом правового регулирования и, возможно, по этой причине не отмечает специфики этого предмета; объектом правового регулирования, считает он, также являются общественные отношения, но какие, возникает вопрос.

По В.В. Лазареву, предмет правового регулирования включает общественные отношения «мыслимые, абстрактные, которые в обобщенном виде (в качестве модели) фиксируют уже существующие или реально могущие возникнуть отношения» [13, с. 67]. И здесь видим указание на общественные отношения, но без их конкретизации, без «привязки» к предмету (именно) правового регулирования.

Согласно точке зрения В.И. Гоймана, «к предмету правового регулирования будут от-

носиться те общественные отношения, действия индивидов, коллективов людей, которые: а) объективно могут быть урегулированы правом и б) в данных условиях требуют юридического воздействия» [7, с. 148]. Здесь уже просматривается характер общественных отношений, направленность правового регулирования.

В свою очередь Н.Н. Вопленко отмечает: «Под предметом правового регулирования следует понимать качественно однородную группу общественных отношений, выступающих в виде объекта регулирования определенной группы правовых норм. Другими словами, это особая социально-правовая среда, ставшая объектом юридического воздействия» [6, с. 364]. В этом случае ученым подчеркивается связь предмета правового регулирования с его объектом; предмет правового регулирования — это качественно однородная группа общественных отношений (отрасль права) — вот в чем специфика предмета правового регулирования.

Следовательно, в итоге можно сказать, что основная мысль в этих подходах заключается в том, что в предмет правового регулирования всегда входят общественные отношения.

Для нас в приведенных определениях важно то, что единый предмет правового регулирования представляет собой систему разнообразных общественных отношений (в том числе, полагаем, и процессуального характера), составляющих определенную совокупность, определенную группу (по Н.Н. Вопленко — «качественно однородную») общественных отношений.

Примечательно, что в текстах отдельных нормативно-правовых актов можно встретить прямое указание на предмет правового регулирования. Так, в соответствии с Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», предметом его регулирования выступают «отношения, возникающие при эмиссии и обращении эмиссионных ценных бумаг независимо от типа эмитента, при обращении иных ценных бумаг в случаях, предусмотренных федеральными законами, а также особенности создания и деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг». То есть не все, а именно определенные отношения.

В своей совокупности изложенное выше фактически становится определенным методологическим подходом и общетеоретической основой для рассмотрения непосредственно

предмета процессуально-правового регулирования.

Здесь привлечем внимание к следующим обстоятельствам. Так, изучение научной литературы свидетельствует о том, что о предмете процессуально-правового регулирования как таковом практически никто не пишет; юридическая наука относится индифферентно к этой проблематике. По этому поводу К.Б. Иващенко верно отмечает, что «проблема предмета правового регулирования не достаточно раскрыта в науке общей теории права». И далее: «Специфика же предметов правового регулирования материального права в его соотношении с процессуальным и вовсе не раскрывается в комплексном виде на уровне общей теории права» [9, с. 41–42].

В качестве примера сложившегося положения можно сослаться на монографию В.Н. Протасова по общей теории процессуального права, в которой предмет процессуально-правового регулирования не определен ни в качестве составной части, элемента названной теории (ОПТ), ни как ее узловое понятие.

Другой пример: в обстоятельной работе, посвященной теории процессуального права, отмечается буквально следующее: «Процессуальное право представляет собой “инструкцию” по реализации права материального. В данном случае достаточно трудно определить предмет процессуального права, провести границу между материальными и процессуальными явлениями в праве, тем более что на долю материального права остается очень и очень немного» [15, с. 41–42]. Таким образом, автор названной работы Е.Г. Лукьянова признается, образно говоря, в наличии слабого звена в названной ею «инструкции»; умалчивает, не отвечает на вопрос, что же понимается ею конкретно под предметом правового регулирования процессуального права (процессуально-правового регулирования).

И еще один пример. Непосредственным предметом воздействия со стороны процессуального права выступают материально-правовые отношения, но не вся их совокупность, а лишь требующие вмешательства в целях их защиты и охраны от различного рода нарушений или возникших иных препятствий в их реализации [10, с. 8].

Из изложенного, таким образом, вытекает, что предмет процессуально-правового регули-

рования и предмет воздействия «со стороны процессуального права» является одним и тем же, не так ли? Тогда почему же автор не дает формулировки этих (или хотя бы одного из них) понятий, из которых можно было бы конкретно видеть сущность и содержание предмета процессуально-правового регулирования?

И в заключение аналитического обзора научного багажа о предмете правового и процессуально-правового регулирования, приведем несколько точек зрения ученых, представителей отраслевых наук. Так, согласно первой из них, предметом правового регулирования процессуальных отраслей права называются общественные отношения по поводу применения норм материального права в процессе разрешения юридических дел и споров, преимущественно в суде [8, с. 119]. Такое мнение мы разделяем в той части, где говорится об общественных отношениях по поводу применения норм материального права, причем в процессе разрешения юридических дел. Но формулировка «преимущественно в суде» вызывает необходимость пояснения этого «преимущества»; а как быть тогда с другой юрисдикционной деятельностью, которая также связана с рассмотрением и разрешением юридических дел?

Другую — представляет Ю.А. Свирин, который в гражданском процессуальном праве в качестве предмета правового регулирования рассматривает «правоприменительную деятельность судов (в обоих случаях подчеркнуто нами. — В.Б., Т.Н.) по защите оспариваемых или нарушенных субъективных прав физических лиц и организаций, признаваемых и не признаваемых юридическими лицами» [21, с. 26]. В этом случае за рамками остаются общественные отношения, и демонстрируется исключительно деятельностный подход к определению предмета гражданского процессуального права, что, думается, носит несколько односторонний характер.

Одновременно нельзя упустить из вида высказанное в свое время мнение В.Д. Сорокина о том, что «одной из составных частей предмета советского административно-процессуального права являются те общественные отношения, регулируемые нормами материального гражданского, трудового, финансового, колхозного, земельного и семейного права, которые связаны с разрешением задач государственного

управления и которые требуют для своей реализации процессуальных действий органов государственного управления» [22, с. 61]. Таким образом, в определенной мере это мнение также свидетельствует о деятельностном подходе и соотносится с позицией В.Н. Протасова и других ученых (в том числе и с нашей. — В.Б., Т.Н.) в вопросе о предмете процессуально-правового регулирования.

Проведенный анализ точек зрения и подходов к определению предмета процессуально-правового регулирования, а также собственная позиция, согласно которой процессуально-правовое регулирование является особым видом правового регулирования в целом, позволяют сформулировать следующее определение: предметом процессуально-правового регулирования является совокупная общность однородных общественных отношений и процессуальной деятельности управомоченных субъектов, направленная на обеспечение надлежащих условий для применения норм материального права.

При этом под процессуально-правовой деятельностью понимается регламентированная нормами процессуального права юрисдикционная и иная социально-значимая деятельность позитивного характера специально управомоченных органов и лиц по применению правовых норм в ходе и по результатам рассмотрения и разрешения юридических дел.

Таким в итоговом варианте нам видятся методологические подходы к определению понятий объекта и предмета процессуально-правового регулирования и их дефиниций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Н.Г. Сущность права (К вопросу о сущности исторических типов права). М., 1950.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1.
3. Бакулина Л.Т. Общая теория договорного правового регулирования: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019.
4. Борченко В.А., Азизов Р.Ф. Объект и предмет правового регулирования: проблема соотношения понятий // История государства и права. 2006. № 11.
5. Власенко Н.А. Правовые средства противодействия коррупции: понятие и социальная роль // Правовые средства противодействия коррупции: научно-практическое пособие / отв. ред. Н.А. Власенко. М., 2012.
6. Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград, 2009.

7. Гойман В.И. Действие права. Правовое регулирование // Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М., 2005. Гл. 10.5.
8. Григонис Э.П. Теория государства и права. Курс лекций. СПб., 2002.
9. Иващенко К.Б. Соотношение материального и процессуального права в Российском государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018.
10. Иващенко К.Б. Соотношение материального и процессуального права в Российском государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018.
11. Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1993.
12. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949.
13. Лазарев В.В. Определение сферы правового регулирования // Правоведение. 1980. № 5.
14. Лукашев М.А. Предмет правового регулирования как категория теории государства и права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.
15. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2001.
16. Макогон Б.В. Процессуально-правовые ограничения как атрибут деятельности властных субъектов: монография. М., 2013.
17. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972.
18. Матузов Н.И. Система права // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2001.
19. Осипов М.Ю. Основные подходы к понятию и сущности правового регулирования // Современные проблемы права и управления. 4-я Международная научная конференция: сборник докладов. Тула, 2014.
20. Осипов М.Ю. Правовое регулирование как динамическая система: понятие, структура, функции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
21. Свирин Ю.А. О единстве гражданской процессуальной формы и гражданского процессуального права // Адвокат. 2014. № 10.
22. Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. М., 1972.
23. Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. Л., 1973.
24. Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права. Казань, 2003.
25. Шрамкова М.Н. К вопросу об объекте процессуально-правового регулирования // Вектор науки. Тольяттинский государственный университет. 2011. № 1(4).

Власова Галина Борисовна,

доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории
права и государства, Ростовский филиал
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения «Российский
государственный университет правосудия»,
344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, д. 66;
профессор кафедры теории и истории
государства и права Ростовского
государственного экономического университета
(РИНХ), 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая
Садовая, д. 69, e-mail: vlasovagb@mail.ru

Vlasova, Galina B.,

Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Theory
and History of Law and State,
Russian State University of Justice, Rostov branch,
66 Lenina St., Rostov-on-Don, 344038,
Russian Federation;
Professor of Department
of Theory and History of State and Law,
Rostov State University of Economics (RSUE),
69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
e-mail: vlasovagb@mail.ru

Форопонов Богдан Александрович,

магистрант 2-го курса, Ростовский филиал
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения «Российский
государственный университет правосудия»,
344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, д. 66,
e-mail: kafedra213@mail.ru

Foroponov, Bogdan A.,

2nd-year Master Student,
Russian State University of Justice,
Rostov branch,
66 Lenina St., Rostov-on-Don,
344038, Russian Federation,
e-mail: kafedra213@mail.ru

РАСКРЫТИЕ СУЩНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПОСРЕДСТВОМ АНАЛИЗА ЕГО ФУНКЦИЙ

REVEALING THE ESSENCE OF JUSTICE BY ANALYZING ITS FUNCTIONS

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению сущностных характеристик правосудия в их соотношении с судебной властью, судебной деятельностью и формами судопроизводства. Осуществлен анализ воздействия правосудия на общественные отношения в качестве функции судебной власти. Использование структурного подхода позволяет рассмотреть основные аспекты правосудия: правовой и коммуникативный. Показано возрастание социально-политического значения правосудия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правосудие; функция; судебная власть; судопроизводство; судебный процесс; акты правосудия.

ABSTRACT. The article is devoted to the consideration of the essential characteristics of justice in their relation to the judicial power, judicial activity and forms of legal proceedings. The article analyzes the impact of justice on public relations as a function of the judiciary. The use of a structural approach allows us to consider the main aspects of justice: legal and communicative. The increasing socio-political significance of justice is shown

KEYWORDS: justice; function; judicial power; legal proceedings; judicial process; acts of justice.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Власова Г.Б., Форопонов Б.А. Раскрытие сущности правосудия посредством анализа его функций // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 21–25.
DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-2

FOR CITATION:

Vlasova G.B., Foroponov B.A. Revealing the essence of justice by analyzing its functions. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 21–25 (in Russian).
DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-2

Анализ функций правосудия обеспечивает раскрытие особенностей его реализации, его формы проявления вовне. Выступая в виде процедур реализации правосудия, функции представляют собой конкретизацию порядка действий носителей судебной власти.

В точных науках функция понимается в качестве зависимой переменной величины. Относительно признаков функций правосудия можно сказать, что речь идет, с одной стороны, о связях, отношениях между субъектами судебной системы, а с другой стороны, об их зависимости от определенного воздействия извне. Таким образом, функции правосудия как понятие выступают в тесной связи с понятием структуры, играя особую роль в рамках системного анализа и обеспечивая возможность использования структурно-функционального анализа в правовых исследованиях.

Изучение функций правосудия неизбежно выводит на их соотношение с такими институтами, как судебная деятельность, судебная власть и формы судопроизводства. Определению этих феноменов посвящено значительное количество работ. В частности, И.Л. Петрухин пишет, что «судебная власть — это самостоятельная и независимая ветвь государственной власти, созданная для разрешения на основе закона социальных конфликтов между государством и гражданами, самими гражданами, юридическими лицами; контроля за конституционностью законов; защиты прав граждан в их взаимоотношениях с органами исполнительной власти и должностными лицами; контроля за соблюдением прав граждан при расследовании преступлений и при проведении оперативно-розыскной деятельности; установления наиболее значимых юридических фактов и состояний» [6, с. 81].

Анализ категории «судебная власть» невозможен без рассмотрения ее материальной основы — «судебной системы». У нее также есть определенный набор функций, которые представляют собой основные направления осуществления полномочий судов по регуляции общественных отношений. Юридическое оформление судебной системы — это способ ее внешнего проявления, который осуществляется в процессуальной форме в виде судебных актов (решений, постановлений, приговоров и определений).

Правосудие специфическим образом воздействует на общественные отношения, будучи одной из функций судебной власти. Оно решает задачи судебной власти по уравниванию и сдерживанию как исполнительной, так и законодательной властей посредством мер государственного принуждения. Из этого следует, что «судебная власть» — это более широкое понятие, чем правосудие [7, с. 445].

Возвращаясь к понятию «функция», следует сказать, что это в целом устойчивая взаимосвязь объектов, в рамках которой изменения одних объектов влекут за собой изменения других. Это повышает значение роли отдельного элемента всей системы в процессах функционирования последней. Отсюда характерная особенность функции правосудия. Они находятся в тесной зависимости от тех процессов, которые протекают во всех правоохранительных органах данного государства.

Следует обратить внимание на взаимосвязь функций правосудия с такими элементами судебной власти, как судебный контроль, судебное санкционирование, профилактическое и информационное влияние на правосознание широких народных масс. Эта взаимосвязь проявляется, прежде всего, в механизме реализации правосудия, каковыми являются судебные заседания, проводимые с соблюдением всех демократических принципов и международно-правовых стандартов правосудия.

Таким образом, в рамках судебной власти правосудие связано с судебной деятельностью и судопроизводством, а сами функции правосудия осуществляются судом. Сама по себе «функция правосудия — это деятельность органов судебной власти как ее субъектов, протекающая в рамках судебной системы, представляющая собой совокупность организационных и процессуальных операций, которые предусмотрены законом и выполняются судами в соответствующих процессуальных формах, имеющая самостоятельное социально-правовое значение для демократического общества» [4, с. 50].

Ключевым словом в этом определении является «деятельность». Сама по себе деятельность может быть структурирована следующим образом: определение цели, которую предстоит достичь, те есть целеполагания; планирование действий и их осуществление; анализ достигнутых результатов действий.

С этих позиций функции правосудия — это система определенных действий субъектов и объектов правосудия. Элементы этой системы находятся в тесном взаимодействии, преследуя цель укрепления правопорядка в государстве.

Содержание функций правосудия и особенности их реализации характеризуются определенными свойствами. Это законность, понимаемая как соответствие принимаемых судебных актов закону; обоснованность, то есть подтверждение принятых решений системой убедительных доказательств; объективность — непредвзятость, беспристрастность судебного рассмотрения; справедливость принимаемых судом решений, которые должны соответствовать нравственным представлениям общества; своевременность и юридическая точность судебных решений.

Реализация правосудия происходит в ходе рассмотрения дела по существу посредством судебного разбирательства при полном соблюдении всех конституционных гарантий. Одним из основных направлений судебной деятельности является правозащитная функция, нацеленная на принудительное устранение или минимальное допущение нарушений прав и свобод личности. Достигается это путем установления особого статуса порядка деятельности самого судьи. Именно поэтому Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» определил правосудие как разрешение споров и рассмотрение судами дел, отнесенных к их компетенции посредством административного, гражданского и уголовного судопроизводства [8].

Для раскрытия сущности функций правосудия очень важно выделить различия между понятиями «правосудие» и «судопроизводство». Анализируя эти различия, можно раскрыть не только внутреннее содержание функций правосудия, но и уяснить принцип обеспечения доступа к правосудию, закрепленный в Конституции РФ. Учет связи правосудия с выше-названным принципом играет особую роль в определении предмета правосудия в целом, его предназначения и, соответственно, целей правосудия и методов их достижения посредством функций правосудия [8, с. 49].

Предмет правосудия в своем содержательном аспекте, воплощаясь в функциях право-

судия, состоит из процессуальной составляющей (доказывания и состязательности сторон), результативности судебной деятельности (достижения справедливости в общественном понимании), положительного влияния правосудия на состояние общественных отношений в государстве (с учетом факторов, мешающих правосудию, преступного влияния на судей, поддержки со стороны общества, создания государством необходимых условий для беспрепятственного осуществления правосудия).

Оценка эффективности правосудия предусматривает учет действующих в судопроизводстве дисфункций, которые оказывают разрушающее влияние, затрудняя соблюдение судом таких принципов, как обоснованность, своевременность, справедливость и беспристрастность принимаемых им решений. В небольшой степени это зависит от качества кадров судейского корпуса: их профессиональной компетентности; объективности при принятии решений; нравственных качеств [1, с. 112].

Используя структурный подход, можно выделить два основных аспекта, характеризующих правосудие. Первым является правовой аспект, позволяющий рассматривать правосудие, исходя из его функций как организационный комплекс, то есть создание и действие судебных инстанций, их положение в государственном аппарате, взаимодействие этих инстанций и их взаимоконтроль.

В качестве второго аспекта выступает коммуникативная характеристика правосудия, обусловленная объективной социальной потребностью в цивилизованном разрешении правовых конфликтов. Результативная организация правозащитной, правоохранительной и обеспечительной функции правосудия является важнейшим действующим фактором, нацеленным на стабилизирующее влияние, оказываемое на общественное мнение, и в то же время подверженным критической оценке со стороны общества.

В правовом отношении правосудие — это особый вид достаточно сложного социального построения, которое работает, подчиняясь собственному целеполаганию, точнее, стремясь к установлению истины по конкретному делу и справедливому разрешению конфликта, а также используя свои методы достижения этих целей [3, с. 111].

Социально-политическое значение правосудия возрастает вследствие его влияния на формирование общественного мнения относительно эффективности не только судебной деятельности, но и всего государственного аппарата в целом.

Будучи частью этого государственного аппарата, судебные органы принимают решения в соответствии с установленным правовым порядком, укрепляя, таким образом, правовые ценности и способствуя укреплению в обществе правовой культуры.

Рассмотрение всего многообразия форм правосудия неизбежно приводит к вопросу о том, каким образом оно воздействует на общество и как существующая реальность влияет на реализацию правосудия. Ответы на эти вопросы позволяют выявить основные тенденции в действии правосудия и сформулировать общетеоретическое понимание его функций.

Во-первых, это придание институциональной формы спору или конфликту, юридизация состоявшегося противоправного деяния, перевод факта установления и квалификации в процессуальную сферу.

Во-вторых, судопроизводство публичного состязательного процесса должно быть осуществлено в соответствии с утвержденными Конституцией РФ правами сторон судебного разбирательства.

В-третьих, мера противоправности деяния, степень его общественной опасности, размер надлежащего справедливого воздаяния за совершенное оцениваются в соответствии с правом, имея, таким образом, законный характер. Преследуется цель соотносить противоправное деяние и правовую норму наиболее полно и точно. Нарушив содержащееся в норме правоположение, лицо должно претерпеть наказание или подвергнуться имущественному взысканию.

В-четвертых, должна быть в наличии доказательственная база, а решения суда и его выводы обоснованы установленными фактами, которые излагаются в итоговом процессуальном акте, признаваемом и одобряемом обществом [4, с. 115].

В XX столетии не было выработано общего определения правосудия и его функций. Все сходятся во мнении, что правосудие — это судебная деятельность по рассмотрению и разрешению дел, но вопросы осуществления

функций правосудия на отдельных стадиях процесса, о широте полномочий суда на различных этапах судопроизводства, о функциях судебного контроля решаются учеными по-разному.

Самым распространенным пониманием правосудия является его определение как правоприменительной деятельности суда, нацеленной на рассмотрение и разрешение конфликтов в правовой жизни общества. Одни авторы считают, что правосудие — это деятельность судов по рассмотрению и решению дел на уровне первой инстанции. Другие полагают, что правосудие — это деятельность суда только в рамках стадий судебного процесса.

В целом реализация правосудия происходит в ходе рассмотрения и разрешения дел в установленных процессуальных формах, то есть оно не сводится к рассмотрению и разрешению судом дел по существу. Функции правосудия реализуются в основном в судах первой инстанции, и по мере производства в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, а также на стадии возобновления производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

В ходе судебного процесса возможно принятие и так называемых промежуточных решений, иногда очень основательно воздействующих на результаты правосудия по конкретному делу и принимаемых за рамками судебных разбирательств.

Именно благодаря эффективному функционированию судебной системы, совершенствованию функций правосудия, происходит утверждение справедливости, оказывается результативное воздействие на преступность в процессе осуществления правосудия, реализации его правоохранительной функции, посредством издания приговоров, постановлений и частных определений происходит воздействие на преступность, предостерегаются должностные лица относительно нарушения ими законности, устраняются условия для их совершения.

В современных условиях значение правоохранительной и правообеспечительной функции правосудия будет возрастать, стимулированное выработкой и использованием новых средств процессуального обеспечения и выражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М., 2008.
2. Колоколов Н.А. О праве, суде и правосудии: (избранное). М., 2006.
3. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001.
4. Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М., 2012.
5. Стецовский Ю.И. Судебная власть: учебное пособие. М., 1999.
6. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003.
7. Судебная власть и правосудие в Российской Федерации: курс лекций / под ред. В.В. Ершова. М., 2011.
8. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 21.07.2014) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 14.02.2011. № 7. Ст. 898.

УДК 340

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-3

Напалкова Ирина Георгиевна,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права, Ростовский
государственный экономический
университет (РИНХ),
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, д. 69,
e-mail: napalkova-ig@mail.ru

Napalkova, Irina G.,
Doctor of Law, Professor,
Head of Chair of Theory and History
of State and Law, Rostov State University
of Economics (RSUE),
69 Bolshaya Sadovaya St.,
Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
e-mail: napalkova-ig@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ КАТЕГОРИИ «ФОРМА ГОСУДАРСТВА»

METHODOLOGICAL APPROACHES TO UNDERSTANDING THE CATEGORY “FORM OF STATE”

АННОТАЦИЯ. В статье исследованы методологические подходы к пониманию категории «форма государства» как сложного системного феномена, раскрывающего сущность, содержание государства, определяющего механизм государства, его устройство и методы осуществления государственной власти. Автор актуализирует проблему практического значения категории «форма государства» в достижении наибольшей эффективности организации и функционирования государственной власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: содержание и форма; форма государства; методология системного подхода; организация государственной власти; эффективность управления государством.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Напалкова И.Г. Методологические подходы к пониманию категории «форма государства» // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 26–30. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-3

ABSTRACT. The article examines methodological approaches to understanding the category «form of the state» as a complex systemic phenomenon that reveals the essence, content of the state, which determines the mechanism of the state, its structure and methods of exercising state power. The author actualizes the problem of the practical significance of the category «form of the state» in achieving the greatest efficiency of the organization and functioning of state power.

KEYWORDS: content and form; the form of the state; system approach methodology; organization of state power; efficiency of government.

FOR CITATION:

*Napalkova, I.G. Methodological approaches to understanding the category “form of state”. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 26–30 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-3*

Среди многочисленных проблем, определяющих природу, содержание, сущность государства как политической организации общества, особое значение приобретает проблема определения категории «форма государства». Данная категория включает в себе важнейшую характеристику государства, поскольку имеет непосредственную связь с его сущностью, содержанием, назначением, определяет основные направления государственно-правовой политики.

Философское понимание категории «форма» означает характеристику «отношения между способом организации вещи и собственно материалом, из которого данная вещь состоит» [11, с. 631]. Форма представляет собой принцип упорядоченности, способ существования содержания.

В античных философских учениях с помощью понятия формы осмысливалась упорядоченность мира и его составляющих, выражались способы существования различных видов бытия, их строение, воплощение, преобразование.

Категория формы занимала центральное место в наиболее развитых и всеобъемлющих системах античности — в философии Платона и Аристотеля. Платон считал форму прообразом, идеалом, существующим независимо от материального бытия вещи, отводил форме определяющую, активную роль. Так, Платон под идеальной формой государства понимал аристократию как правление «лучших», но он считал, что эта форма не является вечной и может деградировать, меняя тем самым свою идеальную форму. Главной причиной смены форм государства он считал порчу нравов.

Аристотель рассматривал форму как внутреннюю цель вещи, детерминирующую ее единство. Понятие формы использовалось им в соотнесенности с противоположным понятием, обозначающим ту субстанцию, которая подлежит упорядочиванию, оформлению. Учение Аристотеля о форме положило начало понимания формы как организующего фактора бытия. Форму государства Аристотель определял в зависимости от количества властвующих и выделил правильные формы: монархию (правление одного); аристократию (правление немногих); демократию (правление большинства). Он называет и неправильные формы государства: тиранию, олигархию, охлократию.

Воззрения древнегреческих мыслителей о форме государства нашли свое продолжение в трудах римских юристов. Так, Цицерон определяет в зависимости от числа правителей простые формы государства: монархию, аристократию, демократию и смешанную форму государства, способную, по его мнению, предотвратить искажение и вырождение простых форм государства.

В последующие периоды развития общества в трудах Августина, Ш. Монтескье, Дж. Локка и др. проводились исследования по выявлению форм государства, осуществлялись попытки формирования их типологии.

В своем философском учении Ф. Гегель отмечал двойственный статус формы как философской категории: 1) нерефлексируемую в самое себя, существующую как внешнее безразличное для содержания существование; 2) рефлексированную в себя, то есть представляющую собой само содержание. С понятием формы Гегель связывал определенность предмета, из каких бы составляющих она ни состояла. Диалектически связанные между собой категории формы и содержания предназначались им для постижения многообразия бытия [2, с. 84].

Гегель считал, что государственное устройство как элемент формы государства не является результатом развития собственного духа конкретного народа, его поступательного движения, в котором ни одна ступень не может быть пропущена с целью опережения времени. Он считал, что «народ должен почувствовать, что его государственное устройство соответствует его праву и его состоянию, в противном случае оно может быть внешне наличным, но не будет иметь, ни значения, ни ценности» [1, с. 274]. Каждое государство обладает собственными только ему характерными особенностями, неповторимой уникальностью, которые содержатся в элементах его формы.

И.А. Ильин также отмечал, что у каждого народа имеется «своя особая, индивидуальная форма и конституция, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых народов и не должно быть одинаковых форм конституций...» [4, с. 31]. Характеризуя общую форму государства, он не исключает возможности возникновения на ее основе иных видов государственных форм, обусловленных различиями множества экономических, политических, духовных и

других факторов, свойственных конкретному народу и влияющих на процесс возникновения и функционирования государства [5, с. 135]. И.А. Ильин выделял:

1) «эмпирически наиболее целесообразную форму» государства, учитывающую присущую данному народу зрелость и прочность государственной воли, ведущую общество к единой и объективной государственной цели и форму «наиболее совершенную»;

2) «наиболее совершенную форму» государства, которая должна соответствовать основным и неизменным ценностям, которыми являются: во-первых, чувство собственного духовного достоинства и его проявления; во-вторых, способность к волевому самоуправлению и ее проявления; в-третьих, взаимное доверие и уважение — гражданина к гражданину, гражданина к власти и власти к гражданину [6, с. 283–284].

Г. Еллинек отмечал сложность конкретных проявлений государства и невозможность его подведения под тесные шаблонные формулы. Он выделил наиболее поучительные, с его точки зрения, отдельные виды форм государства, которые являлись наиболее развитыми в конкретную историческую эпоху. Г. Еллинек разграничивает правовую форму государства, выраженную в конституциях, и политическую форму государства, находящуюся в зависимости от изменяющихся отношений, устанавливаемых государством [9, с. 632].

С позиций методологии системного подхода к пониманию государства как политико-правовой формы системной организации общества, категория «формы государства» имеет сложное системное строение, представляющее собой упорядоченное, структурное образование, состоящее из совокупности тесно взаимодействующих и взаимозависимых элементов: формы правления, формы государственного устройства и политического режима.

Элементы формы государства дополняют друг друга, находятся в положении взаимозависимости, в неразрывном единстве. Но данное единство не является абсолютным. Все элементы формы государства имеют относительную самостоятельность. Форма правления может сохраняться на протяжении длительного времени, тогда как сущность государства может подвергаться принципиальным изменениям

(сохраняются монархии, республики, существовавшие в эпоху рабовладения и феодализма, но изменилась их сущность). Эти явления подтверждают подвижный характер элементов формы государства и способность сохраняться в новых исторических условиях [12, с. 131].

В зависимости от исторических, национальных, культурных условий существуют различные способы варьирования данных элементов в структуре конкретного государства. Структура государства представляет собой внутреннюю организацию составляющих ее элементов. Так, например, в ряде государств парламентская республика как форма правления органично сочетается с федеративным устройством государства и политическим демократическим режимом. В иных государствах президентская форма правления сочетается с унитарной формой устройства государства и авторитарным политическим режимом.

Особое значение для определения организации власти государства имеют форма правления и политический режим. Форма правления раскрывает способ формирования органов государственной власти, характер осуществления власти, способы разграничения компетенций органов власти, порядок участия населения в их формировании. Политический режим как составной компонент формы государства определяет формы и методы осуществления государственной власти. Но следует отметить, что жесткой зависимости элементов формы государства друг от друга не существует. Так, например, форма правления и политический режим не связаны с формой территориального устройства государства.

В целом, для эффективного развития и совершенствования государства структурные элементы его формы должны сочетаться с его содержанием. Как отмечает Д.А. Керимов, преобразование сущности и изменение содержания государства и его деятельности способствуют изменению его формы [7, с. 588]. Действительно, форма диалектически, неразрывно связана с содержанием государства, с его сущностью, является их выразителем. Сущность государства выявляется в реализации воли и интересов определенных слоев, групп, классов. Содержание государства определяет направление его деятельности. Форма государства определяет его строение, составные части,

внутреннюю структуру и методы осуществления власти государства.

Сущность, содержание и форма государства не являются неизменными, застывшими категориями, они непрерывно изменяются под воздействием многочисленных условий, возникающих в процессе развития общества.

Но не все вышеперечисленные элементы формы государства изменяются постоянно. Значительным изменениям в процессе развития государства чаще всего подвергается форма правления. С одной стороны, форма правления, изменяясь в процессе трансформации под воздействием различных факторов, эволюционирует, влияет на сущность и содержание государства, способствует формированию новых, неклассических форм правления (выборная монархия, смешанная республика и др.). С другой стороны, наоборот, изменение сущности и содержания государства во многом определяет ту или иную форму государственного правления.

Таким образом, в процессе организации государственной власти содержание и форма являются не только двумя сторонами организации власти государства, но оказывают в равной степени воздействие друг на друга, т. е. превалирующее воздействие каждой из сторон носит относительный характер.

На форму государства влияют различные условия — тип государства, уровень развития социально-политических отношений, соотношение политических сил (демократических и антидемократических), культурно-историческое развитие, национальный состав проживающего на территории государства населения, географическое положение, природно-климатические условия и т.д. Особое значение приобретают правосознание народа, его ментальность. При выявлении формы государства следует учитывать ее причинную обусловленность этими и многими другими факторами, а также необходимо определить совместимость элементов формы государства друг с другом и с содержанием государства.

В советский период форма государства рассматривалась как институт, состоящий из формы правления и формы государственного устройства. Впоследствии к этим элементам формы государства был добавлен политический режим. Данный подход к пониманию

формы государства и ее структурных элементов является общепринятым и широко применяется в современной российской правовой науке.

В современных научных исследованиях в процессе определения типологии форм государства, осуществляемого российскими и зарубежными учеными, сформировались многочисленные подходы, основанные на различных научных позициях.

Н.И. Матузов отмечает, что существенные черты той или иной формы государства нельзя понять и объяснить, отвлекаясь от характера тех производственных отношений, которые сложились на данной ступени развития [9].

В современной научной литературе форма государства понимается как «категория, определяющая способ организации и осуществления государственной власти; показывающая особенности внутренней организации государства, порядок образования и структуру органов власти, специфику их территориальной обособленности, характер взаимоотношений друг с другом и населением, а также те методы, которые используются для осуществления организующей и управленческой государственной деятельности» [10, с. 392].

М.Н. Марченко, характеризуя форму государства, отмечает: «Каждая форма государства опосредует и “оформляет” лишь определенную сторону организации и функционирования государственной власти, ее строго определенный аспект или срез» [8, с. 215]. Он считает, что в зависимости от того, какой аспект берется за основу и рассматривается в качестве предмета той или иной формы, соответственно следует различать форму правления, форму государственного устройства и государственный режим. Особое значение приобретает вопрос о степени их самостоятельности и характере взаимосвязи. Следует отметить, что государственная власть является единой и неделимой, поскольку имеет единый источник своего существования — народ — и предполагает наличие единой формы, на основе которой под воздействием многочисленных экономических, политических, национальных и иных условий могут формироваться различные виды частных форм.

Периодически в научной литературе рассматривается проблема о необходимости при-

знания в качестве самостоятельного элемента формы государства, наряду с традиционными, такой формы, как политическая динамика, которая, являясь производной от государственного режима, представляет собой более подвижный элемент, чем сам государственный режим. Но в данном случае возникает вопрос о допустимости рассмотрения политической динамики в качестве самостоятельной формы. Логичнее и убедительнее рассмотреть ее как один из признаков государственного режима.

Понимание категории формы государства в контексте его соотношения с содержанием государства имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку организация и устройство государственной власти, методы ее осуществления как компоненты формы государства определяют действенность и эффективность государственного управления общественными процессами. От них зависит обеспечение законности и правопорядка, престиж руководства государства на каждом конкретном этапе его исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г. Политические произведения. М., 1978.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 2. [Учение о сущности]. М.: Мысль, 1971.
3. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
4. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: сочинения. М.: Эксмо, 2006.
5. Ильин И.А. О государственной форме // Советское государство и право. 1991. № 11.
6. Ильин И.А. Теория права и государства / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003.
7. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства: учеб. пособие. 2-е изд. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005.
8. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. В 2 т. Т. 1. М., 2008.
9. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юрист, 2004.
10. Наумов С.Ю. Общая теория государства и права: учебник / С.Ю. Наумов, А.С. Мордовец, Т.В. Касаев. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018.
11. Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. Минск: Скакун, 1999.
12. Радько Т.Н. Теория государства и права. М.: Проспект, 2008.

Серегин Андрей Викторович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории государства
и права, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького,
д. 88, e-mail: andrei-seregin@rambler.ru

Seregin, Andrei V.,
PhD in Law, Associate Professor,
Chair of Theory and History of State and Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007, Russian Federation,
e-mail: andrei-seregin@rambler.ru

ФЕНОМЕН ВЕРЫ И ЭМПИРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ (КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI В.)

THE PHENOMENON OF FAITH AND EMPIRICAL KNOWLEDGE IN RUSSIAN LEGAL SCIENCE (LATE XX — EARLY XXI CENTURIES)

АННОТАЦИЯ. В статье в рамках гносеологического анализа рассматривается проблема соотношения научной веры и реального знания в современной юридической науке. Автор приходит к выводу, что политическая целесообразность текущего исторического момента и концептуальная догматика мировоззренческих систем сковывают российское теоретическое правоведение, которое под давлением эклектико-синкретических противоречий аксиологически девальвировалось не только в глазах социума в целом, но и самой юридической корпорации. Кроме того, в работе критикуются компрекенданная и интегративная теории права, пытающиеся искусственным путем примирить многомерные юридические феномены, детерминированные влиянием экономической справедливости на стабильность национального правопорядка. Выход из сложившегося тупика предлагается разрешить в философско-правовой сфере с помощью методологии сравнительного правового комбинирования, а в области реального правоприменения — путем воспитания духовно-нравственной политической элиты и софократии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юриспруденция; софократия; научная вера; реальные знания; юридическая наука; методология сравнительно-правового комбинирования; догматика.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Серегин А.В. Феномен веры и эмпирического знания в российской юридической науке (конец XX — начало XXI в.) // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 31–35. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-4

ABSTRACT. In the article, within the framework of epistemological analysis, the problem of the correlation of scientific faith and real knowledge in modern legal science is considered. The author comes to the conclusion that the political expediency of the current historical moment and the conceptual dogmatics of worldview systems bind Russian theoretical jurisprudence, which under the pressure of eclectic-syncretic contradictions has axiologically devalued not only in the eyes of society as a whole, but also of the legal Corporation itself. In addition, the paper criticizes the comparative and integrative theories of law that attempt to artificially reconcile multidimensional legal phenomena determined by the influence of economic justice on the stability of the national legal order. The way out of the impasse it is proposed to allow in legal philosophy the field using the methodology of comparative legal combination, and in the field of real enforcement by bringing up a moral political elite and sophistry.

KEYWORDS: jurisprudence; co-democracy; scientific faith; real knowledge; legal science; methodology of comparative legal combination; dogmatics.

FOR CITATION:

Seregin, A.V. The phenomenon of faith and empirical knowledge in Russian legal science (late XX — early XXI centuries). *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 31–35 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-4

Вечный философско-правовой и нравственно-этический вопрос о соотношении веры и научного знания особенно актуален в теоретической юридической науке. Связано это с тем, что в мире иллюзий, т.е. конечных сущностей, человеческое сознание обогащается отображенной и переработанной информацией весьма несовершенными органами чувств: глаза видят мир не таким, каким он является на самом деле, уши слышат не все звуки, нос чувствует не все запахи и т.д. В общем, кругом обман и субъективное заблуждение.

Вместе с тем самосознание человека, связанное с закономерностями его мышления, пытается дать ответы на все вопросы мироздания, к которым относится проблема понимания смысла жизни, устройства вселенной, ее витального и рационального начала.

Для решения данных проблем мозг *homo sapiens* использует рациональные и иррациональные приемы постижения бытия, примиряя инструментарию формальной логики и творческого озарения интуитивной природы.

Во-первых, с помощью логического мышления интеллект постигает взаимообусловленные связи предметов и событий, подкрепляемых эмпирическими доказательствами материального характера, на базе которых выстраиваются системные знания современной науки, ограниченной уровнем конкретно-исторического мировоззрения.

Во-вторых, человеческая природа, богатая эмоциональными переживаниями и впечатлениями, способна описывать трансцендентальные и цендентальные реальности произведениями искусства, сплошь и рядом пронизанного метафоричностью, а следовательно, и символичностью конструируемых им ценностей.

В-третьих, интуитивные прозрения, как правило, анализируются религией, базирующейся на вере в реальность недоказуемого рационально-эмпирическими приемами разума явлений и сущностей.

Право, имеющее дуальную природу, исходящую из трансцендентных начал религиозно-нравственного и/или секулярно-идеологического обоснования моделей управления и поведения отдельным индивидуумом и социумом в целом, чрезвычайно осложняет ответ на вопрос о соотношении веры и знания в юри-

дической науке, порождая феномен *homo legal* (человека юридического).

В практической жизни правоприменители и «ученые мужи, и даже просвещенные дамы XXI столетия», не могут точно дать ответ об истинности или ложности принимаемых ими решений. «Часто человек говорит: я не верю, чтобы N мог совершить преступление; или, я убежден, что это дело его рук; а иногда, я нутром чувствую, что это утверждение верно» [2, с. 45]. Если гипотеза о невиновности лица подтверждается эмпирическими сведениями, например, доказательствами о том, что во время преступления подозреваемый присутствовал на производственном совещании по месту работы, то вера становится знанием, основанном на *alibi*, но если, напротив, появляется информация об ошибке в определении момента противоправного деяния, тогда реконструкция событий приобретает иногда прямо противоположное содержание.

Следовательно, вера может переходить в знание, а знание — приводить к вере или заблуждению. «Ведь не даром на Рейне твердят, что и честный однажды стянул поросят» [2, с. 45].

Ситуация осложняется тем, что мы не знаем самих себя, но рассуждаем о воле Богов и их природе, вселенной и ее законах.

Не имея «железобетонных оснований» построения цивилизации, люди создают догматические аксиомы, которые сами же и опровергают, причем одни и те же личности в границах одного поколения. Так, многие наши современники застали те эпические времена, когда беззаветно верили в идеалы коммунизма и обязательно в диссертациях ссылались на решения ЦК КПСС; до этого вне подозрения было «царство небесное», еще вчера многочисленная, но не вся научная юридическая элита готова была «голову сложить за демократию и незыблемость Конституции», а ныне она весьма талантливо объясняет новую парадигму государственно-правового развития, за которую она всегда ратовала, но не успела сообщить в силу форс-мажорных обстоятельств.

Исторические факты упрямы: новая эпоха всегда отвергает старые ценности. Поэтому именно осуждаемые и гонимые сегодня политико-правовые учения завтра станут официальной идеологией государства. Но старая система знаний и верований, накопившая

ошибки из-за своей догматизации, упорно противостоят рождению новых идей.

Самое страшное для человека и современной корпорации ученых-юристов — посмотреть в зеркало, ибо зеркало показывает то, что обычно мы не желаем знать.

Как быть с научными кадрами, аттестованными за несбывшиеся и отвергнутые теории? И.А. Ильин, изгнанный из России в 1922 г., оказался прав в том, что коммунистическая партия сама разложится изнутри и разрушит советский строй. Но об этом не то чтобы писать, опасно было говорить на кухне в 30-е гг. XX в. Тогда чего стоит вся советская юридическая наука?

Современные диссертационные советы рассматривают диссертации и двумя десятками докторов их утверждают, а эксперты ВАК РФ — «святые инквизиторы» — их отменяют. Встает вопрос, зачем тогда эти два десятка докторов в диссертационных советах? Известны случаи, когда ученые лишаются научных степеней за плагиат, хотя ранее ВАК РФ их утвердил, тогда почему не лишают всех тех, кто их утвердил ранее в ВАК РФ и диссертационных советах, они же давали квалифицированную оценку представленных к защите научных работ, или данная оценка не имеет никакого значения.

Напомню, что по политическим мотивам в СССР была травля не только некоторых «старорежимных» писателей-антисоветчиков (М.А. Булгакова, Б.Л. Пастернака, Е.И. Замятина, А.И. Солженицина и др.), но и науки генетики (ныне активно используемой в криминалистической экспертизе), что уж говорить о верной «служанке юриспруденции».

За какие ценности готовы сражаться современные ученые права — вот главный вопрос, и есть ли эти ценности, и должны ли они существовать?

Трудно быть «солью земли» и в качестве «пророка» говорить истину государю, гораздо легче занимать роль слуги и петь «хвалебные гимны» своему работодателю. Когда жрецы не верят в своих богов и лгут им и людям — «рушатся храмы религий», когда ученые перестают быть братством хранителей истины — деградирует цивилизация, когда юристы не верят в то, чему учат, — наступает забвение правды и справедливости.

Стоит ли удивляться тому, что «релятивистское, т.е. неустойчивое, относительное право-

понимание постмодерна, по мнению Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, обостряет кризисы права, демократии, легитимности и социальной справедливости» [4]. Это в свою очередь заставляет задуматься о новой, правильной философии метамодерна, ибо агностицизм не может быть положен в основу справедливого судопроизводства [5, с. 126–129].

Вместе с тем противоречивое состояние правовой реальности и юридического идеала [17], практического построения механизма государственного управления и оптимальной модели желаемой формы государства (например, в рамках современной концепции патисипарной демократии [16]) не так уж и новационны в истории мировой цивилизации.

Особенности человеческой психики состоят в том, что люди с древнейших времен, как правило, живут в мире добровольных иллюзий, позволяющих им оправдывать свою слабость, невежество, трусость и рабское состояние. «Рациональные люди, — пишет Энтони де Ясаи, — ради своего же блага считают выгодным подчиняться государству» [15, с. 31], делая вид, что верят в его идеологию, т.е. мифическое оправдание государственной необходимости.

В рамках конформистской стратегии социального поведения родились интегральная (объединяющая лишь положительные черты натуралистического и позитивистского правопонимания) [9, с. 2–16; 10, с. 15–120] и компрехендная (признающая истинность за всеми плюсами и минусами любого научного мировоззрения) [3, с. 77–87] теории права, не только не разрешившие кризис правопонимания, но в силу эклектико-синкретических начал собственного построения лишь парализовавшие аксиологические истоки правовой материи.

Поэтому главная проблема современной теоретической юриспруденции состоит в создании методологического инструментария, способного адекватно разрешать накопившиеся противоречия в правовой системе [11, с. 152–156]. Методологическая эклектика способна порождать парадоксы научных выводов. Выходом из сложившейся проблемы теоретического познания государства и права является сочетание приемов юридического комбинирования с компаративистским анализом государственно-правовых явлений как на уровне

фактических общественных отношений, так и в сфере концептуальных конструкций.

Напомню слова знаменитого сербского ученого Николы Тесла: «Наука является обычным извращением, если она не имеет конечной цели — улучшить человечество» [12].

Важно понять, что не бывает стабильного правопорядка в обществе, где нарушена экономическая справедливость. Поэтому двойная, тройная и т.д. мораль будет порождаться безнравственной элитой, сформированной мошеннической приватизацией. Эта антиэлита разрушит правопорядок, так как по своей природе право всегда будет основанием для пересмотра последствий обнищания основной массы населения России в 90-е гг. XX в. и обогащение немногих за их счет. Только сила государственной власти способна заставить плутократию нести социальную ответственность перед обществом. Для этого мало иметь политическую волю. В первую очередь необходимо провести кадровую революцию: воспитать новую политическую элиту путем реализации принципа законности на практике и принятия новой конституции, соответствующей потребностям российского общества. Для установления справедливости необходимо не только лишить неприкосновенности всех должностных лиц, но и установить повышенный уровень юридической ответственности для всех государственных и муниципальных служащих. При подготовке юристов необходимо применять метод пирамидального отсева, при котором выпускаться должны лучшие, отобранные из поступивших (например, при принятии на первый курс 100 обучающихся получать дипломы юристов должны лишь 25). При попытке списывания или систематического нарушения законов студенты юридических вузов должны отчисляться как профнепригодные, с низким уровнем правосознания с запретом на право проходить правоохранительную и иную государственную службу.

Преодоление нарастающего хаоса и беззакония возможно при условии гуманизации и социализации правовой и экономической системы современной России.

Для преодоления духовно-нравственного упадка общества вообще и юридической профессии в частности необходимо воспитать новое поколение судей, которые смогут стать

реальными защитниками правды, добра и справедливости. Решение данной деонтологической задачи возможно, так как «человеческой психике свойственна тенденция вырабатывать и давать определенные интуитивно-правовые решения на те вопросы, которые сознаются как вопросы причинения добра и зла другим или получения известных благ, известных плюсов, или испытанием известных зол, обременения известными минусами со стороны других» [7, с. 479]. Поэтому справедливость есть интуитивное право, заложенное в природе человеческого духа, соединяющего разумное иррациональное начало соразмерности и иррациональное чувство любви и сострадания, высшим проявлением которого является любовь к ближнему, готовому отдать душу свою за бескорыстное братство и друзей [7, с. 500]. «Сознание справедливости оказывает давление на толкование, применение и научную разработку позитивного права, а равно является (мирно или революционно действующим) фактором созидания, разрушения и изменения позитивного права» [7, с. 501].

Полагаем, что судейское сословие необходимо организовать по типу монашеских орденов или пифагорейских обществ. Судьям стоит отказать от частной собственности, перейдя на общественное содержание со стороны государства [8, с. 326], и не иметь никаких привилегий, более того, нести повышенную юридическую ответственность за совершение любых правонарушений. Будущие судьи должны впитать идею о высшей ценности борьбы за правду даже при условии жертвы за истину своей жизнью, при условии реализации на практике принципов авестийской этики, воспевающей благую мысль, благое слово и благое дело [1, с. 14]. И речь здесь идет о современной теории правовой нравственности [6, с. 24–28].

«Соль земли» должны воспитывать софисты — нравственные мудрецы, власть которых заключается не в прямом принуждении подвластных, а в воспитании национальной элиты и в формировании политико-правовой идеологии государства [13, с. 345]. Это и есть концептуальная власть, новое духовно-нравственное жречество юриспруденции, призванное в первую очередь изучать законы духовной жизни для согласования их с позитивным законодательством, хозяйственной деятельностью,

политикой и государственным управлением обществом [14, с. 20].

В заключение отмечу, что научная вера и реальное знание — это две стороны одной медали, позволяющей анализировать гностическую природу права. Вместе с тем с гносеологической точки зрения, чтобы вера не являлась слепым заблуждением, а знание не накапливало ошибочную догматику, современному ученому в одинаковой мере вреден не только методологический монизм, но и интегральный или компрехендный плюрализм. И это очевидно, так как в монизме мы становимся заскоруждыми догматиками, убивающими истину, ибо она враг догмы; в интегральном плюрализме идеализируем право, а в компрехендном подходе обесцениваем его необходимость.

Выход один: проводить комбинированные сравнения на уровнях эмпирического (объективного) правового материала и доктринального (субъективно-идеалистического) осмысления его сущности и содержания путем определения непротиворечивых (общих) выводов, полученных при исследовании идеологии государственно-правовых учений, законодательства, обычного права, классовой структуры общества и правовой культуры в рамках терминологических дефиниций юридической теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата / пер. с авест., предисл., примеч. и словарь И. Стеблин-Коменского. М.: Дружба народов; КРАМДС – Ахмед Ясави, 1992. 207 с.
2. Глаголев С.С. Вера и знание // Христианские чтения. 1994. № 9. С. 45–69.
3. Захарцев С.И., Сальников В.П. Для познания права предлагается компрехендный подход // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 77–87.
4. Зорькин В.Д. Право мета модерна: постановка проблемы. Лекция на IX Петербургском международном юридическом форуме (16 мая 2019 г.) [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit> (дата обращения: 07.10.2019).
5. Ляхов Ю.А. Агностицизм не может быть в основе справедливого судопроизводства // Государство и право. 2018. № 11. С. 126–129.
6. Мельников В.Ю., Серегин А.В. Теория правовой нравственности // Российский судья. 2020. № 1. С. 24–28.
7. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 800 с.
8. Пифагор. Золотой канон. Фигуры эзотерики. М.: Эксмо, 2004. 448 с.
9. Поляков А.В. В поисках интегрального типа правопонимания. Круглый стол: проблемы современного правопонимания // История государства и права. 2003. № 6. С. 2–16.
10. Ромашов Р.А. Интегральная юриспруденция и энциклопедия права: историко-методический анализ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 3. С. 105–120.
11. Холодов В.А. Актуальные проблемы советской и современной юридической науки // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 5. С. 152–156.
12. Цитаты Тесла [Электронный ресурс] // URL: <https://цитаты.рус/people/nikola-tesla> (дата обращения: 15.03.2020).
13. Энциклопедия правовой мысли: учебное пособие / А.Ю. Мордовцев, А.В. Серегин, Е.А. Апольский, Т.В. Мордовцева. М.: Юрлитинформ, 2019. 440 с.
14. Сорокин В.В. Дух права и буква закона: вопросы понимания, толкования и действия: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 560 с.
15. Ясаи Энтони де. Государство / пер. с англ. Г. Покатовича; под ред. Ю. Кузнецова. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. 410 с.
16. Best E., Augustyn M., Lambermont F. Direct and Participatory Democracy at Grassroots Level: Levers for Forging EU Citizenship and Identity? Maastricht, 2011. P. 7–9.
17. Law and Ideology // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/law-ideology> (date of application: 02.03.2018).

Федоренко Святослав Петрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права
РЮИ МВД России
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Маршала Еременко, д. 83,
e-mail: fsp018@yandex.ru

Fedorenko, Svyatoslav P.,
PhD in Law, Associate Professor
of the Theory of State and Law Department,
Rostov Legal Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, 83 Marshal Eremenko St.,
Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation,
e-mail: fsp018@yandex.ru

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПЛАТФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ПРАВОПОРЯДКА

ELECTRONIC INTERACTION PLATFORMS LAW ENFORCEMENT AGENCIES AND CIVIL SOCIETY AS A MEANS OF PROTECTING LAW AND ORDER

АННОТАЦИЯ. Статья рассматривает современные тренды развития взаимодействия гражданского общества и правоохранительных органов с целью защиты правопорядка, обеспечения принципа законности и безопасности человека, общества и государства, а также закрепленных в конституционно-правовой парадигме современной России прав человека и основ государственного строя. Анализируются средства и методы цифровизации, которые способны повысить эффективность правоохранительной деятельности, уменьшить избыточность нагрузки на сотрудников правоохранительных органов и позволить более качественно и быстро взаимодействовать населению и власти. Указываются риски, продуцируемые процессами цифровизации, и предлагаются пути их решения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровизация процессов взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества; электронные приложения в работе правоохранительных органов; правовая культура молодежи и цифровые технологии; риски цифровизации процессов взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества и пути их преодоления.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Федоренко С.П. Электронные платформы взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества как средство защиты правопорядка // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 36–41. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-5

ABSTRACT. This article examines the current trends in the development of interaction between civil society and law enforcement agencies in order to protect the rule of law, ensure the principle of legality and security of human, society and the state, as well as human rights enshrined in the constitutional and legal paradigm of modern Russia and the foundations of the state system. The article analyzes the means and methods of digitalization that can increase the effectiveness of law enforcement activities, reduce the excess load on law enforcement officers and allow the population and authorities to interact more efficiently and quickly. The article also specifies the risks produced by digitalization processes and suggests ways to solve them.

KEYWORDS: digitalization of interaction processes between law enforcement agencies and civil society; electronic applications in the work of law enforcement agencies; legal culture of youth and digital technologies; risks of digitalization of interaction processes between law enforcement agencies and civil society and ways to overcome them.

FOR CITATION:

Fedorenko, S.P. Electronic interaction platforms law enforcement agencies and civil society as a means of protecting law and order. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 36–41 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-5

Многие ученые и практикующие юристы сходятся во мнении о том, что современным трендом развития является цифровизация всех сфер жизни государства и общества [9, с. 57]. По всей видимости, закономерен факт, что цифровизация в первую очередь охватила экономическую и финансовую сферу, в частности когда начались расчеты в безналичной форме, и дальше перекинулась на другие сферы экономики: продажи, сервисы, криптовалюты и так далее. Возможности электронной среды поистине потрясают: так, компания Alibaba установила рекорд по продажам в интернет-магазине, которые составили 5 миллиардов долларов за 1 час [1], а по прогнозам аналитиков Джефф Безос, владелец Amazon, станет первым триллионером в истории человечества [10]. Данные масштабы показывают роль электронных технологий в жизни современного общества. Разумеется, не является исключением и население России, которое (особенно молодежь) является активным пользователем и получателем электронного контента.

Сегодня передовые информационные технологии активно внедряются в правовую и юридическую жизнь. В настоящее время сложно представить себе отсутствие электронных систем и программ, которые во многом обеспечивают и облегчают жизнь как ученых-юристов, так и юристов-практиков. По данным на 4 июня 2020 года в электронной среде «Консультант плюс» находится 207 946 272 документа [11]. Очевидно, что не хватит нескольких человеческих жизней чтобы просто ознакомиться со всеми ними, не говоря о подробном изучении и анализе. Но благодаря информационной технологии пользователи в считанные секунды получают доступ к необходимой правовой информации, выбирая из сотен миллионов документов именно ту часть закона, которая необходима для конкретной цели.

Здесь возникает проблема превращения права из мерила всеобщей справедливости и правды в алгоритм электронных действий. В частности, профессор А.И. Овчинников считает, что, «прежде всего, следует указать на аксиологический, а значит, и творческий, субъективный характер реализации принципов права. По своему содержанию принципы с технико-юридической точки зрения представляют со-

бой руководящие правовые идеи, выражающие основные правовые взгляды, идеалы, ценности государства на характер права и регулирование общественных отношений, на приоритеты правовой политики, с философско-правовой точки зрения — это императивы, защищающие наиболее важные, абсолютные правовые ценности. Все они возникли под влиянием тех или иных идей, идеалов, идеологий» [7]. Поэтому возникает дилемма, где двумя полюсами выступают объективная аксиология права и электронная эффективность и комфорт.

Проблема использования цифровых технологий актуализировалась в условиях пандемии COVID-19. В частности, можно привести пример системы образования, где сотни тысяч обучающихся и тысячи преподавателей и учителей переведены на дистанционный режим. Для того чтобы в этой системе обеспечить процесс обучения, необходимы цифровые технологии: используются программы конференц-связи, образовательные платформы и многочисленные приложения, которые позволяют человеку получить образование дистанционно. В одной рекламе прозвучало: «Рано или поздно все становится приложениями» [12]. Несмотря на популизм утверждения, рациональное зерно в нем есть. Дело в том, что в настоящее время огромные деньги вкладываются в развитие цифровых технологий, и с помощью приложения можно реализовывать очень многие потребности человека. В том числе защищать законные интересы и обеспечивать защиту прав людей [6].

Пристальное внимание к мобильному приложению сегодня должно быть не только со стороны коммерческих структур, но и со стороны правоохранительных органов. Дело в том, что использование мобильных приложений и виртуального мира включает в себе огромные возможности. Они практически неисчерпаемы [5].

Сегодня взаимодействие правоохранительных органов и гражданского общества в электронной виртуальной среде достаточно ограничено. Прорывным и достаточным позитивным моментом является платформа «Госуслуги», на которой граждане Российской Федерации могут получить не только много полезной информации, но и в электронной форме быстро, удобно, без очередей и бюрократических проволочек реализовать свои за-

конные права. В частности, это показал опыт выступления президента Российской Федерации о выплате денежных средств в размере 10 000 рублей детям от 3 до 16 лет [8]. Изначально обратились десятки миллионов людей с данными заявлениями. Это перегрузило платформу [3], но буквально в течение нескольких дней работа была восстановлена. И сегодня электронная платформа «Госуслуги» обеспечивает защиту социальных прав миллионов граждан Российской Федерации [2]. Выплаты, как и было обещано, начались точно в срок — 1 июня 2020 года.

Технические возможности позволяют не только уменьшить нагрузку на конкретного исполнителя, но и сделать работу более эффективной, менее ошибочной и более продуктивной в плане экономии времени заявителя и многое, многое другое. Все эти преимущества могут быть использованы в работе правоохранительных органов.

Стратегически важной является разработка приложений носимых устройств для деятельности сотрудников органов внутренних дел. Это очень актуальный тренд, потому что современная молодежь постоянно находится в социальных сетях, мессенджерах и различного рода программах, занимающих у них большое количество внимания и времени. Они привыкли к электронному общению. Это современный тренд общества, и полиции необходимо понимать, что для молодежи и последующих поколений общение в виртуальной среде будет более привычным и удобным, чем заявление или устное обращение непосредственно в дежурную часть отдела полиции или другие правоохранительные органы.

По многим направлениям эта работа сегодня попросту провалена. Так, очень популярными у современной молодежи, которая занимает активную жизненную позицию, выступают блогеры и люди, ведущие аккаунты в Инстаграм. Есть блогеры, которые насчитывают миллионы подписчиков. Их влияние на умы молодых людей колоссально. А, например, в ГИБДД МВД России существует отдел пропаганды, который обязан вести разъяснительную работу среди населения с целью минимизации опасности дорожно-транспортных происшествий, минимизации опасностей, возникающих в ходе эксплуатации транспорта и так далее. Но сегодня,

на наш взгляд, данное направление нуждается в существенной модернизации. Нет ни одного топового блога ГИБДД и ни одного аккаунта в Инстаграме, который бы собирал миллионы подписчиков, в первую очередь из числа молодежи. Они при помощи профессионалов поняли бы, в чем заключается необходимость правомерного поведения на дороге, к чему приводят необдуманные действия, связанные с нарушением правил дорожного движения. А при необходимом финансировании и должном ведении такого блога были бы миллионы подписчиков, что, помимо колоссального положительного эффекта, сделало бы сам проект полностью рентабельным. Люди, пользующиеся автотранспортными средствами, стали бы больше заботиться о своей безопасности. И применяя уже имеющиеся схемы работы с подписчиками, можно было бы активно влиять на правовую культуру молодежи с целью формирования у них правомерного поведения в условиях эксплуатации транспорта и обеспечения безопасности для себя, своих близких и окружающих. Эту схему можно использовать и в других случаях. Поэтому необходимо использовать все электронные ресурсы, в том числе разрабатывать приложения, позволяющие взаимодействовать активным членам гражданского общества, то есть тем людям, которые заинтересованы в обеспечении общественной безопасности, в охране общественного порядка. Людям, которые понимают, что от их гражданской позиции и от их помощи полиции будет зависеть, смогут ли они и их семьи жить в безопасной и комфортной среде или станут жертвами правонарушений. В данном случае необходимо создавать приложения для носимых устройств, которые позволят людям быстро и эффективно взаимодействовать с сотрудниками органов внутренних дел.

На примере участкового уполномоченного полиции можно показать, что такое приложение позволило бы усовершенствовать его работу и обеспечить массовость охвата контингента на территории оперативного обслуживания. То есть, скачав приложение, люди могут общаться с участковым, пересылать ему информацию и получать от него необходимые данные для того, чтобы защитить свои права и обеспечить принцип законности у себя на территории и участке. Также это позволит объективно

оценивать работу сотрудников органов внутренних дел по примеру приложений, которые имеют голосование и рейтинги с достаточно простыми условиями пользования и оценки, то есть по стандартной системе «Пять звезд», где можно оценить деятельность участкового, и при необходимости написать комментарии. Этот рейтинг отражает как качество самих приложений, так и качество работы участкового. А оно должно обуславливать его поощрения и перемещение по карьерной лестнице. Здесь может возникнуть возражение, что низкую оценку участковому как раз-таки и будут ставить те, кто подверглись привлечению ответственности за правонарушения в попытке ему отомстить. Поэтому у него будет низкий рейтинг, хотя участковый выполнял свои должностные обязанности добросовестно и законно. Но мы с вами понимаем, что, согласно юридической статистике, процент привлеченных к ответственности лиц гораздо меньше, чем тех, кого не привлекали. Поэтому деятельность участкового, связанная с защитой людей на своем участке, а если необходимо, то и с просьбой оценить его работу, будет серьезно перекрывать тот незначительный в процентном соотношении контингент лиц, которых привлекли к юридической ответственности.

Современные рейтинги в различных сферах адекватно отражают уровень и качество предоставляемого сервиса. То есть это объективная оценка, позволяющая увидеть реальную эффективность и легитимность представителя власти в глазах населения. Также это поможет упорядочить работу сотрудника полиции, например, того же участкового. Многие люди не знают, где границы участка, на котором они проживают, и какой участковый за этим участком закреплен. Какие есть функции и полномочия участкового и как с ним связаться. Эти и многие другие вопросы можно отразить в приложении мобильного устройства. Это все должно быть разработано в наглядной и доступной форме с интуитивным интерфейсом, и каждый пользователь получит больше возможностей защитить свои права и законные интересы. Такая система будет, в первую очередь, на руку сотруднику полиции, который станет получать большие объемы ценной оперативной информации, которая будет автоматически формировать отчеты, и пользоваться

ими для того, чтобы реализовать требования, закрепленные в Конституции Российской Федерации, в Законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» и в законе «О полиции».

Кроме того, данного рода приложение станет большим подспорьем для любого правоохранителя, потому что в нем будут содержаться конкретные критерии и требования к его работе, четко привязанные к закону. Также можно привязывать к приложению массу функций, начиная от органайзера, напоминаний о процессуальных сроках, последовательности действий, памяток, чтобы не упустить из виду какую-то важную деталь, и заканчивая синхронизацией этих приложений с другими органами и службами государственной власти и муниципального управления. То есть перспективы развития таких приложений практически безграничны.

Ключевой вопрос заключается в финансировании. Поэтому необходимо понимать, что для того чтобы получить искомый эффект, следует привлекать специалистов высочайшего уровня и обеспечивать надлежащее финансирование, которое потом многократно окупится, потому что законность и правопорядок позволяют экономить денежные средства, в связи с профилактикой правонарушений, так как последние всегда обуславливают причинение экономического и финансового ущерба государству и обществу.

Поэтому в настоящее время специализированное приложение в смартфоне, который есть сегодня практически у каждого человека, и в особенности у молодежи, будет являться прогрессивным шагом к обеспечению законности и правопорядка, защите общественной безопасности и защите прав граждан. Это поможет наладить постоянный контакт гражданского общества и полиции и обеспечить взаимовыгодное сотрудничество. Оно будет способствовать уменьшению количества противоправных действий, и в целом ряде случаев не допускать совершения правонарушений. Современная технически продвинутая электронная система способна обобщать колоссальные массивы информации и помогать не только в текущей борьбе с правонарушениями, но и прогнозировать, как именно необходимо выстроить стратегическую линию развития правоохрани-

нительных органов, для того чтобы защитить права и свободы человека и гражданина в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации.

Но цифровые технологии таят в себе и высокие риски. Как пронизательно замечает профессор А.И. Овчинников, «уже сегодня многие государства испытывают трудности, связанные с так называемой технологической безработицей. Во многих странах юристы заняты разработкой нового законодательства, связанного с решением проблем, возникающих в процессе внедрения искусственного интеллекта в сферу труда. Предлагаются различные законодательные решения: это и законодательное установление перечня профессий, в которых допустимо заменять человека робототехникой (например, воспитатель детского сада, дизайнер, юрист, врач и др.); разработка правовых стандартов взаимоотношений в процессах совместной деятельности робота и человека на одном рабочем месте; квотирование на предприятиях количества рабочих мест для человека. Особо трудно решаемым является этический стандарт поведения человека в отношениях с человекоподобными устройствами — роботами: «горячие головы» предлагают их даже уравнивать с людьми. Например, недавно комитет ЕС проголосовал против проекта закона о предоставлении роботам прав “электронной личности”, приравняв их к “правам человека”. Статус включает в себя детальный перечень прав, обязанностей, правил “электронной личности”» [4, с. 258].

Также необходимо помнить об угрозах национальной безопасности: «Следует учитывать в процессе тотальной цифровизации права, что технологическая отсталость России может привести к “прозрачности” и “открытости” правовой системы и государственного управления. Не случайно сразу после семинара Всемирного Банка в Москве “Концепция, международные тренды и видение цифровой экономики — на пути к долгосрочной стратегии” 20 декабря 2016 года было решено включить Россию “в процесс глобальной цифровой трансформации”, а 7 июля 2017 года на Саммите G-20 развитию цифровой экономики в глобальном масштабе было уделено особое внимание. Уже 20 февраля 2018 года в Государственной Думе под председательством Вячеслава Володина состоялись большие парламентские слушания на

тему “Формирование правовых условий финансирования и развития цифровой экономики”, на которых первый заместитель председателя Правительства РФ Игорь Шувалов заявил: “Жизнь человека становится прозрачной, но другого выхода нет”. Между тем, специалисты в сфере IT предупреждают: “Мы говорим о цифровой экономике, и все говорим о ее плюсах. Я хочу поговорить о рисках... Новые цифровые технологии связаны с удаленным управлением. Данные о наших гражданах, на основании которых можно сделать геополитические выводы, представляют очень серьезные риски. Внедряя те технологии, которые к нам приходят с Запада, мы опускаемся в состояние цифровой колонизации”. Об этом заявила президент группы компаний InfoWatch Наталья Касперская» [4, с. 260].

На основании проведенного анализа, который лишь частично захватывает пласты сложнейших систем, имеющих дальнейшее развитие в среднесрочной и длительной перспективе, следует отметить, что в новейших условиях цифровизации есть неизбежная данность, имеющая практически объективный характер. Поэтому правоохранительным органам, несмотря на весь их консервативный характер, необходимо идти в ногу со временем и перенимать цифровые технологии, которыми сегодня наполнена экономическая, культурная, спортивная и многие другие сферы общественной жизни. Правоохранители не могут отставать от передового человечества, которое понимает, что на текущем этапе развития, несмотря на все имеющиеся риски, цифровизация представляет собой необходимость. Тем не менее следует отметить, что существует большое количество рисков цифровизации. Это актуально особенно для России в контексте жесточайшей конкуренции с такими странами, как США, Китай, Япония, Франция, Германия, Англия и многие другие. Защитить свои интересы в электронной сфере достаточно сложно. Поэтому каждый шаг должен быть продуман и просчитан. Однако существуют сферы взаимодействия власти с обществом, требующие перехода к цифровым технологиям. При этом уже имеются современные российские платформы, например «Госуслуги», которые доказали свою надежность, эффективность и одобряемость населением, поэтому создание аналогичной платформы с названием «Правоохранитель» обществом будет воспринято позитивно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Alibaba в День холостяка в Китае за час продала товаров на \$5 миллиардов // РИА Новости. 11.11.2016. URL: <https://ria.ru/20161110/1481130501.html>
2. Госуслуги // URL: <https://www.gosuslugi.ru>
3. На сайте госуслуг произошел сбой // РБК. 26.11.2019. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/26/11/2019/5ddd36679a79474c17619a52
4. Овчинников А.И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13.
5. Овчинников А.И., Ахrameева О.В., Воронцов С.А., Кожокаръ И.П., Кравченко А.Г., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю., Шатковская Т.В. Цифровая безопасность личности, общества и государства в условиях глобализации: юридические механизмы обеспечения: обзор сессии в рамках ПМЮФ 2019 г. // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6. № 2.
6. Овчинников А.И., Кравченко А.Г. Некоторые тенденции и направления правового обеспечения цифровизации экономики и государственного управления // Актуальные проблемы частноправового регулирования общественных отношений: сборник материалов Международной научно-теоретической конференции / отв. ред.: В.И. Фатхи, Н.В. Пономарева. Ростов н/Д., 2019. С. 49–55.
7. Овчинников А.И., Хакимов И.А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14.
8. Ответы на вопросы по единовременной выплате 10 тысяч рублей семьям с детьми от 3 до 16 лет // Пенсионный фонд РФ. 13.05.2020. URL: [pfrf.ru/press_center/~2020/05/13/205444](http://pfrf.ru/press-center/~2020/05/13/205444)
9. Роботы заявляют о своих правах. Доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов / Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю., Васильев А.А., Шпопер Д., Ветренко И.А., Овчинников А.И., Минникес И.А., Затонский В.А., Волобуев С.Г., Мордовцева Т.В., Панкратова Л.С., Бойчук Д.С., Филимонов В.А., Тризкин Б.М., Ковалева В.В., Жаров С.Н., Горян Э.В., Лобач Д.В., Mohd Hazmi Mohd Rusli, Комкова Г.Н. и др. М.: РИОР, 2020.
10. Самому богатому человеку мира предсказали статус первого триллионера в истории // Forbes. 14.05.2020. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/400531-samomubogatomu-cheloveku-mira-predskazali-status-pervogo-trillionera-v-istorii>
11. СПС КонсультантПлюс // URL: <http://www.consultant.ru>
12. URL: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=11528759574015077016&te>

Шатковская Татьяна Владимировна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права, юридический факультет,
Южный федеральный университет, 344007,
г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88;
профессор кафедры теории и истории
права и государства, Южно-Российский
институт управления — филиал РАНХиГС
при Президенте РФ; профессор кафедры
гражданского права, РГЭУ (РИНХ),
e-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

Shatkovskaya, Tatiana V.,
Doctor of Law, Professor,
Chair of Theory and History of State and Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007, Russian Federation;
Professor, Chair of Theory and History of Law
and State, Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration;
Professor, Chair of Civil Law, Rostov State
University of Economics (RSUE),
e-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПРАВЕ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

PROVIDING NATIONAL INTERESTS IN THE LAW OF THE DIGITAL AGE

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена обоснованию понятия, особенностей и научно-практической значимости обеспечения национальных правовых интересов. Автор доказывает, что формирование, стратегическое планирование и юридическое обеспечение национальных правовых интересов стало одной из основных функций современного государства, а также необходимым условием предотвращения глобальных общественных катаклизмов. В статье предложена модель и выделены основные направления складывания и позиционирования национальных правовых интересов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальный интерес; правовой интерес; право; цифровая среда; правовой симбиоз; функции государства.

ABSTRACT. The article is devoted to the substantiation of the concept, features and scientific and practical importance of ensuring national legal interests. The author argues that the formation, strategic planning and legal support of national legal interests has become one of the main functions of the modern state, as well as a necessary condition for the prevention of global public upheavals. The article suggests a model and highlights the main directions of folding and positioning national legal interests.

KEYWORDS: national interest; legal interest; law; digital environment; legal symbiosis; state functions.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Шатковская Т.В. Обеспечение национальных интересов в праве цифровой эпохи // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 42–45. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-6

FOR CITATION:

Shatkovskaya, T.V. Providing national interests in the law of the digital age. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 42–45 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-6

Сканирование горизонтов современного социально-экономического развития позволяет увидеть как позитивные, так и негативные последствия четвертой промышленной революции. В условиях глобализации и массового погружения в цифровую среду государства сталкиваются с множеством разнообразных и тревожных вызовов. Одним из таковых считаем угрозу утраты национальной идентичности и возможности позиционирования национальных правовых интересов в интегрированном безграничном пространстве.

Технологический прорыв требует коллективных усилий для разработки новой нормативно-правовой базы и организации межгосударственных структур управления. На данном этапе технологии подконтрольны человеку и именно теперь необходима разработка системы правовых средств, гарантирующих безопасность и защиту человечества в целом и отдельных его групп в частности. Как полагают теоретики современного эффективного управления, «общее видение будущего помогает выработать единое понимание задач и задает ориентиры в процессе принятия решения» [1, с. 35]. Однако что такое общее видение, как оно соотносится с национальными, а тем более личными интересами, западные исследователи не разъясняют.

В предыдущих работах нами отмечалась противоречивость процесса глобализации, который обуславливает взаимозависимость различных государств и формирование мировой правовой коммуникативной системы, но одновременно активизирует стремление к сохранению национальной самобытности [3, с. 104–107]. В этой связи обоснование концепции национальных правовых интересов обладает не только теоретической, но и существенной практической значимостью. Ведь интерес, как подметил Иеринг, — практическая основа права в субъективном смысле [2, с. 38, 39].

В теоретическом плане проблема национальных правовых интересов начинается с понимания природы интереса. И рассуждения об абсолютной объективности интереса, особенно в правовой сфере, на наш взгляд, необоснованы так же, как и отрицание субъективизма в праве. Интерес следует рассматривать как комплексную психосоциальную категорию, обусловленную объективными потребностями и системой ценностей, сформированными в со-

циуме, и в свою очередь порождающую новые потребности и устремления, в качестве составляющей мотивации поведения индивидов и их групп, характера их волевой деятельности.

Правовой интерес как разновидность общественного интереса обладает рядом специфических особенностей. Во-первых, интерес как правовая категория является средством достижения цели, имеющей юридическое содержание и влекущей правовые последствия. Во-вторых, реализация правовых интересов ограничена правовыми рамками и обеспечивается легализованным принуждением публичной власти. В-третьих, объективация правового интереса осуществляется посредством правовых действий и с помощью соответствующих юридических средств. В-четвертых, правовой интерес тем или иным образом соотносится с нормой права. Он либо соответствует определенной норме или способствует ее оформлению, или трансформации или прекращению действия. В-пятых, реализация правовых интересов порождает возникновение правовых отношений и соответственно необходимость обеспечения соотношения интересов различных субъектов, участвующих в них.

Итак, правовой интерес объективируется в действиях субъекта и предполагает наличие у него умений считаться с интересами других лиц и их взаимодействие в поисках компромиссных решений. При этом государство в лице уполномоченных органов может определять приоритет отдельных интересов или групп интересов, устанавливать ограничения и даже запреты для реализации некоторых из них. Регулирование частных и публичных интересов возможно также с помощью института правонаделения субъектов правами и обязанностями и соответствующим статусом участников правоотношений, который обеспечивается правовой охраной государства.

Защитно-охранительный арсенал государства обеспечивает поддержку сложившейся иерархии правовых интересов, признание интересов отдельных субъектов соответствующими закону, реализацию интересов и возможность обращения за судебной и иной юрисдикционной защитой в случае их нарушения.

До наступления четвертой промышленной революции централизованный подход к формированию приоритетов в сфере правовых интересов государства считался наиболее оп-

тимальной моделью обеспечения соотношения частных и публичных интересов. Современные технологии стремительно меняют как способы ведения экономической деятельности, так и собственно систему государственного правового регулирования [4, с. 142].

В эпоху гибридных форм коммерческих и правительственных организаций, широких полномочий межправительственных структур, транснациональных корпораций нормативно-правовая база государства должна обладать мягкостью, гибкостью и либеральностью, создавая конкурентоспособную и комфортную для жизнедеятельности регуляторную среду, но вместе с тем обеспечивая государственный контроль, национальную безопасность и суверенитет.

В связи с вышеуказанным считаем, что формирование, стратегическое планирование и юридическое обеспечение национальных правовых интересов является одной из основных функций современного государства. Трудности этого процесса сложно переоценить, так как, с одной стороны, современное общество можно назвать обществом без границ, с другой стороны, оно характеризуется максимальной степенью индивидуализации его членов. При этом отдельные субъекты выполняют множество правовых ролей, участвуя как в реальных, так и в виртуальных правоотношениях, одновременно могут быть несколькими правовыми лицами. Ситуация усложняется дискретностью устоявшихся традиционных общественных институтов, например таких как семья, брак.

В этих условиях сохранение нации, под которой понимаем исторически сформировавшийся социальный союз, общий интерес которого состоит в поддержании на определенной территории государственной власти, поддерживающей и защищающей его целостность, считаем одним из государственных приоритетов. В качестве связующих нацию средств могут выступать общность языка, исторического прошлого, мировоззрения, культуры, религиозных и правовых представлений, системы ценностей и, конечно, интересов.

В отличие от Г.Ф. Шершеневича, полагаем что нация и народ — различные понятия, так как в состав нации могут входить представители многих народов. Вместе с тем согласимся с Габриэлем Феликсовичем в том, что «продолжительная связь, общая защита государства,

соучастие в законодательстве и управлении» если не совершенно уничтожат, то значительно ослабят разъединяющее влияние и постепенно превратят «государственное население» в единую нацию [5, с. 42]. Действующее законодательство подтверждает наличие российской нации и необходимость правового обеспечения единства ее интересов*.

Национальные правовые интересы представляют собой разновидность публичных интересов, содержание которых определяется различными правовыми и неправовыми технологиями и зависит от общекультурного уровня нации, социальной стратификации общества ее формирующей и характера внутрисоциального взаимодействия.

В демократических государствах формирование национальных правовых интересов возможно только на основе широкого использования приемов и средств децентрализованного равноправного взаимодействия общественных и государственных институтов, развития различных форм государственно-частного партнерства, стимулирования социальной активности граждан и их организаций. При этом государству отводится миссия основного координатора и вместе с тем защитника национальных правовых интересов, так как, во-первых, государственная организация обладает высшей социально-политической ценностью, во-вторых, в процессе исторического развития именно государству перешли ключевые социальные полномочия, в том числе легализованного принуждения.

Обеспечение национальных правовых интересов юридическими средствами в условиях глобализации крайне затруднительно. Формат данного исследования не позволяет в полном объеме раскрыть весь спектр указанных проблем. Поэтому остановимся, с нашей точки зрения, на главном.

Действующие подходы к правовому регулированию основаны на его тесной связи с землей, буквально с поверхностью почвы, принадлежность которой по праву народов признается за определенной общностью людей, первоначально завладевшей участком общей земли и оформившей на ней суверенное государство. Именно

* Указ Президента РФ от 26.04.2016 № 200 «О премии Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства Российской нации» // Собрание законодательства РФ. 02.05.2016. № 18. Ст. 2607.

территориальный суверенитет государства, который сегодня включает не только земную поверхность, но и море и воздушное пространство, составляет основу территориального принципа действия права. Последний во многом определяет характер международно-правовых отношений, представляющих собой взаимодействие государственно организованных территориальных правовых порядков, закрепленных актами по сути «межгосударственного» права.

Технологизация и цифровизация если не стирает, то размывает территориальные границы, что осложняет применение территориального принципа и трансформирует представления о государственно-правовом пространстве. Конечно, такие изменения не могут не повлиять на управленческие стратегии государства, его подходы к формированию национальных интересов, осуществлению правового регулирования как внутри, так и за пределами государства.

Таким образом, обеспечение национальных правовых интересов считаем необходимым условием предотвращения глобальных общественных катаклизмов, так как стремление к наднациональной правовой унификации нарушит сложившийся порядок международного взаимодействия. Активное международное правовое взаимодействие суверенных государств с различными основами правовых систем в условиях глобализации и единства мирового экономического пространства исключает унификацию в связи с невозможностью обеспечения единообразия нормативного регулирования сходных общественных отношений без вторжения в публичный порядок государств, что противоречит общепринятым принципам и нормам международного права*. И как следствие, на место унификации приходит идея гармонизации права, под которой понимается сближение законодательства и социально-политических институтов различных государств.

По нашему мнению, гармонизация, фактически означающая объединение в согласии, предполагает то же единообразие, но в более мягкой форме, и не способствует формированию многомерной системы правового регулирования, обеспечивающей сохранение уникальных национальных элементов и их взаимосвязей, ос-

новных свойств и функций правокультурного воздействия на цифровую сферу юридической деятельности. Полагаем, что правовой симбиоз является разумной альтернативной тотальной формализации, которую влечет оцифровка объектов реальной действительности, превращая их в контент. Правовой симбиоз представляет собой сосуществование различных субъектов права, приносящее им взаимную пользу.

Формирование национальных правовых интересов предполагает решение государством ряда внутренних и внешних задач. В числе внутренних задач выделим создание органов стратегического управления, анализа и прогнозирования; децентрализацию организации государственной власти и широкое делегирование оперативных управленческих функций негосударственным структурам; распределение регулятивных полномочий и ответственности за их осуществление между публичными и частными субъектами; создание эффективного механизма правового мониторинга для получения объективных данных о характере влияния нормативной базы на общественные отношения и его последствиях; стимулирование различных форм государственно-частного сотрудничества и предпринимательской активности граждан; снятие административных барьеров при осуществлении экономической и иных видов общественной деятельности. К основным внешним задачам отнесем координацию и последовательную реализацию единой государственной стратегии правового развития на международной арене, развитие межнациональных региональных правовых форм взаимодействия с государствами — стратегическими партнерами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абузарка Р., Хури М. Эффективное правительство для нового века. Реформирование государственного управления в современном мире. М., 2016. 257 с.
2. Иеринг Р. Цель в праве. В 2 т. Т. 1. СПб., 1881. 618 с.
3. Шатковская Т.В. Модели взаимодействия политических систем, обеспечивающие национальную безопасность государств / (в соавт.) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 104–107.
4. Шатковская Т.В., Епифанова Т.В., Вовченко Н.Г. Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 142–146.
5. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М., 1908. 159 с.

* Конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам (РИМ, 1980), ст. 16 // Treaty Series. Volume 1605. New York: United Nations, 1997. P. 59–156.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 342

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-7

Крусс Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории права,
Тверской государственный университет,
170006, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33,
e-mail: t-prava@yandex.ru

Kruss, Vladimir I.,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory of Law,
Tver State University,
33 Zhelyabova St., 170006, Tver, Russian
Federation, e-mail: t-prava@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ И ВЫЗОВЫ ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ*

CONSTITUTIONAL LEGAL UNDERSTANDING AND CHALLENGES OF INSTRUMENTAL LEGAL EPISTEMOLOGY

АННОТАЦИЯ. В статье ставится проблема критично деструктивного значения так называемой «юридической эпистемологии» для целей и задач юридической науки, практики и образования в России. Альтернативой и фактором противодействия распространению таких идей является конституционное правопонимание.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: конституционное правопонимание; «юридическая эпистемология»; постклассика; глобализация; цифровизация; правосознание.

ABSTRACT. The article raises the problem of the critical destructive significance of the so-called “legal epistemology” for the purposes and tasks of legal science, practice and education in Russia. An alternative and a factor in countering the spread of such ideas is the constitutional legal understanding.

KEYWORDS: constitutional legal understanding; “legal epistemology”; postclassic; globalization; digitalization; legal awareness.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Крусс В.И. Конституционное правопонимание и вызовы инструментально-юридической эпистемологии // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 46–57. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-7

FOR CITATION:

Kruss, V.I. Constitutional legal understanding and challenges of instrumental legal epistemology. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 46–57 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-7

* Статья подготовлена при технической поддержке СПС КонсультантПлюс.

Юридическая наука и профессиональное образование тесно связаны и имеют смысл исключительно в силу факта такой связи. Юриспруденция практическая может быть понята сугубо как деятельность дипломированных специалистов по праву, общественный запрос на услуги которых обусловлен укорененным (архетипическим) убеждением большинства здравомыслящих людей в существовании особого — истинного — знания о праве и, соответственно, права как такового. Релятивистские сомнения и споры самих юристов по этому поводу («парадокс» Канта) мало известны за стенами «юридического цеха» и, во всяком случае, не были до последнего времени фактором волатильности юридических услуг или дискредитации юридического профессионализма. Между тем набирающий силу поток социальных трансформаций, маркируемых словосочетанием «угрозы и вызовы», способен поколебать традиционное значение «юридического концепта действительности» как «Другого», но *реально существующего* мира, основанного на принципе должного, отвечающего потребности справедливости и предполагающего фикционизм и редукционизм «корпоративными» элементами юридического мировосприятия [4, с. 36–37, 284–286]. Мира, в котором подавляющее большинство людей, в общем-то, не живут, а «бывают» по мере необходимости при помощи проводников-юристов, обещающих — *там* — эффективное содействие в решении здесь сущих проблем, как нигде более не решаемых.

Предпосылками умаления социального авторитета и роли юридической науки, образования и практики видится ряд факторов, так или иначе соотнесенных с деформациями правосознания (следовательно, и связанных между собой). Среди факторов объективных на первом месте стоят риски глобальной цифровой трансформации общественных связей и процессов, а к преимущественно субъективным факторам следует, по нашему мнению, отнести и как минимум неоднозначные особенности текущей эволюции теоретического правоведения в России и мире.

Проблематику цифровизации, неизбежно захватывающей экономическую, социальную, культурную и гуманитарную сферы, сводящей жизнь человека в единый электронно-сетевой формат, мы затронем здесь только самым об-

щим образом. Некоторые аффекты ее «прогрессивной» экспансии уже анализировались нами с позиций методологической пропозиции, утверждающей, что ответить на вопросы о перспективах «оцифрованного» права и юридических практик онтологически взвешенным образом можно исключительно на основе конституционного правопонимания, разрабатывая всеобщую конституционную теорию современного права [12, с. 127–129]. В данной публикации мы намерены сосредоточить внимание на одном из субъективных факторов роста кризисных проявлений — «размывании» собственно научной составляющей профессионального юридического сознания.

Локальная «популярность» концепта конституционного правопонимания в отечественной юридической науке имеет своим следствием и отсутствие развернутой генеалогии такого подхода. Восполнить его в рамках непрофильной статьи, конечно, нельзя. Поэтому «просто констатируем», что для России принятие Конституции РФ — это завершающий акт «легализации права юристов» [24, с. 414–434], восходящего к римским юристам и Своду Юстиниана, исторически воспринятому (до советского периода) в рамках культурно-образовательной рецепции Западной традиции права [3, с. 35–36]. Одновременно это и символ торжества юриспруденции, преодоление горизонта легального посредством легитимации как общественного согласия о верховенстве права и прав человека, и — главное для нас — начало реализации проекта конституционализации права и правовой системы страны [10, с. 31–33].

Наука права призвана играть свою роль в конституционализации, выражающуюся в двух основных аспектах. Первый — экспертные обоснования конституционной модернизации позитивного права, его форм и системных связей. Второй — содействие выработке необходимого для качественно однородных (конституционных) юридических практик правосознания, посредством образовательной трансляции редукцированных начал конституционного правопонимания. Применительно ко второму направлению актуального научного содействия и могут выйти на первый план деструктивные следствия восполнения дефицита конституционного правопонимания «за счет» одного из вариантов научно-концептуального позицио-

нирования. Именно «восполнения», поскольку традиционная юридическая наука поступаться своими прерогативами не расположена, хотя и обнаруживает признаки потери методологических ориентиров и ментального отрешения научной теории права от статуса наставника, «медиатора» или «третейского судьи» по отношению к профессиональным и образовательным практикам [11, с. 6–7].

Интересующее нас направление представлено в юриспруденции весьма широко, имеет множество модификаций и «толков», объединяет которые искренняя увлеченность авторов перспективами новой познавательной парадигмы и/или «современной» эпистемологии [9, с. 14–15, 25]. Предикатами инновационного подхода выступают также понятия феноменологического, эйдетического, коммуникативного, диалогического, т.е. — постнеклассического. Далее, не вдаваясь в дискуссию о тонкостях терминологической нюансировки и следствиях «наложения» социально-философского тезауруса на теорию познания права, мы будем оперировать понятием «постклассика».

Замечательно, прежде всего, что в образовательном измерении «оппозиция» постклассики классическому правоведению оказывается едва ли не символической. Вследствие чего за рамками вопросов понятия и сущности права учебно-образовательный теоретико-правовой контекст остается и здесь вполне привычным. Инновационный порыв не мешает системно ориентироваться на учебные разработки, в которых от издания к изданию меняется разве что набор позитивистских аналитических классификаций правовых явлений. Вместе с тем, поскольку правовая онтология справедливо заявляется элементом структуры правосознания [21, с. 158–159 и сл.], именно постклассические интерпретации понятия права могут содействовать необратимым трансформациям правосознания студентов-юристов и молодых профессионалов, интуитивно расположенных к восприятию и признанию установок, в «свободной полифонии» которых им может слышаться выражение духа времени.

Дабы высказанные опасения и критический настрой автора статьи не выглядели безответственно преувеличенными, назовем источник, послуживший их триггером. Речь идет о переведенных статьях канадского профессора

Б. Мелкевика, опубликованных в «Российском ежегоднике теории права» [16] — издании с направлением, призванном утвердить на постсоветском пространстве альтернативы классической познавательной парадигмы, и в одном из ведущих высокорейтинговых юридических журналов. Второй из этих статей сам Мелкевик присвоил громкий титул «Манифеста юридической эпистемологии» [17, с. 36]. И, надо признать, небезосновательно: тому способствует не только радикальная фронда заявленной научной позиции, но и манера изложения, сочетающая тропы ажурной беллетристики и литературные аллюзии с тяжелой помпой новейшего научно-философского словаря. Однако главное, конечно, не в этом, и наш посыл не носит персонального характера. По мере прочтения и осмысления сочинений Б. Мелкевика возникает чувство опустошающего разочарования в истинных целях и «скромном обаянии» всей постклассики; приходит понимание масштаба угроз, сокрытых в этом подходе «до времени», пока, по мере утверждения своей научной (рациональной) идентичности, «юридическое» повествование не приобретает иррационально-враждебную фабулу по отношению к праву.

Подчеркнем еще одно, принципиально важное для нас обстоятельство. Мы не можем упрекнуть или даже только подозревать в комплиментарном созвучии «Манифесту» Б. Мелкевика (далее также — «Манифест») исповедующих постклассические постулаты российских специалистов, их труды и учебники. Все, на кого мы будем ссылаться, являются, по нашему искреннему убеждению, учеными подлинными и неординарными, значение вклада которых в развитие науки права будет оценено по достоинству, и сверх того — креативными наставниками, убежденными в актуальной ценности современного права и прав человека, без чего педагогическое содействие выработке конституционного правосознания невозможно. И все же тема вектора «благих намерений» слишком откровенно прописана в «партитуре» Б. Мелкевика, чтобы ее можно было купировать даже самым талантливым исполнением или аранжировкой.

Предельная концентрация внимания в постклассике на субъект-субъектной составляющей правовой реальности, ее «погружение» в феноменологическое восприятие социального

и открытое тяготение к западному философскому дискурсу не позволяют относить такого рода изыскания российских ученых-юристов к самобытному типу правопонимания. Юридическая наука, как и ее объект, исключительно своеобразны, а категория правопонимания — своего рода отечественное ноу-хау. Актуализация этой категории в философии права В.С. Нерсисянца подкрепляется, как известно, пусть немногочисленными, но концептуально связанными конкретизациями следствий полагания онтологическим принципом права формального равенства [18]. Юридическая (либертарная) философско-теоретическая категоризация производна от соответствующего онтологического понятия как обеспечивающего в инструментальном значении метода глубинное (сущностное) осмысление «своего» объекта (права). Юридический же тип правопонимания означает («всего лишь») необходимое различие права и закона (явления и его позитивной формы). Отечественная постклассика (во многом по субъективным причинам) «уклоняется» от признания гносеологических следствий отказа от поисков «объективного» права, ведущих в том числе к локализации пространств конструктивного научного диалога. И в этом аспекте Б. Мелкевик просто назвал вещи своими именами. Другой вопрос — почему он так «горд» этим сомнительным достижением и не устает ставить его себе в заслугу.

На первый взгляд, нелицеприятная (начиная с Канта) критика юридической онтологии в гештальте «Манифеста» фундирована эмоциональным переживанием автора исторически утвердившейся готовности теоретизировать, а на деле — настаивает он — *идеологически* легитимировать *существование* права. При этом особенностью стиля Б. Мелкевика оказывается проекция радикально-критического настроения и на научно-юридические концепты (теории), широко классифицируемые именно как укорененные в постклассической парадигме (Дж. Раз, В. Кравиц и др.). Уже данное обстоятельство не может не настораживать, отсылая к типу «истинно верующего». Разумеется, не в религиозном значении. Как интеллект эпохи постмодерна, Б. Мелкевик надежно застрахован от таких трактовок. Тем не менее полемический накал и пренебрежение канонами научной толерантности побуждают искать

иные основания его «веры в отсутствие права». Остается предположить, что, вопреки сквозной артикуляции обратного, автор названных текстов является идеологически пристрастным (ангажированным) и служит на «вверенном ему» научном участке борьбы некоей идеологии. Однако касаясь характера последней логично только исключить ее связь с тоталитарными или консервативными концептами, поскольку речь не идет о подчинении права государству или метафизическим началам. Здесь все «серьезнее и загадочнее». Проступают контуры идеологии, которая если изначально и согласна с фактом существования права, то на определенном этапе (витке) своего внутреннего развития приходит к необходимости опровержения «иллюзии» такого существования. Причем огласить «открытие» принципиально, идеологически важно именно на «юридическом языке», поскольку приходится считаться с демократическими настроениями и «верованиями» эпохи высшей ценности прав человека. «Манифест» Б. Мелкевика — яркая иллюстрация и противоречивости такой установки, и следования логике доведения до абсурда.

Результаты поисков идеологической подоплеки (идентичности) «юридической эпистемологии» Б. Мелкевика оказываются в итоге предрешенными, ввиду общего чрезвычайно оскудения политических теорий в XXI веке. Не случайно, вероятно наиболее обстоятельно разработанную в России «феноменолого-коммуникативную» теорию А.В. Полякова соотносят с общим кризисом идеологий и упрекают как в синкретизме, так и в не вполне взвешенном выборе аудитории слушателей, рекомендуя обратиться к философам, политологам или социологам [2, с. 25, 31–32]. Не менее показателен и тактичный совет М.В. Антонова попытаться отвлечься от идеологического (безусловно!) искушения содействовать интеграции отечественного философско-правового дискурса с общемировым («связать их воедино в ракурсе правового общения») и освободить тем самым познавательную и экспликативную функции теоретической юриспруденции от идейно «актуальной» нагрузки [2, с. 30].

На Западе, понятно, таких советов теоретикам права не дают, тем не менее Б. Мелкевик явно не заинтересован в раскрытии своего идеологического суфлера, хотя это «секрет По-

лишинеля». «Из-за кулис» риторического негодования по поводу *любых* попыток фундирования, как «рассуждения о праве, которое так или иначе задействует некую ссылку (явную или подразумеваемую) на “основание”, “фундамент”, “обоснование”, “априори”, “принцип”, “юридическое правило” и т. п.» [16, с. 536], выглядывает лицо вполне узнаваемое даже под макияжем современности. Персонаж этот — *классический либерализм* — на подмостки научных дискуссий все реже выходит открыто. Рейтинг его электоральной популярности неуклонно падает, но постклассика владеет рациональной техникой «ретуширования» смыслов. Как, например, в высказываниях о лицемерии, находящем выражение в стратегиях «юридического» переименования социальных фактичностей, некритического отождествления позитивного «уже-права» с правом, а также информационно-психологического «обольщения» идеей не подложного соответствия права актуальной реальности [17, с. 14–15].

Технически прикрепленный знак лицемерия оказывается вполне обратимым, когда мы обнаруживаем, что «нелегитимная легитимность» у Б. Мелкевика вполне определена в призывах обеспечить триумф плюралистического и мультикультурного. Когда мы «догадываемся», что ученый, столь эмоционально настаивающий на идеологической подоплеке всеобщих «юридических заблуждений», имеет доступ к «инсайду» о праве как таковом, поскольку иначе он не говорил бы с уверенностью ни о *праве желаемом*, ни о *юридических* горизонтах ему созвучного западного общества [17, с. 38].

Досадно, но сходного (по основаниям) технологического ретуширования смыслов не избегают и представители отечественной постклассики. Например, в высказывании А.В. Полякова о злоупотреблениях своими правами «отдельными представителями общества» и неисполнении ими правовых обязанностей как о феномене, который «свидетельствует об ущербности не самой концепции прав человека, а лишь правосознания отдельных их носителей» (выделено нами. — В.К.) [19, с. 46–47] все, вроде бы, верно, за исключением главного. Отсутствует существенный критерий злонамеренных и осмысленно-ущербных деяний, — определяющее начало, которое блокирует перспективу правовой коммуникации и не позволяет отнести акты лич-

ностного выбора к типу правовой инвариантности. Анонимная безосновность? Прозрачность «свободы» и права? И да, и нет. В начале той же статьи свобода и право представлены автором в сугубо либеральном контексте. Свобода есть необходимая автономия («суверенитет») личности, признающей такую же автономию, «суверенность» за каждым. Чем занимается личность на «территории» своей фантастической автономии? — это *никого*, включая «право», не касается. Любая озабоченность по данному поводу есть проявление ненависти к свободе, характерная — *поголовно* — для «актеров авторитарного типа» [19, с. 39–40].

Генеалогия любого злоупотребления правом ведет на уровень основных прав и свобод человека и гражданина. Злоупотребление правом, этот уникальный феномен современности — формально законное неправомерное деяние — становится доступным юридической идентификации и необходимому легальному противодействию только с позиций теории, раскрывающей и требования конституционного пользования правами и свободами человека, и принципы их надлежащего опосредования, и — главное — композиционную целостность тех конституционных установок (аксиологических и телеологических), которые *должны* характеризовать правосознание субъектов отношения конституционного правопользования.

Выделенное нами долженствование неправомерно трактовать как утопическое пожелание или, напротив, цель объективного вменения. Конституционное правосознание предполагает ответственное индивидуальное культивирование и поддержку, но никоим образом не может быть «имплементировано»; наряду с этим, оно атрибут конституционной реальности: объективный критерий оценки актуального права в субъективном смысле (деяний, притязаний, требований). Поэтому конституционное правосознание с позиций постклассической методологии (с присущей ей фокусировкой свободы) не раскрывается; и потому также оно, к сожалению, встречается достаточно редко, «изнемогающая» в потоке (контексте) квазиправовых коммуникаций (отчужденности как коммуникативности).

И разве не в установках автономно-личностного позиционирования и самоопределения мыслят сегодня свободу и право большинство

первокурсников юридических факультетов? Хотя бы и без связи с непростыми для понимания постклассическими теориями. Студентов-юристов уже в отрочестве научили тому преподаватели «обществоведения» в школе и коучи в пабliках. Модные пассажи в духе «свобода моего кулака заканчивается в сантиметре от лица другого» выступают квинтэссенцией «прогрессивной» житейской мудрости. Причем свобода актуальна для них исключительно в утилитарно-осмысленных (физических и физиологических) формах и практиках, предполагающих конвертацию в известность и рекламнo-сетевую монетизацию. И коммуницировать прозелиты такой свободы *расположены* часто лишь с себе подобными во Всемирной сети, где право вряд ли найдет действенные возможности утверждать «чужие» (поскольку отрицающие «пост-правду») требования должного для продвинутого геймера, хакера, хейтера или, хотя бы, «сетевого хомячка».

Дефицит конституционного правопонимания в сетевую эру ведет к деформациям правосознания по аналогии связи органического (витального) иммунодефицита с угрозами пандемий. «Объективный» запрос на образовательные компетенции цифрового (IT) характера не может ставить под сомнение образовательные приоритеты, позволяющие надеяться на формирование в стенах вуза человека не только профессионально грамотного, но развитого, прежде всего, в духовно-культурном отношении, способного выверять свою личностную траекторию, учитывая «силовое поле» времени и даже, возможно, политическую конъюнктуру, но следуя целям вневременного характера. Для юриста-профессионала подобное невозможно без уяснения конституционной природы правового воздействия и правовых отношений, без личной конституционной заинтересованности в успешности именно такого характера. Конституционное правопонимание не отрицает важности субъект-субъектной деконструкции правоотношений, но оно знает цели такого право-генерирующего осмысления.

Фактическое состояние индивидуального и коллективного правосознания в России далеко от названных критериев. Нельзя игнорировать выводы специалистов в области когнитивных наук о том, что в формирующемся мире «моло-

дых и успешных» взаимопонимание невооруженно теряется и господствует на деле право сильнейшего, «кулачное право цифрового двора». Налицо новый виток роста опасности компьютерно-цифровой деградации интеллекта людей, их «цифrogenного» отчуждения от реальности, цифрового «ожирения» сознания. Тот же Б. Мелкевик это прекрасно видит, но не находит в том каких-либо признаков деформаций правосознания (обесмысленного отсутствием права). Цифровая семантика побуждает его ассоциировать пространство «юридической» коммуникации с сетевой средой, в которой «скрипты» (языковые коды) используются для *дальнейшего* упрощения и унификации и без того не обремененных смысловой нагрузкой виртуальных контактов и повышения «юзабилити сайтов». В таком контексте он находит, в частности, «нетривиальное» объяснение тому, как понятие «обязательная сила» вводит в действие «логику символической оценки», необходимую для *юридического* оформления, сопровождения и реализации договоров [17, с. 42–43], «не замечая» того, что воспроизводит тем самым классическую аксиоматику права. Полагание общеобязательного характера права не нуждается в символических метафорах, поскольку без такого — существенного — предположения (сущностного признака) говорить («рассказывать» и договариваться) о праве *не имеет смысла*. «Последовательную» постклассику такие противоречия смутить, конечно, не могут. *В силу своей безосновности* она всегда претенциозно-актуальна и остро-современна. Техническое признание общеобязательности нисколько не мешает выступать против любых оснований «уже-права». (Очень похоже, например, на логику борьбы Президента США с глобальными сетевыми коммуникаторами, обеспечившими ему победу на выборах.)

С позиций конституционного правопонимания, для прояснения «скрытых» оснований постклассики уместно обратить внимание на ее историческую и гносеологическую связь с социологическим подходом к праву как неклассическому научному направлению, зародившемуся не только в плане ответной реакции на экспансию юридического позитивизма, но и под влиянием социал-демократического «развенчания» апологетики индивидуального либерализма. В отличие от положений социо-

логии права О. Эрлиха, адекватно воспринятое конституционное (в онтологическом смысле) право «застраховано» от рисков противопоставления в целеполагании индивидуального права (инверсия «права юристов») и «права социального». Современная конституционная идея (идеал) легитимной общности обладателей неотчуждаемых прав и свобод ведет (и неуклонно возвращает) к «истинному праву интеграции и сотрудничества», переводя саму эту идею в разряд вневременных творческих императивов поиска «соотношения ценностей трансперсональных и личных». При том — определяющем — условии, что в обоих случаях полагаются актуальными только *духовные* ценности [5, с. 662–666].

Сходным образом в России сегодня утверждается возможность *конституционного* синтеза процессов (потенций) социализации и индивидуализации на основе сопряжения идеалов справедливости, свободы и равенства [23, с. 120–121].

Признавать такую возможность, верить в нее и утверждать практически — важно, но, очевидно, недостаточно. Не лишне вспомнить в этой связи, что классик советского позитивизма С.С. Алексеев в конце творческого пути пришел к необходимости углубления понимания (научно-теоретического и философского) прав человека, раскрытия и утверждения новых граней в связанных с ними представлениях и практиках, «возвышения на более высокий уровень правовой защиты» и — возможно, главное — недопустимости оправдания удаления прав человека «на обочину социальной жизни» ввиду тех или иных деструктивных общественных проявлений. Решать такие задачи правоведение может, подчеркивал ученый, исключительно опираясь на «высокозначимое конституционное основание» и прежде всего — положения ст. 18 Конституции РФ [1, с. 120–122].

«Юридическая эпистемология» собственно и предполагает «вытеснение» прав человека на социальную обочину, отдавая их на откуп стихийно-профессиональной безосновности и радикальному инструментализму, вкупе с объективным правом, как смехотворные выражения особой иррациональной идеи [17, с. 13–14]. Любые доктринальные инновации в области права реакционны, если они ставят под со-

мнение онтологическую подлинность и неисчерпаемость основных прав и свобод человека как равно (дуалистически) неотчуждаемых (т. е. субъективных) и конституционно реальных (объективных).

Юриспруденция как наука существует и может претендовать на научный статус лишь до того момента, пока существует право в его научно-категориальном выражении. При этом юридический мир (концепт действительности) не менее, а более сложен, чем мир физический или социальный мир «без права». Юридический мир невозможен без человека и осложнен не познаваемыми до конца глубинами (духовными высотами) его сознания. Поэтому «юридической эпистемологии» в постклассическом смысле не может быть по определению, как и, например, эпистемологии атеистической. Познавательное значение категории «эпистемология» не исчерпывается модусами рефлексии или целеполагания, поскольку предполагает эпистемологическое погружение субъекта в познаваемую реальность, его ментально-духовную сопричастность *этой* реальности. Объявить онтологические поиски права «научной ересью» (Б. Мелкевик) — равносильно провозглашению юридического атеизма.

Постклассическая манифестация восприятия права не выходит за рамки эмпирически детерминированной эпистемологии. Как уже отмечалось, «юридическая эпистемология» безосновна именно в притязаниях на юридическое значение. Любые онтологические коннотации ей чужды, хотя и заявляются в разнообразных актах «творческой» презентации. Здесь, скорее, имеет место «юридический акционизм» — профессиональное освоение формы искусства постмодерна. Допуская (и подразумевая) такое отношение к праву, инструментально-безосновная юридическая эпистемология выражает «отречение» от него. И потому-то для нее, прежде всего, и открывается «окно» ковид-возможностей, связанных с вынужденным (а на деле давно подготавливаемым) внедрением дистанционного образования. Исключительно цифровое (дистанционное) юридическое образование должно быть исключено по аналогии с творческими профессиями, поскольку пригодно для формирования только «цифрового правосознания», не совместимого и с классическим представлением о праве как искусстве

добра и справедливости и, что более важно, с российской культурной традицией, русской — духовно-нравственной философией права. Содействовать квалификационному приобщению юристов к этой традиции и культуре специалисты из отраслей, связанных с правовым инструментарием (ИТ, финансы, кредит, менеджмент), — не могут. Однако в дистанционном образовательном формате профессора и преподаватели юридических вузов рискуют не заметить, как их вежливо отодвинут в сторону виртуальные уполномоченные представители уже не просто работодателей, но именно «специалистов по праву» в его инструментально-прагматической версии. В результате аутентично-юридическое университетское образование рискует быть нивелировано до факультативов прикладного характера (курсов по выбору) для волонтеров и рекрутов электронной технократии. Причем неизбежно в рамках *идеологической* установки проекта глобализации направленной против конституционных интересов и конституционного юридического суверенитета России.

Конституционный суверенитет прямо соотнесен с вопросом онтологического и экзистенциального выбора «всех и каждого». Конституционное правопонимание предлагает свое решение, поскольку «обслуживает» правогенерирующую матрицу Конституции РФ, которая говорит от лица народа, не потерявшего (конституционная презумпция) способность и склонность к духовным исканиям. Подлинно конституционным, соответственно, будет выбор «в пользу» не изоциренно-рационального и спекулятивно-технического, а духовно-нравственного правового императива, при всей инвариантности конституционной дискреции безоговорочно не совместимого с «безумием» стяжательства и эгоизма, о чем в отечественной традиции — разными словами и в разные исторические времена — говорили и Нил Сорский, и Бердяев. Генеалогия конституционного правопонимания неисчерпаема, и вся она — выражение аутентичной национальной традиции. Отдельного упоминания заслуживает учение о «естественном» христианском правосознании И.А. Ильина, к которому периодически обращается и отечественная постклассика.

Дабы раскрыть несостоятельность таких притязаний, достаточно вспомнить, что, уходя

из области бесконечного, понятие духовного переходит в «скудные пределы бытия» и — как все слова этого уровня — начинает «дурно пахнуть» (Н. Гумилев). Что, собственно, и происходит, когда отрицают специфику топической территории бесконечного (как божественного) или не желают ее артикулировать, дабы не потерять массовую аудиторию. В аксиоматике же И.А. Ильина духовность права несет даже не метафизическое, а прямо религиозное, экзистенциально-православное значение, позволяя отнести его (право) к ресурсам духовного возрождения и обновления народа [8, с. 40–41]. В корректном отношении к такому видению стоят мысли и образы С. Кьеркегора, М. Бубера, Ф. Достоевского, но никак не постклассические «восприятия».

А.В. Поляков, например, сводит природу человеческой духовности к рациональной коммуникативности («коммуникативное а priori») и видит в том выражение полноты современного гуманитарного знания [20, с. 45–46], как если бы не было Аристотеля с определением человека как существа политического или стоиков, вдохновленных утопией космополитического братства разумно-нравственной элиты. Социальную философию И.А. Ильина ученый называет попыткой синтеза — *либеральным консерватизмом* и, конечно, находит в ней «коммуникативную направленность» [20, с. 50–51]. При этом весьма спорно интерпретируются онтологические и антропологические начала учения мыслителя, поставленного в один ряд с «консерваторами, фашистами и коммунистами», исходя из наличия общего врага (либерализм) и «объекта нападок» (права человека и демократия) [20, с. 44–45].

Пример столь странного обращения к феномену духовности и наследию И.А. Ильина важен нам, впрочем, не в плане конкретно-полемическом, но для принципиально значимой гипотезы о подспудном поиске отечественной постклассикой своих онтологических основ и ее интуитивном отрешении от гносеологической безосновности (неизбежно ведущей к «Манифесту» Б. Мелкевика).

Сходное стремление к гносеологическому позиционированию мы усматриваем и в публикации другого авторитетного представителя Санкт-Петербургского юридического «цеха постклассиков» Е.В. Тимошиной [22]. Крити-

ческая рефлексия ученой о философском наследии В.С. Нерсисянца остается фоном для *попытки* выхода на онтологическую проблематику действительности права и ее оснований.

Как и следовало ожидать, исследование Е.В. Тимошиной ведет ее к выводу, что вопрос о критериях истины в либертарной теории (и философии) права *открыто* не ставится, техника экспликации онтологического понятия права остается сокрытой, а деонтологический посыл — очевидно либеральный и антропоцентрический [22, с. 64–69]. Однако тем более разочаровывает сопутствующее умолчание автора об онтологических основаниях «исторически изменчивого характера теоретического осмысления права в логике либертарной теории» [22, с. 70–72]. Остается предположить, что есть здесь некая истина, которую вдумчивый теоретик выразить «не может» или не хочет. Поскольку «захотеть» и «смочь» может позволить себе только *знающий правду* о «сущем применительно к праву».

Высказанное предположение крепнет, когда Е.В. Тимошина комментирует «неожиданно» постулируемый в либертарной теории тезис о тождестве права и прав человека и, напротив, вполне ожидаемое редуцирование нравственного императива до условия *взаимности* признания «формальной свободы» каждого в стадии «развитого состояния моральности» и «исторического очеловечивания» [22, с. 73–76]. Ее благосклонное отношение к эклектичному философскому нарративу сродни эмоциональному переживанию поисков черной кошки в темной комнате с позиции наблюдателя, уверенного («знающего»), что кошки там нет. Гносеологическая «игра» оправдывается перспективой обретения того, что имеет *достоверную* (фактическую) ценность, — будь то конституционные права человека, «общее благо» или нравственная зрелость народа.

Либертарная теория права не нуждается в таком «оправдании», поскольку предельно последовательна по отношению к своему онтологическому посылу и весьма продуктивна в практическом отношении для актуализации конституционного принципа формального равенства. Тогда как отечественная постклассика выдает «подсознательно желаемое» за действительное, декларируя правовую коммуникацию («межсубъектное взаимодействие», «интер-

субъективную реальность» и т.д.) *одновременно* «интегральным свойством, качеством и онтологической основой права» [15, с. 142]. Если правовая «онтология интерсубъективности» — при особом к тому настрое — еще возможна, то, во всяком случае (как фактически признает и Б. Мелкевик), *помимо* «обособленной» онтологии права и правового долженствования. При этом «здоровое» правосознание всегда будет «тяготиться» неизбежностью отказа от поисков идеи права. Любое утверждение того, что «первореальностью» права выступает идея (смысл) права, заключающаяся во взаимном признании субъектов как определенном способе их существования» [15, с. 142], приобретает характер «научной демагогии» без развернутой конкретизации сущностных оснований и содержательных следствий «воплощенного» признания. Одна «взаимность» идентифицировать «первореальность» права в бесконечном ряду претендующих на юридический титул вариаций не поможет, как бы мы на нее ни уповали.

Признаками недосказанности и двойственности по отношению к главному о праве, как тому, что рано или поздно придется *выбрать* с учетом его [главного] значимости, отмечены и суждения авторитетного украинского теоретика С.И. Максимова. Своеобразие «интерсубъективистской концепции» А.В. Полякова и его последователей он усматривает в преемственности к традиции русской философии права начала XX века (подразумеваются И.А. Ильин, Л.И. Петражицкий, Н.Н. Алексеев и др.), *одновременно* предостерегая российских коллег от потери связи с дискурсивной рационалистической теорией аргументации. Суть «предупреждения»: *надлежащая* коммуникативная парадигма в философии права должна быть рефлексивно соотнесена с философскими обоснованиями поисков синтеза индивидуалистического либерализма и коллективной автономии (демократического самоуправления), универсализма прав человека и плюрализма культурного своеобразия, дискурсивно-критического согласования моральных и деонтологических критериев правильного (справедливого) решения. Понятно, что в такой компоновке авторитетами выступают уже Ю. Хабермарс, К.-О. Апель, Р. Алекси [15, с. 141–142].

О каком-либо пренебрежении (и предубеждении) к творческому поиску и идеям по-

пулярных западных авторов не может быть и речи. Мы вполне согласны и с тем, что осмысление и оперирование юридическими понятиями исключает догматическую фетишизацию и должно быть обусловлено — до известного предела — конкретными социальными и политическими факторами. «Смущает» же, вновь подчеркнем, полная беспомощность (бессодержательность) производных от приобщения к их высотам юридически значимых выводов. Либо — ширящееся убеждение в ненужности таковых. Отсюда растущий интерес юристов к онтологии и методологии права «штатных философов».

Характерный пример названной заинтересованности — экспликация доводов о лингвистической природе права с позиций аналитического подхода, как «определяющего новые возможности философской рефлексии по поводу сущности права и границ правовой реальности» [7, с. 77]. Такие сведения могут быть полезны тем ученым-юристам, кто не составил своего мнения о предопределивших «лингвистический поворот» идеях Г. Кельзена, Г. Харта, Л. Витгенштейна, У. Куайна и Б. Лейтера. Однако и они не найдут в философском обзоре «дополнительных», в сравнении с общеизвестными (включая позитивистский блок), критериев различения феноменов из миров юридического и неюридического. Тем более если апологетика или критика ни к чему не обязывают.

Юридический язык и практически и теоретически актуален только как язык конституционный [13]. Уничжительно критикуемым Б. Мелкевиком ученым-юристам классической формации («сеятелям понятий») важно осознать, что в России, при наличии актуального запроса, затрагивающего проблемы топики и семантики юридических высказываний (текстов), им придется обратиться к Конституции РФ через ее единственного легитимного «агента» и субъекта конституционализации — Конституционный Суд РФ — и «спросить», знает ли она о таких понятиях и насколько (в какой мере) они юридические, т.е. конституционные. Феноменальное соотнесение с текстом Конституции РФ может быть понято и как особая правоустанавливающая форма субъект-субъектной коммуникации. Сам же «сеятель» вновь «открытым» и выставляемым для «научной презентации» понятиям конституционного

(в онтологическом смысле) статуса присвоить не может.

Политическая конфронтация на фоне пандемии и глобального экономического кризиса 2020 привела к официальным политическим констатациям очевидного: «сверхдержава» (США) последовательно продвигает идею «порядка, основанного на правилах», при том что правила эти изобретает именно и только она. Есть серьезные основания думать, что стратегические цели такого продвижения не исчерпываются окончательной дискредитацией международного права. Все явственнее проступает деятельное намерение стереть из планетарного общественного и научного сознания саму идею права и его традицию, заменив их на версию «права 21.0», а по сути обозначив так экспликацию установок и правил, непрерывно генерируемых в «анклаве» англо-саксонской технокультуры при непререкаемом верховенстве легальных американских институтов с их «юридическими лейблами».

Эпистемологический инструментализм — экспортная версия этой идеологии, ретушированная авторитетом научной упаковки школы американского реализма, которая никогда не скрывала и патриотически не чуралась своего национального статуса. Учитывая такую ангажированность, не следует принимать «всерьез», например, оговорки К.Н. Левеллина о *временном* формате прогрессивного «отграничения *сущего* от *должного*» — как при вынесении судебных решений, так и проверке их после обжалования. Принципиальная необходимость указанного отграничения должна перерасти и неизбежно перерастает в убеждения, какие только и можно «*постоянно, настойчиво и упорно*» осуществлять на практике, одновременно планомерно атакуя доводы всех не согласных с «однажды пришедшим озарением» [14, с. 553–554]. Сообразно такому восприятию представители данного направления в России должны бы признать неизбежность отрицания не только онтологической подлинности права, но и в конечном счете суверенного конституционного правопорядка. Во всяком случае, рекомендация субъектам юридической практики «в максимально возможной степени оставаться незатронутыми пристрастиями» [14, с. 553] выглядит чрезвычайно привлекательной для постклассики, если не замечать, что она про-

изводна от неизбежной — в значении «юридического факта» — пристрастности субъекта правоприменения.

Единственным вариантом достойного научно-правового ответа на такие вызовы, и далее — достоверно *юридического* «эпистемологического погружения» для выработки *юридически* целесообразных практических рекомендаций, остается профессионально-консолидированное признание, что матрица Конституции РФ включает и «обобщенные предвидения правосудных позиций» и все допустимые — независимо от «диапазона» правовой ситуации — алгоритмы их выработки. Предопределенные, разумеется, не для тех, кто вырос «под стенами Капитолия» и истово — осмысленно и подсознательно — предан только «американской мечте».

Здесь мы и видим возможность остановиться и сделать итоговый вывод. Для того чтобы не оказаться беспомощными на юридическом фронте гибридной войны XXI века как, в очевидной перспективе, борьбы за верховенство судебных юрисдикций — нужно провести научно-юридическую «рекогносцировку» и как минимум назвать вещи своими именами. Увлечение отечественного правоведения постклассическими реминисценциями и заимствованиями может вести к последствиям далеко не безобидным. Российские конституционалисты не могут отречься от гарантий академической свободы мысли, но они ни на минуту не вправе забывать и о ценности конституционного суверенитета своей державы, в том числе в его духовно-культурном измерении. Равным образом, хотя в контексте конституционной инвариантности и дискреции в России на актуальные юридически значимые вопросы возможны различные ответы (и судебные решения), причем как либерально-демократического, так и консервативно-охранительного толка, — такие ответы не могут входить в противоречие с интуицией и целью достоверно российского конституционного правопорядка [12, с. 128–129]. Залогом обоих отношений с необходимостью выступает и конституционно здоровое правосознание юристов, не совместимое с «безосновной» апологетикой «инструментально-юридической эпистемологии», не могущее смириться с отрицанием или игнорированием своего конституционного «основания» как онтологического легитимно-истинного субстрата

права. Которое (право) в свою очередь равно не может быть подменено «мистико-экстатическими верованиями» или «чистой техникой», поскольку иначе оно неизбежно утратит свое влияние, уступит «регулированию и коллективным убеждениям другого рода, создающим режимы, которые с юридической точки зрения следует рассматривать как вырождение» [6, с. 764–765].

Возможно, ресурсы отечественного правоведения не так велики, как того требует масштаб обозначенных угроз, но призвано конституционно противодействовать тому, чтобы оксюморон «прогрессивного вырождения» идеи права не стал титульным знаком современной социально-цифровой реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 176 с.
2. Антонов М.В. О коммуникативной теории права Андрея Васильевича Полякова // Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 25, 31–32.
3. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. 624 с.
4. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.
5. Гурвич Г.Д. Теория источников права Ойгена Эрлиха и идея социального права / пер. с фр. М.В. Антонова // Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. С. 653–667.
6. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский Дом С.-Петербург. гос. ун.-та, 2004. 848 с.
7. Дидикин А.Б. Право как лингвистический феномен: к постановке проблемы // Проблемы методологии и философии права: сборник статей участников III Международного круглого стола (26–27 февраля 2016 года, Самарская гуманитарная академия, г. Самара) / под ред. С. Н. Касаткина. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2016. С. 76–86.
8. Ильин И.А. Наши задачи // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 2. М.: Русская книга, 1993. 480 с.
9. Касаткин С.М. Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридической догматики // Юриспруденция в поисках идентичности: сборник статей, переводов, рефератов / под общ. ред. С.Н. Касаткина. Самара, 2010. 332 с.
10. Крусс В.И. Конституционализация права основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 240 с.

11. *Крусс В.И.* Конституционное правопонимание и практико-ориентирующая состоятельность современной теории права // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 5–12.
12. *Крусс В.И.* Конституционная футурология и наука права. Файл «криптовалюта» // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10(95). С. 126–142.
13. *Крусс В.И.* Русский язык, Конституция России и проблемы правопонимания // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2019. № 4(60). С. 137–144.
14. *Левеллин К.Н.* Немного реализма о реализме // История государственно-правовых учений: хрестоматия / авт.-сост. С.В. Липень; под общ. ред. В.В. Лазарева. М.: Спарк, 2006. С. 552–554.
15. *Максимов С.И.* Мировоззренческо-методологические подходы к осмыслению права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 124–143.
16. *Мелкевик Б.* Философия права в потоке современности // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 527–545.
17. *Мелкевик Б.* Юридическая эпистемология и «уже-право» // Правоведение. 2015. № 4(321). С. 6–49.
18. *Нерсесянц В.С.* Философия права: учебник для вузов. М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. 652 с.
19. *Поляков А.В.* Дефицит свободы как политико-правовая проблема // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 4. С. 37–56.
20. *Поляков А.В.* Коммуникативный подход в общей теории права / Проблемы понимания права: сборник научных статей. Серия: Право России: новые подходы. Вып. 3. Саратов: Научная книга, 2007. С. 35–51.
21. *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права: учебник. 2-е изд. СПб.: Издательство С.-Петербург. ун-та, 2015. 472 с.
22. *Тимошина Е.В.* Разделительный тезис либертарно-юридической теории и основания действительности права // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 4. С. 58–82.
23. *Эбзеев Б.С.* Конституция, власть и свобода: Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. 336 с.
24. *Эрлих О.* Основоположение социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. 704 с.

УДК 341.96

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-8

Арзуманян Анна Борисовна,
кандидат юридических наук, доцент,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького,
д. 88, e-mail: rumi12@yandex.ru

Arzymanyan, Anna B.,
PhD in Law, Associate Professor,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007, Russian Federation,
e-mail: rumi12@yandex.ru

НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РОБОТОТЕХНИКИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

SUPRANATIONAL AND NATIONAL LEGAL REGULATION OF ROBOTICS AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROBLEMS AND PROSPECTS

АННОТАЦИЯ. Социально-экономические изменения, происходящие в современном мире, неизбежно оказывают существенное влияние на право. Особое внимание правоведов в последние годы привлекает проблема регулирования отношений с участием «умных» роботов и информационных систем, действующих на основе искусственного интеллекта. Наднациональное и национальное законодательство в данной сфере только начинает формироваться, а единого международного акта, определяющего базовые принципы такого регулирования, пока не существует. В настоящей статье рассматриваются общие подходы к регулированию таких отношений в частноправовой сфере на примере российского законодательства и законодательства Евросоюза.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: робототехника; искусственный интеллект; киберфизические системы; частное и публичное регулирование.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Арзуманян А.Б. Наднациональное и национальное правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта: проблемы и перспективы // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 58–63. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-8

ABSTRACT. Socio-economic changes taking place in the modern world inevitably have a significant impact on the law. The problem of regulating relations involving “smart” robots and information systems based on artificial intelligence has attracted particular attention of legal scholars in recent years. Supranational and national legislation in this area is just beginning to take shape, and there is no single international act defining the basic principles of such regulation. This article discusses General approaches to the regulation of such relations in the private law sphere on the example of Russian and EU legislation.

KEYWORDS: robotics; artificial intelligence; cyber-physical systems; private and public law regulation.

FOR CITATION:

Arzymanyan, A.B. Supranational and national legal regulation of robotics and artificial intelligence: problems and prospects. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 58–63 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-8

Современное общество переживает серьезные изменения, связанные с постоянно увеличивающимся влиянием информационных технологий. Одной из наименее урегулированных, но наиболее перспективных сфер, по оценкам специалистов, становится сфера взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Как отмечают исследователи, взаимодействие человека и машины связывают не только с оптимизацией человеческой деятельности при помощи информационных технологий, но и с интеграцией технологий внутри человека для увеличения его возможностей [3]. Уже сейчас во многих странах появляются беспилотные транспортные устройства на основе технологий ИИ (искусственного интеллекта. — А.А.), что ставит ряд вопросов перед действующим законодательством. Однако сфера применения ИИ действительно крайне обширна, и многие люди сегодня небезосновательно мечтают о технологиях, интегрированных с человеческим мозгом, что открывает перед нами крайне малоизученную область человеческой деятельности, в большей степени описанную в научно-фантастической литературе. Впрочем, то же самое касается и «умных» роботов как автономных устройств, способных имитировать мыслительные процессы и взаимодействовать между собой и с человеком в самых разных видах общественных отношений.

Общим замечанием, высказываемым правоведами, является указание на неопределенность той парадигмы, в соответствии с которой будет выстраиваться регулирование робототехники и искусственного интеллекта в ближайшем будущем, а также крайне малое число серьезных исследований данной предметной области [7, 9].

Как и в любой иной области, впрочем, первый вопрос или проблема, требующая решения, это разработка понятийного аппарата. Например, сам термин «искусственный интеллект» (ИИ) не имеет законодательного закрепления как в России, так и за рубежом, а количество его научных определений при этом достаточно велико. В специальной литературе под искусственным интеллектом обычно понимают науку и технологию программирования компьютерных машин на выполнение тех функций, которые в случае выполнения их человеком потребуют от человека интеллектуальных усилий [15, 16]. Преобладающее значение в

технологиях искусственного интеллекта имеют, таким образом, компьютерные программные технологии. Следует учитывать, что принятая в 2019 году российская Национальная стратегия развития ИИ ввела определение ИИ на уровне подзаконного акта, что можно считать предпосылкой для формулировки такого определения на уровне федерального закона. ИИ определяется Стратегией как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

Сравнительно недавно появившийся термин «киберфизическая система» не вошел в упомянутую выше Стратегию, однако он активно используется в программных актах отдельных государств и нормах «мягкого права» Евросоюза. При этом термин не имеет однозначного понимания и в одних источниках описывается как система, которая объединяет в себе «кибернетическое начало, компьютерные аппаратные и программные технологии, качественно новые исполнительные механизмы, встроенные в окружающую их среду и способные воспринимать ее изменения, реагировать на них, самообучаться и адаптироваться», а в других как особая «интеграция физического и информационного пространства» [6]. Национальный институт стандартов и технологий США приводит определение, согласно которому киберфизические системы — это «умные системы, охватывающие вычислительные и эффективно интегрируемые физические компоненты, тесно взаимодействующие между собой» [13]. Исходя из этого, к таким системам можно отнести роботов, беспилотный транспорт, роботизированные устройства и многое другое.

В научном исследовании, проведенном в Евросоюзе [14], в качестве сущностных признаков киберфизических систем называют их способность взаимодействовать с окружающим миром, а также ответственность создателей

за решения, принимаемые системами. Такие системы, как умные дома и умные города, умные производства и умные сети, беспилотный транспорт и транспортные сети, могут либо исполнять определенные решения с помощью механизмов, сконструированных человеком, либо принимать решения на основе полученной, переработанной и хранящейся в системе информации, при этом окончательное решение остается за человеком. Иногда эти системы объединяют понятием «умная среда» [2].

Говоря о правовом обеспечении социально-экономических процессов, связанных с развитием робототехники, искусственного интеллекта, киберфизических систем, важно иметь в виду, что такое регулирование подразумевает, с одной стороны, проведение качественных междисциплинарных исследований, поскольку проблемное поле искусственного интеллекта выходит далеко за пределы математических, естественнонаучных и инженерных дисциплин и охватывает собой философские, этические, религиозные, психологические вопросы. С другой стороны, качественное регулирование требует временных ресурсов, необходимых для выработки взвешенного подхода, методологии и принципов, которых следует придерживаться в дальнейшем, как это имело место, например, с регулированием в области интеллектуальной собственности. В то же время развитие технологий искусственного интеллекта происходит достаточно динамично и затрагивает абсолютно различные сферы общественных отношений. В этом смысле очевидно, что эти сферы не ограничиваются частноправовым регулированием, также следует учитывать усиливающуюся тенденцию взаимного проникновения частноправового и публично-правового регулирования в современном праве. Представляется справедливым мнение о необходимости разработки международного соглашения, определяющего основные принципы регулирования отношений в области развития ИИ и робототехники [6]. Однако данная повестка только формируется на международном уровне, в то время как государства уже имеют определенный позитивный опыт регулирования в рассматриваемой сфере. На наднациональном уровне наибольшее внимание разработке общих принципов регулирования ИИ и робототехники уделяет Евросоюз. Существует

и круг основных вопросов, которые необходимо учитывать при разработке национальных стратегий и концепций в области искусственного интеллекта. К ним относятся:

- здоровье и безопасность человека;
- охрана окружающей среды;
- ответственность собственников и производителей ИИ;
- защита данных;
- правосубъектность ИИ;
- вопросы интеллектуальной собственности.

На уровне национальных законодательств такие стратегии и концепции существуют, в частности, в США, Китае, Японии, России, Южной Корее и других государствах. Примечательно, что в Южной Корее еще в 2008 году был принят полноценный закон в области робототехники, который существенно повлиял на развитие отрасли [12]. В законе отмечается, что каждые пять лет требуется утверждать план развития робототехники, а также специальной территории, на которой предусматривается использование «умных роботов» различных категорий. «Умный робот» в законе понимается как механическое устройство, которое способно воспринимать окружающую среду, распознавать обстоятельства, в которых оно функционирует, и целенаправленно передвигаться самостоятельно.

В Европейском союзе до 2020 года действует рамочная программа «Горизонт-2020», внутри которой реализуется проект по развитию робототехники “SPARC”. Эксперты данного проекта предложили Дорожную карту Robotics 2020 и Стратегическую повестку исследований.

Очевидно, что принципиальное реформирование законодательства в связи с развитием ИИ может затронуть отрасль гражданского права, однако целесообразность таких реформ остается спорной. Так, например, Германия воздерживается от внесения изменений в гражданское законодательство, тогда как в России обсуждались возможные новеллы в ГК РФ, связанные с положениями о «роботах-агентах». Так, в 2016 году основатель “Grishin Robotics” и сооснователь Mail.Ru Group Дмитрий Гришин совместно с юристом Виктором Наумовым разработали концепцию закона о робототехнике [8]. В законопроекте, в частности, отмечается, что роботы-агенты могут выступать в гражданском обороте по решению собствен-

ника, приобретать гражданские права и обязанности, иметь обособленное имущество и отвечать этим имуществом по обязательствам, при этом ответственность за их действия несут собственник и владелец таких роботов.

В 2017 году в ЕС была принята Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2103(INL) «Нормы гражданского права о робототехнике» с Хартией робототехники и кодексом этических норм (далее — Резолюция), а в 2018 году большинство стран-участниц ЕС подписали Декларацию о сотрудничестве в сфере ИИ. Особое внимание Резолюция уделяет вопросам юридической ответственности как разработчиков, так и владельцев «умных» машин. В Резолюции подчеркивается, что такая ответственность ни в коем случае не должна ограничиваться на том основании, что вред причинен не человеком.

Особое внимание в Резолюции уделяется и вопросам, связанным с защитой информации. В частности, акцент делается на такие проблемы, как:

- соответствие гражданско-правового регулирования робототехники и ИИ Общему Регламенту о защите персональных данных 2016 года (далее — Регламент 2016 года), принципам пропорциональности и необходимости в свете стремительного развития робототехники и киберфизических систем;

- реализация прав человека на неприкосновенность частной жизни и на защиту персональных данных в связи с применением «умных» машин: необходимость более четко прописывать правила, касающиеся использования камер и сенсоров в роботах, а также обеспечивать реализацию основных принципов, закрепленных в Регламенте 2016 года, в том числе путем разработки рекомендаций и стандартов к этим принципам;

- важность свободного движения информации для цифровой экономики, с одной стороны, и защиты информационных потоков, с другой. Обеспечение информационной безопасности при взаимодействии ИИ между собой и с людьми;

- ответственность разработчиков в сфере робототехники и ИИ за обеспечение информационной безопасности.

В том же 2017 году руководителем Исследовательского центра «Робоправо» А. Незнамо-

вым и партнером международной юридической фирмы “Dentons” В. Наумовым был предложен проект Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте [4], который стал первой попыткой обобщить разрозненные положения в этой сфере. Основное внимание в проекте уделяется обеспечению безопасности в широком смысле, включая и информационную безопасность, а также соблюдению прав человека при создании и использовании ИИ, роботов и киберфизических систем. Определение данных понятий в проекте не приводится, однако «робот» рассматривается как общее понятие по отношению к ИИ и киберфизической системе.

Возвращаясь к российской Стратегии 2019 года, следует отметить, что упор в ней делается на решении задач развития, в связи с чем фокус смещен на конкретные шаги по созданию и внедрению ИИ, и на связанные с этим экономические и управленческие процессы, а защита прав человека упоминается в контексте соблюдения общих принципов развития ИИ, которым посвящен раздел 3 Стратегии. Приоритетные направления развития ИИ имеют управленческий и социально-экономический контекст, в частности упоминаются повышение эффективности управленческих решений; управление логистикой; автоматизация рутинных операций; повышение качества государственных и муниципальных услуг, услуг образования и здравоохранения.

Важным представляется подраздел, посвященный задачам в области правового регулирования отношений, связанных с развитием и использованием ИИ. В частности, отмечается необходимость адаптации действующих норм права и выработки этических норм в этой области, при этом избыточного регулирования следует избегать. К приоритетным направлениям правового регулирования отнесены следующие:

- специальные режимы доступа к обезличенным большим данным;

- специальные режимы доступа к данным, в том числе персональным, в целях развития ИИ;

- выработка норм, регулирующих процедуры принятия решений ИИ при оказании государственных и муниципальных услуг, иных функций государства, но без ущемления прав и законных интересов граждан и не затрагивая вопросы безопасности;

– развитие стандартизации в области ИИ, в том числе на основе международного сотрудничества;

– некоторые другие.

При этом формирование системы нормативно-правового регулирования в области ИИ, включая вопросы обеспечения информационной безопасности и стимулирования развития ИИ, должно быть завершено к 2030 году.

Как отмечается в Стратегии, экспертные системы, появившиеся в 1950-х годах, способны были описывать алгоритм действий по выбору решения в зависимости от конкретных условий. Им на смену пришло машинное обучение, благодаря которому информационные системы самостоятельно формируют правила и находят решение на основе анализа зависимостей, используя исходные наборы данных без предварительного составления человеком перечня возможных решений, что и характеризует деятельность искусственного интеллекта.

Таким образом, на наш взгляд, информационные системы на основе искусственного интеллекта являются достаточно широким понятием, включающим в себя и киберфизические системы, и интернет вещей, что возвращает нас к вопросу информационной безопасности и соблюдения принципов сбора и обработки персональных данных. В контексте действующего законодательства о персональных данных наиболее очевидная проблема связана с использованием технологий Больших данных (Big Data) при одновременном соблюдении принципов защиты персональных данных, сформулированных как на региональном, так и на национальном уровне.

Как отмечает А.И. Савельев [11], применительно к использованию технологий Больших данных противоречия возникают при реализации следующих принципов:

– принцип ограничения обработки персональных данных: обработка исключительно в соответствии с заявленными целями, недопустимость объединения баз данных, для которых цели обработки персональных данных не совпадают, существенно ограничивает возможности технологий Больших данных;

– принцип ограничения объема обрабатываемых персональных данных: смысл технологии Больших данных состоит в постоянном обновлении данных и их повторном использовании;

– принцип информированного согласия: субъект персональных данных дает согласие на конкретные действия оператора на стадии сбора данных, что несовместимо с использованием технологии Больших данных, поскольку такое решение не будет учитывать возможных последствий применения этих технологий. Следовательно, само согласие в такой ситуации носит фиктивный характер. При этом, как отмечается в юридической литературе, наметилась тенденция, при которой согласие субъекта персональных данных не должно собираться, если отсутствуют иные основания для обработки данных [9];

– обезличивание данных как гарантия их анонимности при обработке и дальнейшем использовании. Технологии Больших данных позволяют установить субъекта данных путем их «деобезличивания».

Отмена принципов обработки персональных данных как способ избежания «сдерживающих» факторов развития новейших технологий вряд ли может быть обоснована с позиции защиты основных прав человека и нематериальных благ, принадлежащих личности (охрана достоинства личности, неприкосновенность частной жизни). Получение формального согласия «на обработку в любых целях» ведет к таким нарушениям, как утечка и искажение данных, а также дискриминация, при которой «под видом индивидуального подхода устанавливаются различные цены для потребителей одной категории, осуществляется отсев граждан по расовым, политическим, национальным, гендерным или иным дискриминационным критериям» [10]. Другой способ, используемый сейчас в США, это так называемые opt-out согласия — предварительное согласие на любую обработку, которое, если оно не отозвано в течение определенного времени субъектом данных, приобретает законную силу. По ряду причин представляется, что в российских реалиях этот способ не будет сильно отличаться от чисто формального согласия на обработку, т. е. согласия, при котором фактически не могут быть соблюдены все принципы обработки персональных данных.

Обобщая круг проблем, связанных с подходами к правовому регулированию ИИ, робототехники, информационных систем на основе ИИ, нужно отметить следующее. Ряд

исследователей считает, что такое регулирование должно осуществляться в рамках специальной отрасли или даже системы отраслей — цифрового права [1]. Другие же отмечают, что необходима интеграция норм, посвященных информационным технологиям, в действующую классическую систему права [5]. При этом очевидно, что ряд концептуальных вопросов, таких как субъект и объект права, воля и волеизъявление, правосубъектность и юридическая ответственность в отношении роботов и ИИ, остается открытым. Очевидно, что такие фундаментальные принципы права, как баланс интересов участников отношений, защита экономически «слабых» участников отношений, защита основных прав человека, должны браться за основу регулирования.

Стоит подчеркнуть и особую роль инструментов «мягкого права» в региональном и международном правовом регулировании, когда стимулирование тех или иных процессов опережает регулирование, что положительно сказывается на развитии национальных законодательств в столь специфических сферах. Иными словами, чрезмерное регулирование развивающихся технологий может создать искусственные препоны там, где в них нет ни малейшей необходимости. Поэтому важен постоянный мониторинг проблем правового характера, с одной стороны, и гибкий подход в регулировании, с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 58–68.
2. Баракина Е.Ю. К вопросу формирования перспективной терминологии в области правового регулирования применения киберфизических систем // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 70–73.
3. Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере: монография. М.: Янус-К, 2016. 248 с.
4. Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте. Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // URL: https://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia
5. Незнамов А.В. О концепции регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники в России // Закон. 2020. № 1. С. 171–185.
6. Незнамов А.В., Наумов В.Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. № 2. С. 69–89.
7. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. 664 с.
8. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» [Электронный ресурс] // URL: <http://robopravo.ru/uploads/s/z/6/g/z6gj0wkwhv1o/file/bESvQz3Y.pdf>
9. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов, В.В. Бакуменко, А.Д. Волынец и др.; под ред. А.В. Незнамова. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 232 с.
10. Савельев А.И. Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. 2018. № 5. С. 122–144.
11. Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 54–61.
12. Cho Y., Jeong M., Park S. The effect of the Korean robot act on the Korean robotics industry and its implications [Electronic Resource] // KIET Industrial Economic Review. 2016. Vol. 21. No 6.
13. Cyber-physical systems [Electronic Resource] // URL: <https://nist.gov/el/cyber-physical-systems>
14. Ethical aspects of Cyber-Physical System / Scientific Foresight study [Electronic Resource]. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/563501/EPRS_STU%282016%29563501_EN.pdf
15. Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. Cambridge, MA, 1990.
16. McCarthy J. What is Artificial Intelligence? [Electronic Resource] // URL: <http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/node1.html>

УДК 343.2/.7

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-9

Ныrkova Наталья Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права и криминологии,
Южный федеральный университет,
344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького,
д. 88, e-mail: nyrkowa@mail.ru

Nyrkova, Natalya A.,
PhD in Law, Associate Professor, Department
of Criminal Law and Criminology, Law Faculty,
Southern Federal University, 88 M. Gorkogo St.,
Rostov-on-Don, 344007, Russian Federation,
e-mail: nyrkowa@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ НА УГОЛОВНОЕ ПРАВО (ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ)

THE IMPACT OF EXTRAORDINARY CIRCUMSTANCES ON CRIMINAL LAW (PERSONAL OPINION)

АННОТАЦИЯ. Статья написана по итогам одноименного доклада на Всероссийской научно-практической конференции «Уголовное право в чрезвычайных обстоятельствах: рефлексия опыта», состоявшейся 24 июля 2020 года на базе юридического факультета Южного федерального университета. В ней анализируются две основные проблемы: соотношение изменений уголовного законодательства и практики его применения с отечественной историей социальных потрясений и остро дискуссионный характер последних, следствием чего является полифония многообразных мнений и оценок. Аргументируется мысль о том, что, с одной стороны, существенные трансформации уголовного права обусловлены не только чрезвычайными обстоятельствами — они имеют место и в относительно спокойные периоды истории. С другой стороны, показано, что одна из самых значительных катастроф (авария на Чернобыльской АЭС) вообще не привела к изменениям в уголовном кодексе. Автор приходит к заключению о том, что содержание уголовного закона и практики его применения зависят от государственной политики, опосредованной не столько революциями, войнами или другими чрезвычайными обстоятельствами, сколько имеющимися в арсенале государства способами их разрешения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уголовное право; принципы права; чрезвычайные обстоятельства; государство; государственная политика; информация.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ныrkova Н.А. Влияние чрезвычайных обстоятельств на уголовное право (личное мнение) // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 64–68. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-9

ABSTRACT. The article was written following the results of the report of the same name at the All-Russian Scientific and Practical Conference “Criminal Law in Extraordinary Circumstances: Reflection of Experience”, held on July 24, 2020 on the basis of the Law Faculty of Southern Federal University. It analyses two main problems: the correlation of changes in criminal legislation and its practice with the domestic history of social upheavals and the acute debating nature of the latter, the result of which is a polyphony of diverse opinions and assessments. It is argued that, on the one hand, significant transformations of criminal law are due not only to extraordinary circumstances since they also occur in relatively calm periods of history. On the other hand, it is shown that one of the most significant disasters (the accident at the Chernobyl nuclear power station) did not lead to any changes in the criminal code at all. As a result, the author concludes that the content of the criminal law and the practice of its application depend on state policy, mediated not so much by revolutions, wars, or other extraordinary circumstances but by the means available in the arsenal of the state to resolve them.

KEYWORDS: criminal law; principles of law; extraordinary circumstances; state; state policy; information.

FOR CITATION:

Nyrkova N.A. The impact of extraordinary circumstances on criminal law (personal opinion). *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 64–68 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-9

*Когда что-то плохо, то надо хорошо
представлять себе худшее.
Фрэнсис Герберт Брэдли*

Вместо введения. Вопросы, предложенные кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета ЮФУ для дискуссии на состоявшейся конференции, в равной степени проблемны и тесно связаны между собой. И все же мотивирующее значение для нас имел последний из них, предполагающий увидеть особенности уголовного права в условиях чрезвычайных обстоятельств и соотносить эти особенности с масштабом, содержанием и спецификой таких обстоятельств. Это было тем более интересно, что часть возможных выводов заведомо находится на поверхности, они по праву могут считаться хорошо разработанными и основательно исследованными положениями уголовно-правовой науки. Имеется в виду, прежде всего, уголовно-правовое регулирование в периоды революций и войн. Особенности уголовного законодательства и практики его применения обстоятельно излагаются не только в научной, но и в учебной литературе. Естественно, стало любопытно, можно ли ограничиться этими классическими взглядами или указанные периоды при более внимательном исследовании позволят обнаружить что-то новое?

Предлагаемые читателю размышления обозначены как личное мнение. Тем самым мы хотели подчеркнуть, что не претендуем на исчерпывающие и бесспорные ответы. Да и вряд ли они могут вообще существовать в сегодняшних социальных и научных координатах, когда практически на каждое событие имеются не просто различные, а диаметрально противоположные точки зрения, когда в ситуации информационной перегрузки, создаваемой СМИ, утрачиваются критерии оценки, иначе говоря, когда подвергается сомнению все. В начале прошлого века М. Волошин беспощадно констатировал: «Газета есть самый сильнодействующий яд, дающий наибольшие доходы» [2]. Можно только догадываться, какие экспрессивные оценки и метафоры он подарил бы нынешнему времени, в котором не одни только газеты, а многочисленные и разнообразные, печатные и электронные СМИ искажают и примитивизи-

руют картину реальности, навязывают «бешеный ритм смены стандартов, имен и мод» [16]!

О трансформациях уголовного права в контексте истории. Итак, можно ли допустить, что какие-либо чрезвычайные обстоятельства влекут обязательные изменения в уголовно-правовом регулировании? Конечно! — воскликнет большинство юристов и приведет в качестве доказательства, например, советское уголовное законодательство докодификационного периода, особенности первых уголовных кодексов, новые нормы об уголовной ответственности и применение уголовного закона по аналогии в период Великой Отечественной войны и многое другое. И будут правы. *Но только отчасти.* Приведем в обоснование два аргумента.

Во-первых, при более внимательном анализе уголовного законодательства становится очевидным, что «подвижки в ядерном основании права» (А.М. Разогреева) имели место не только в эпохи социальной турбулентности, но и в относительно спокойные, казалось бы, времена. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует хорошо известное, но до сих пор поражающее юридическим цинизмом, или даже — сильнее — надругательством над закрепленными в уголовном законе принципами действия уголовного закона во времени — дело валютчиков 1961 года: когда осужденные уже отбывали наказание, дважды принимался более суровый закон и дважды ему была придана обратная сила [15]. Что лежало в основе этого неправового решения? Что было социальным фоном? Экономический кризис? Природные катастрофы? Обвал мирового валютного рынка? Война на несколько фронтов? Вовсе нет — своеволие главы государства, небрежно замаскированное письмами всевозможных возмущенных рабочих и легко преодолевшее немногочисленные попытки ему сопротивляться (так, судья, вынесший первоначальный, «мягкий» приговор — 8 лет лишения свободы, — был уволен с должности. Напомним, что санкция ст. 88 УК РСФСР предусматривала тогда от 3 до 8 лет лишения свободы). Для полноты картины можно отметить, что в советской периодизации отечественной истории этот период времени именовался отдельными учеными ни много ни мало общенарод-

ным государством [4], да и западные историки (Э. Морен, М. Джилас, Ф. Фюре, М. Малиа) уже избегали слишком резких его оценок [6].

Этот доказательственный перечень можно продолжать, на мой взгляд, до бесконечности: возможность возложения наказания на лиц, не причастных к преступлению (родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего), датируется относительно спокойным 2003 годом [18]. Что это, если не отход от фундаментального принципа личной виновной ответственности в уголовном праве? В этом же году происходит отказ от дифференциации минимального наказания в зависимости от вида рецидива и устанавливается общая минимальная планка такого наказания [18]. Разве это не открытое пренебрежение идеей справедливости? А специальные составы пособничества в УК РФ, появившиеся в 2000-е годы [19–21]? Разве они не вступают в противоречие с общими нормами о соучастии, закрепленными в главе 7 УК РФ и с принципиальными отраслевыми положениями? Представляется, что все эти вопросы имеют риторический характер, ответ на них достаточно ясен.

Второй аргумент заключается в том, что некоторые «болтанки» отечественной истории прошли совершенно незаметно для уголовного законодательства и отразились, предположительно, исключительно в практике его применения. Проиллюстрируем это выводами, сделанными на основе анализа уголовного законодательства после аварии на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года. Нас, естественно, заинтересовали изменения в УК РСФСР, внесенные после этой даты. Выводы оказались неожиданными: в 1986 году был принят только один законодательный акт — Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28.05.1986. Он внес коррективы в статьи 24 (лишение свободы), 53 (условно-досрочное освобождение), 162 (зачет времени, проведенного в местах лишения свободы, к сроку наказания), 173 (получение взятки) и 208 (приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем). В 1987 году было принято 5 соответствующих указов (5 и 29 июня, 17 июля, 31 августа и 20 октября) [17] и ни один из них нельзя связывать с происшедшей катастрофой.

И все же нарушение основ уголовного права, на наш взгляд, можно усмотреть и в этот

период. Как известно, на скамью подсудимых закрытого судебного процесса попали шесть работников станции: директор, главный инженер, его заместитель, начальник реакторного цеха, начальник смены и государственный инспектор Госатомтехнадзора, которые были осуждены к длительным срокам лишения свободы по статьям «Халатность», «Злоупотребление служебным положением» и «Нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях» [7]. Вместе с тем, наряду с обвинительным приговором суда, есть весьма серьезные свидетельства, которые ставят под сомнение вину указанных лиц или, выразимся иначе — исключительно их вину. К таким свидетельствам можно отнести, например, заключения о причинах аварии Валерия Легасова (ядерный химик, академик АН СССР, лауреат государственной и Ленинской премий, первый заместитель директора Института атомной энергии им. Курчатова, один из основных участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС) [4], Игоря Острецова (руководитель работ Министерства энергетического машиностроения СССР на Чернобыльской АЭС, д.т.н., профессор) [11] и других специалистов [3]. Названные эксперты недвусмысленно констатировали политическую подоплеку судебного процесса, которая привела к осуждению невиновных и к уклонению от ответственности настоящих виновников — министра среднего машиностроения Е.П. Славского, директора Института атомной энергии им. И.В. Курчатова А.П. Александрова и главного конструктора РБМК (реактор большой мощности канальный) Н.А. Доллежала. По воспоминаниям Острецова, когда соответствующая комиссия подготовила отчет о причинах аварии и представила его в Государственный комитет по науке и технике СССР, «на нас начали орать: а чем вы, так сказать, думали? Дело было даже не в том, что там Александрова, Славского и Доллежала надо было сажать, а в том, что надо было примерно 16,5–17 млн кВт в европейской части СССР вывести из употребления, что невозможно при работающей промышленности. Это было совершенно невозможно: страна оказалась бы на голодной пайке. И поэтому было просто принято политическое решение сажать невиновных» [12]. Аналогичные выводы содержатся в документах, оставленных Легасовым [1,

5], и в сегодняшних оценках причин аварии [3]. Конечно, в условиях такого острого столкновения приведенных свидетельств с официальной версией всегда будут апологеты обеих легенд, а значит, и сомнения в абсолютной правдивости какой-либо одной из них. В подобном контексте вывод об уголовно-правовых нарушениях представляется допустимым, причем нельзя не заметить, без какой-либо перспективы провозгласить истину.

«Чрезвычайные обстоятельства»: что не так? Подготовка доклада к конференции заставила задуматься еще об одной важной проблеме: о реальности и однозначности тех условий, от которых мы отталкиваемся, пытаясь проанализировать особенности уголовного права, а именно, о так называемых «чрезвычайных обстоятельствах». Думаю, не будет преувеличением отметить, что все они (по крайней мере те, которые инициировали и направляли научный дискурс в рамках конференции) совершенно по-разному интерпретируются в науке и социальной практике. Не оспаривается, пожалуй, только сам факт наличия того или иного обстоятельства: мы точно знаем хронологические рамки революций, войн, катастроф. *И это все.* За пределами этого скупого фактологического бесспорного знания — необозримое поле частных и профессиональных мнений, оценок, данных, свидетельств. Возьмем в качестве примера Октябрьскую революцию 1917 года. Вот только некоторые научные публикации историков, взятые из открытых источников:

- Октябрьская революция: главное событие XX века или трагическая ошибка?
- 1917 г.: была ли альтернатива?
- Октябрьская революция: не событие, а процесс.
- Октябрьский переворот.
- Незавершенная революция и другие.

Аналогичная картина возникает, когда речь идет о войнах, авариях и тому подобных природных или социальных катаклизмах. Ожесточенно дискутируется все: количество жертв, причины, победы, поражения и пр.

Пожалуй, неким исключением на этом фоне является пандемия коронавируса, поскольку довольно широкий круг всевозможных акторов относится скептически к ее опасности или отрицает ее наличие вовсе [8, 13, 14].

Где правда, а где ложь? Каковы критерии отграничения их друг от друга? Ответов на эти вопросы нет, а имеющиеся вызывают неудовлетворение. Приведем в качестве примера понятие заведомо ложной информации, сформулированное в обзоре судебной практики применительно к статьям 207.1 и 207.2 УК РФ (далее — обзор). Верховный Суд РФ, в частности, разъясняет, что «одним из обязательных условий наступления ответственности... является распространение заведомо ложной информации под видом достоверной. О придании ложной информации вида достоверной могут свидетельствовать, например, формы, способы ее изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям» [9].

Если с использованием поддельных источников информации все понятно, то как можно признать информацию ложной в случаях, когда она почерпнута из компетентных источников или высказываний публичных лиц? (мы намеренно уходим от обсуждения оценочности понятий «компетентный источник» и «публичное лицо», ибо убеждены, что переход к их анализу возможен только на основе отсутствия сомнений в логичности самого правила, которое оперирует этими понятиями). Может быть, имеется в виду ситуация, когда к высказыванию «пристегивается» ссылка на компетентный источник, реально не содержащая соответствующих сведений? То есть когда имеет место двойной обман: и в содержании информации, и в ложной ссылке на источник? Но такой вывод не следует однозначно из процитированного положения обзора, а значит, не исключает и ситуацию, когда действительная ссылка на компетентный источник не страхует т.н. распространителя от рисков уголовной ответственности. С учетом обозначенных проблем, вытекающих из «плюрализма» мнений, очевидно, что последнее слово относительно истинности или ложности всего сущего хочет оставить за собой государственная власть. И надо признать, что это ей удается, хотя и не слишком убедительно. Впрочем, весь отечественный и зарубежный опыт прекрасно показывает, что «право силы» никогда не утруждало себя аргументами.

Summa summarum. Уголовное право — вполне определенный, информативный и репрезентативный маркер государственной политики, железная, самовластная и практически ничем не ограниченная рука государства.

Тесная связь права и политики — одна из аксиом юриспруденции, научные публикации по этой теме не перечислить. Практически все они, подчеркивая близость этих социальных феноменов, все же обосновывают (или провозглашают) некоторую дистанцию между ними. Нам же представляется, что этой дистанции не существует и право (в первую очередь — уголовное!) до сих пор убедительно и неопровержимо доказывает верность юридического позитивизма как одного из типов правопонимания [10]: право — приказ власти, поддержанный санкцией принуждения, результат правотворческой функции государства, его государственная воля. Именно этот основной вывод подтверждает наша попытка анализа уголовного законодательства и практики его применения через призму отечественного опыта социальных потрясений.

Отсюда вытекает главный вопрос, на который, по нашему мнению, следует искать ответ: какие сущности, ценности, явления могут стать препятствием на пути неправовых законодательных и правоприменительных (то есть государственных) решений в сфере уголовного права? Есть ли они? И могут ли быть вообще?

ЛИТЕРАТУРА

1. Валерий Легасов: Высвечено Чернобылем. История Чернобыльской катастрофы в записях академика Легасова и современной интерпретации / авт. и сост.: С.М. Соловьев, Н.Н. Кудряков, Д.В. Субботин. М.: АСТ, 2020. 320 с.
2. Волошин М. Путиами Каина. Трагедия материальной культуры [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0100.shtml
3. Калугин А. Современное понимание аварии [Электронный ресурс] // URL: https://scepsis.net/library/id_698.html
4. Легасов В. Причины, приведшие к Чернобыльской аварии и следствия, из нее вытекающие. (Наброски к статье об атомной энергетике СССР для В.М. Новикова, В.Ф. Демина, В.К. Сухоручкина) [Электронный ресурс] // URL: https://scepsis.net/library/id_3207.html
5. Легасов В. Авария на ЧАЭС и атомная энергетика СССР [Электронный ресурс] // URL: https://scepsis.net/library/id_3203.html
6. Мореева С.Н. К вопросу о периодизации истории Советского государства [Электронный ресурс] // Труды Института государства и права РАН. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-periodizatsii-istorii-sovetskogo-gosudarstva>
7. Морозова Д. Кого признали виновным в аварии на Чернобыльской АЭС? [Электронный ресурс] // URL: https://aif.ru/dontknows/file/kogo_priznali_vinovnymi_v_aviarii_na_chernobylskoy_aes
8. Нечаенко Е. Вирус с легендой. Что из написанного о коронавирусе является правдой? [Электронный ресурс] // URL: https://aif.ru/health/coronavirus/virus_c_legendoy_chno_iz_napisannogo_o_koronaviruse_yavlyetsya_pravдой
9. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Овчинников А.И. Правопонимание и его классификация: основные подходы // Юрист-правовед. 2015. № 1(68). С. 5–9.
11. Острецов И. История Чернобыльской катастрофы [Электронный ресурс] // URL: https://scepsis.net/library/id_3002.html
12. Острецов И. Чернобыль, 1986 = Фукусима, 2011? [Электронный ресурс] // URL: https://scepsis.net/library/id_3003.html
13. Пятков Г. Коронавирус: война информационная, а не инфекционная! [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rostov.kp.ru/daily/27115/4194237>
14. Сажнева Е. «Коронавирус есть и нет»: правда российской глубинки [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mk.ru/social/2020/06/17/koronavirus-est-i-net-pravda-rossiyskoy-glubinki.html>

Сильченко Елена Владимировна
кандидат юридических наук, доцент,
Кубанский государственный университет,
350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, д. 149,
e-mail: Leka2003@inbox.ru

Silchenko, Elena V.,
PhD in Law, Associate Professor,
Kuban State University,
149 Stavropolskaya St., Krasnodar,
350040, Russian Federation,
e-mail: Leka2003@inbox.ru

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ СУБЪЕКТАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 238 УК РФ

ON THE QUESTION OF THE POSSIBILITY OF RECOGNIZING MEDICAL WORKERS AS SUBJECTS OF A CRIME UNDER ARTICLE 238 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

АННОТАЦИЯ. В статье с точки зрения уголовного права раскрываются аспекты сформировавшейся тенденции по необоснованному привлечению медицинских работников к уголовной ответственности по статье 238 УК РФ. Автором также обосновывается позиция неприменения положений статьи 238 УК РФ в отношении указанной категории субъектов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уголовная ответственность; ответственность медицинских работников; оказание медицинских услуг; преступление; доказывание по уголовным делам; квалификация преступлений.

ABSTRACT. From the point of view of criminal law, the article reveals aspects of the emerging tendency to unjustifiably bring medical workers to criminal responsibility under Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author also substantiates the position of non-application of the provisions of Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to this category of subjects.

KEYWORDS: criminal liability; the responsibility of medical professionals; provision of medical services; a crime; proof in criminal cases; qualification of crimes.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Сильченко Е.В. К вопросу о возможности признания медицинских работников субъектами преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 69–73. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-10

FOR CITATION:

Silchenko, E.V. On the question of the possibility of recognizing medical workers as subjects of a crime under Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 69–73 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-10

На сегодняшний день весьма дискуссионным остается вопрос применения ст. 238 Уголовного кодекса РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» в отношении медицинских работников. Тенденция формирования судебной практики привлечения к ответственности по рассматриваемой статье медицинских работников стремительно возрастает. В статье нами будут освещены аргументы, свидетельствующие о том, что положения статьи 238 Уголовного кодекса РФ превратились для медицинских работников и руководителей медицинских организаций в дамоклов меч.

Посягательство, предусмотренное ч. 1 ст. 238 УК РФ, является преступлением небольшой тяжести, предусмотренное ч. 2 и 3 – тяжким. Традиционно неправомерные деяния врачей квалифицируются по ч. 2 ст. 109 как причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей либо по ч. 2 ст. 118 как причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Оба указанных деяния являются преступлениями небольшой или средней тяжести. Эти обстоятельства говорят и о разнице в сроках давности привлечения лица к уголовной ответственности и сроках погашения судимости.

Давая уголовно-правовую оценку преступным деяниям, закрепленным в статье 238 УК РФ, отметим, что непосредственным объектом охраны выступают общественные отношения в сфере обеспечения здоровья граждан и осуществления оборота товаров и продукции, выполнения работ и оказания услуг. В ситуации, когда в роли субъекта рассматриваемого преступления выступает медицинский работник, речь можно вести о том, что в содержание объективной стороны входит выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей. Состав рассматриваемого преступления сконструирован как формальный, и последствия не являются обязательным признаком объективной стороны состава преступления. Они могут иметь место, однако учитываются лишь при индивидуализации наказания.

Следует акцентировать внимание на субъективной стороне рассматриваемого преступного деяния, которая характеризуется прямым умыслом [9]. То есть лицо, совершающее преступление, знало о том, что его действия приводят к общественно опасным последствиям, предвидело возможность или неизбежность их наступления и желало этого.

Набирает популярность замена гражданских исков по отношению к медицинским организациям на применение статьи 238 УК РФ в отношении медицинских работников. Как показывает практика, руководство медицинского учреждения сознательно перекладывает уголовную ответственность на врача, руководствуясь нежеланием компенсировать требования в рамках гражданского судопроизводства. Это обосновывается и личным характером ответственности лица в рамках действующего уголовного законодательства. На наш взгляд, целесообразно против врачей возбуждать дела по ст. 109 и 118 УК РФ. Это обосновывается тем, что врачебная ошибка, результатом которой становятся негативные последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью либо смерти, как правило, квалифицируется как преступление с неосторожной формой вины. Несомненно, врач, оказывая медицинскую помощь пациенту, не хочет наступления негативных последствий, не хочет убить или причинить тяжкий вред здоровью. Поэтому если врач совершает какие-то ошибки, он совершает их не с прямым умыслом, он совершает их по неосторожности.

Что касается ст. 238, то по ней, как правило (и эта позиция схожа с мнением ряда авторов [1]), к ответственности следует привлекать руководителей предприятий — как должностных лиц. Следовательно, если уж и применять эту статью к медицинским работникам, то необходимо делать это в отношении администрации медицинской организации, к руководству медицинской организации, потому что услуги, «не отвечающие требованиям безопасности», оказывает не доктор — услуги оказывает организация, что вытекает из действующего законодательства.

В дискуссии относительно того, кто является субъектом в составе анализируемой статьи, ряд авторов указывает на то, что субъектом преступления статьи 238 УК РФ является соб-

ственник коммерческой организации, либо руководитель организации, оказывающей определенные услуги [2–4]. Исходя из положений Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 18.07.2019) исполнителем признается организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, выполняющие работы или оказывающие услуги потребителям по возмездному договору.

Андрей Ковалев, директор Российского центра судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения России, на одной из научно-практических конференций по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками, назвал 238-ю статью «немой», подразумевая, что врач не является субъектом этой статьи [5].

Из вышесказанного можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что не может быть привлечен к уголовной ответственности по статье 238 УК РФ медицинский работник, который состоит в трудовых отношениях с медицинской организацией и не выступает в деловом обороте от своего имени, так как не имеет лицензии на осуществление медицинской деятельности и не заключает договор возмездного оказания услуг с пациентом. Однако это не исключает возможности привлечения медицинского работника по иным статьям в случаях, если в его действиях усматривается неосторожная форма вины по отношению к совершенному преступному деянию.

В настоящее время участились случаи практики необоснованного применения положений статьи 238 УК РФ в отношении медицинских работников, и нередко эти факты носят весьма резонансный характер. Для органов следствия применение рассматриваемой нормы также носит весьма приемлемый характер ввиду широкого спектра возможностей правоприменения и сроков давности привлечения виновных к уголовной ответственности.

Опираясь на мнения экспертов, возможно сделать вывод о том, что наметившаяся тенденция носит весьма опасный и негативный характер и может оказать весьма пагубное воздействие на систему здравоохранения и качество оказания медицинской помощи. Врачи будут вынуждены проводить лечение весьма консервативными методами, не прибегая к

обоснованному риску при спасении жизней пациентов. Адвокатскому сообществу придется прикладывать значительные старания в процессе обоснования необходимости переквалификации деяний медицинского работника со статьи 238 УК РФ на статью 109 УК РФ. При этом основная задача стороны защиты заключается в необходимости доказывания отсутствия как прямого, так и косвенного умысла. Адвокату следует доказать то, что у врача отсутствовало желание наступления негативных последствий, врач сознательно не допускал их наступления, а наоборот — хотел оказать помощь больному. В данной ситуации, даже если в действиях врача имелись недостатки диагностики или лечения, которые могли привести к неблагоприятным последствиям, то при отсутствии прямого или косвенного умысла действия врача подлежат квалификации по ст. 109 ч. 2, а не по 238 УК РФ. Следует также обратить внимание на тот факт, что не все нормативные акты Минздрава России или иных компетентных государственных органов содержат положения, которые обеспечивают безопасность медицинских услуг. Исходя из этого, не логично обвинять врача в нарушении требований безопасности при оказании медицинской услуги, если отсутствуют четко сформулированные требования к критериям ее безопасности. Обратим особое внимание на данный аспект рассматриваемой проблематики. По своей природе диспозиция ст. 238 УК РФ является бланкетной. Чтобы определиться с содержанием понятия «требования безопасности», нам следует детально проанализировать положения законодательных актов иных отраслей. Главенствующую роль в этом вопросе играет Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [10]. Исходя из положений данного федерального закона и принятых во исполнение его положений постановлению Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2012 г. № 1152 «Об утверждении Положения о государственном контроле качества и безопасности медицинской деятельности» [6] и Приказу Министерства здравоохранения РФ от 21 декабря 2012 г. № 1340н «Об утверждении порядка организации и проведения ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности» [8], безопасность медицинской деятельности включает в

себя безопасность условий труда и безопасное применение и эксплуатацию медицинских изделий и их утилизацию (уничтожение). Применительно к ст. 238 УК РФ из перечисленных требований безопасности можно говорить лишь о безопасном применении и эксплуатации медицинских изделий и их утилизации (уничтожении). Нарушение требований безопасности труда при наличии иных признаков состава преступления квалифицируется по ст. 143 УК РФ, поскольку будет иной объект преступления (безопасность труда).

Применяя правила буквального толкования положений закона, следует сделать вывод о том, что круг обязанностей врача, оказывающего медицинскую помощь, нарушение которых при наличии иных признаков состава преступления подлежит квалификации по ст. 238 УК РФ, ограничен только безопасным использованием медицинских изделий. При невыполнении иных профессиональных обязанностей содеянное надлежит квалифицировать по статьям, предусматривающим ответственность за совершение преступлений против жизни и здоровья.

Учитывая вышесказанное, следует считать обоснованным вынесение оправдательного приговора по факту предъявления обвинения по ст. 238 УК РФ, в том числе и по причине отсутствия указания в обвинительном заключении на нарушение конкретных требований безопасности при оказании медицинской помощи, которые были нарушены врачом.

Следователи и суд зачастую подвергают расширительному толкованию требования безопасности при оказании медицинской помощи, беря за основу не бланкетность признака, а общие соображения о безопасности. Из этого вытекает тот факт, что каждое отклонение от правил оказания медицинской помощи в силу специфики медицинской деятельности выступает нарушением требований безопасности оказания медицинской помощи, создающим опасность для здоровья и жизни пациента. Справедливо следует заметить, что медицинское вмешательство нередко само по себе создает опасность для здоровья человека. Рассмотренный подход к толкованию норм права, несомненно, выходит за буквальный смысл законодательства, что влечет за собой нарушение принципа законности, являющегося основополагающим.

Делая вывод из проведенного анализа положений действующего уголовного и иного отраслевого законодательства, можно констатировать то, что за ненадлежащее оказание медицинской помощи следует привлекать к ответственности лицо, которое приняло управленческое решение об оказании медицинской помощи в нарушение требований безопасности. К их числу можно отнести должностных лиц (главврачи, начмеды, заведующие отделением и иные), лиц, которые выполняют управленческие функции, не относящиеся к должностным, а также врачей или иных медицинских работников, фактически принимающих решения об оказании услуги, не соответствующей требованиям безопасности. Лица, которые не принимали указанного решения и не были причастны к его принятию в качестве организатора, подстрекателя или пособника, а выполняли лишь свою трудовую функцию, не могут быть привлечены к ответственности по ст. 238 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иван Печерей [Электронный ресурс] // URL: http://pravo-med.ru/community/blogs/pecherei/_1451.php
2. Колосовский В.В., Савченко А.Н. Установление потерпевшего и субъекта преступления, предусмотренного статьей 238 УК РФ // Уголовный процесс. 2008. № 3. С. 11–13.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М.: Контракт, 2013. 152 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры / отв. ред. В.В. Малиновский; науч. ред. А.И. Чучаев. М.: Контракт, 2011. С. 706.
5. «Опасная статья» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Стоматологической ассоциации России. URL: http://www.e-stomatology.ru/publication/dangerous_article.php
6. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о государственном контроле качества и безопасности медицинской деятельности» от 12 ноября 2012 г. № 1152 (ред. от 09.11.2019) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137663
7. Приговор № 1-481/15 Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/nOjqc8nUKf5W>
8. Приказ Министерства здравоохранения РФ «Об утверждении порядка организации и проведения ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности» от 21 декабря 2012 г. № 1340н

[Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147361

9. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Прохоровой. М.: КОНТАКТ, 2015. С. 549.

10. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.4

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-11

Ярошевская Анна Михайловна
кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского и трудового права
юридического факультета,
Таврическая академия
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
295007, Республика Крым, г. Симферополь,
пр-т Академика Вернадского, д. 4,
e-mail: anna_yaroshevskaya@mail.ru

Yaroshevskaya, Anna M.
PhD in Law, Associate Professor
of Civil and labor law sub-faculty of the Law
Faculty of the Tavric academy of the
V. I. Vernadskiy, Crimean Federal University,
4 Akademika Vernadskogo Lane,
Simferopol, 295007, Crimea,
Russian Federation,
e-mail: anna_yaroshevskaya@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА УЧАСТИЯ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF AN AGREEMENT ON PARTICIPATION IN SHARED CONSTRUCTION OF APARTMENT BUILDINGS

АННОТАЦИЯ. В статье подчеркивается, что в Гражданском кодексе Российской Федерации договор участия в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости не закреплён в качестве самостоятельного вида договора, констатируется неоднозначность подхода, различные и противоречивые точки зрения на правовую природу договора участия в долевом строительстве многоквартирных домов. Исследуется правовая позиция, занимаемая законодателем в данном вопросе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: договор; долевое строительство; многоквартирный дом; застройщик; эскроу-счет.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ярошевская А.М. Проблемы правового регулирования договора участия в долевом строительстве многоквартирных домов // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 3. С. 74–78. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-11

ABSTRACT. The article emphasizes that in the Civil Code of the Russian Federation, an agreement on participation in shared construction of multi-apartment buildings and other real estate is not fixed as an independent type of agreement, the ambiguity of the approach, various and conflicting points of view on the legal nature of the agreement on participation in shared construction of multi-apartment buildings are noted. The legal position taken by the legislator in this matter is examined.

KEYWORDS: contract; shared construction; apartment building; developer; escrow account.

FOR CITATION:

Yaroshevskaya, A.M. Problems of legal regulation of an agreement on participation in shared construction of apartment buildings. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 74–78 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-11

В данной работе мы постараемся исследовать отношения, связанные с участием в долевом строительстве многоквартирных домов, осветить некоторые теоретические и практические проблемы в рассматриваемой сфере отношений.

В последнее время в Российской Федерации рынок недвижимости продолжает активно развиваться, а жилье от застройщика пользуется у населения особым спросом. Статьей 40 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) закреплено право каждого на жилище. При этом органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище [2].

Не является секретом тот факт, что самой распространенной формой привлечения средств в строительство многоквартирных домов является долевое строительство, предполагающее выстраивание правоотношений между участниками долевого строительства, вкладывающими свои денежные средства в строительство и застройщиками по вопросу организации, финансирования и обеспечения строительства многоквартирных домов, а также обеспечения ввода их в эксплуатацию. Процесс заключения договоров об участии граждан в долевом строительстве заслуживает отдельного рассмотрения.

Стоит отметить, что в законодательстве Российской Федерации в течение длительного периода содержание данных правоотношений раскрыто не было. 30 декабря 2004 года был принят Федеральный закон № 214-ФЗ (ред. от 27.06.2019) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 214-ФЗ). С помощью принятия данного закона удалось закрепить ранее выработанную на практике гражданско-правовую конструкцию долевого участия в строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимого имущества, а также решить многочисленные

проблемы, накопившихся за то время, когда отношения между участниками долевого строительства и застройщиком не были урегулированы на законодательном уровне.

Несмотря на это, возникшая в 2017 году в Российской Федерации проблема «обманутых дольщиков» подтолкнула руководство Российской Федерации принять решение о внесении масштабных поправок в Федеральный закон № 214-ФЗ, направленных на поэтапное замещение в течение трех лет средств граждан, привлекаемых для создания многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, банковским кредитованием и иными формами финансирования, которые минимизировали бы риск для граждан.

Новая схема предполагает, что застройщик может использовать для строительства многоквартирного дома собственные денежные средства либо привлекать денежные средства банка-инвестора (эскроу-агента). А средства участников долевого строительства будут заблокированы на время строительства дома на специальном эскроу-счете и будут переведены застройщику только после ввода дома в эксплуатацию и передачи квартир гражданам — участникам долевого строительства.

На данный момент договор участия в долевом строительстве является самым востребованным способом реализации конституционного права гражданина на жилище. Появление и дальнейшее развитие этого вида договора в законодательстве имеют важное значение для решения жилищной проблемы в Российской Федерации.

Предмет договора участия в долевом строительстве прописан в Федеральном законе № 214-ФЗ. Согласно пункту 1 статьи 4 Федерального закона № 214-ФЗ, по договору участия в долевом строительстве (далее также — договор) одна сторона (застройщик) обязуется в предусмотренный договором срок своими силами и (или) с привлечением других лиц построить (создать) многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию этих объектов передать соответствующий объект долевого строительства участнику долевого строительства, а другая сторона (участник долевого строительства) обязуется уплатить обусловленную договором цену и

принять объект долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости [5].

Одной из проблем является то, что в Федеральном законе № 214-ФЗ не прописаны многие моменты, связанные с обязательствами, которые вытекают из договора участия в долевом строительстве многоквартирных домов. Как отмечает С.Г. Горбачев, заключаемые на практике договоры часто содержат значительные недостатки, которые вызваны различным пониманием правовой природы сделки, желанием применить к нему нормы, регулирующие смежные договоры [1, с. 16].

Что касается природы такого договора, то позиции ученых по этому вопросу довольно разнообразны и противоречивы, а споры о ней продолжаются и в настоящее время. Так, некоторые ученые квалифицируют данный договор как договор строительного или бытового подряда, обязательство подрядного типа или основание возникновения подрядного обязательства и тем самым отождествляют этот договор с договором подряда, а некоторые, напротив, настаивают на невозможности отнести такой договор участия к договору строительного подряда. Одни авторы относят договоры участия в долевом строительстве к договору присоединения или договору привлечения финансовых средств, другие относят их к договорам на выполнение работ или оказания услуг, третьи — к договору купли-продажи недвижимого имущества в будущем. Кроме этого, имеется точка зрения, что договор участия в долевом строительстве является видом инвестиционного договора. Такой позиции придерживаются такие ученые, как Е.В. Кирсанова, С. Корнеева, Д.Е. Потяркин, П.В. Сокол.

Так, согласно статье 1 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» инвестиционная деятельность — вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта [4].

В литературе встречается мнение, которого придерживается один из ведущих цивилистов страны К.И. Скловский, о том, что договор

участия в долевом строительстве носит комплексный характер, так как объединяет черты разных договоров.

Вместе с этим следует отметить, что договор участия в долевом строительстве, помимо предмета, имеет ряд существенных условий, которые отличают его от других видов договоров. К ним, в первую очередь, относятся объект долевого строительства, срок его передачи участнику долевого строительства, цена договора, срок и порядок ее уплаты, а также гарантийный срок.

Характеризуя договор участия в долевом строительстве, нужно отметить, что он является двухсторонним, консенсуальным, возмездным, синаллагматическим, заключаемым путем присоединения. При этом такая характеристика актуальна как для договора участия долевого строительства, заключаемого по старой схеме, так и для договоров с применением проектного финансирования с использованием эскроу-счетов.

В продолжение тезисов мы перейдем к рассмотрению правовой природы нового для сферы долевого строительства вида договора — договора счета эскроу. Необходимо отметить, что данный институт имеет большую популярность за рубежом. Однако, несмотря на это, в Российской Федерации договор счета эскроу появился в законодательстве лишь в 2014 году (ст. 860.7 Гражданского кодекса РФ), а широко применяться он стал только после внесения масштабных поправок в законодательство о долевом строительстве.

В переводе с английского эскроу (escrow) — это обязательство, в соответствии с которым должник (депонент) передает денежные средства третьему лицу (эскроу-агенту), который обеспечивает исполнение обязательств должника перед кредитором.

Пункт 1 статьи 860.7 Гражданского кодекса РФ гласит, что «По договору счета эскроу банк (эскроу-агент) открывает специальный счет эскроу для учета и блокирования денежных средств, полученных им от владельца счета (депонента) в целях их передачи другому лицу (бенефициару) при возникновении оснований, предусмотренных договором счета эскроу. Права на денежные средства, находящиеся на счете эскроу, принадлежат депоненту до даты возникновения оснований для пере-

дачи денежных средств бенефициару, а после указанной даты — бенефициару. Распоряжение денежными средствами, находящимися на счете эскроу, осуществляется в порядке, предусмотренном настоящим параграфом» [3].

Следует отметить, что законодатель постоянно совершенствует законодательство в сфере долевого участия в строительстве, защищая таким образом граждан-потребителей, что повышает уровень доверия населения к возможности приобретения жилья посредством договора участия в долевом строительстве. Но при этом остаются и неурегулированные моменты, которые нужно решать путем поэтапного осмысленного совершенствования законодательства.

Несмотря на то, что новая схема привлечения средств граждан представляется достаточно надежной, однако нельзя не учитывать и негативные моменты, связанные с переходом на проектное финансирование, а именно: увеличение себестоимости строительства и повышение цен на фоне снижающейся покупательной способности населения; уход с рынка ряда застройщиков, более того — возможное банкротство ряда мелких и средних застройщиков; сложность выхода на рынок новых компаний, а следовательно, снижение конкуренции и монополизация рынка; сложности и ограничения застройщиков в выборе подрядных организаций, связанные с жесткими требованиями уполномоченных банков; увеличение сроков подготовки и рассмотрения документов; возможное в перспективе сокращение объемов и темпов строительства.

Кроме этого, на сегодняшний день одной из проблем, выявленных при переходе на проектное финансирование, стала невозможность обеспечения жильем военнослужащих Российской Федерации путем предоставления им военной ипотеки. На сегодня Росвоенипотека лишена права направлять деньги НИС (накопительной системы средств военнослужащих по военной ипотеке) на счета эскроу, так как это не предусмотрено законодательством.

Правительство разработало проект постановления, позволяющий военнослужащим приобретать в ипотеку квартиры в домах на этапе строительства. Изменения вносятся для того, чтобы не ущемлять военнослужащих в их законных правах. На данный момент

проблема заключается в том, что эти изменения должны были вступить в силу к 1 июля 2019 года, вместе с обязанностью застройщиков реализовать проекты по новой схеме. Однако согласование данного проекта затягивается, и пока нет ясности, как долго военнотружущим придется ограничивать себя в выборе будущей квартиры.

Еще одним важным упущением можно назвать отсутствие в законе оснований для перечисления уполномоченным банком застройщику денежных средств при строительстве в несколько этапов, каждый из которых представляет собой автономный объект капитального строительства либо автономную часть такого объекта.

Изложенное свидетельствует, что правильным и обоснованным можно было бы считать концепцию о том, что договор участия в долевом строительстве является новым самостоятельным видом гражданско-правового договора.

Как видим, в настоящее время различные и противоречивые точки зрения на правовую природу договора участия в долевом строительстве свидетельствуют о назревшей необходимости в дальнейшем совершенствовании законодательной базы, а также закреплении договора участия в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости в Гражданском кодексе Российской Федерации в качестве самостоятельного вида договора, определение которого содержало бы необходимые признаки, позволяющие разграничить рассматриваемый договор со смежными гражданско-правовыми конструкциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачев С.Г. Правовая природа ДДУ объектов недвижимости и его место среди иных видов договоров // Адвокат. 2012. № 4. С. 12–18.
2. Информационно-правовой портал legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: база данных содержит обновляемые нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации и судебных актов, принятых судами Российской Федерации различного уровня, на основании действующего законодательства РФ // URL: <https://legalacts.ru/doc/Konstitucija-RF/razdel-i/glava-2/statja-40>

3. Информационно-правовой портал legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: база данных содержит обновляемые нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации и судебных актов, принятых судами Российской Федерации различного уровня, на основании действующего законодательства РФ // URL: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-2/razdel-iv/glava-45/ss-3/statja-860.7>

4. Информационно-правовой портал legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: база данных содержит обновляемые нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации и судебных актов,

принятых судами и Российской Федерации различного уровня, на основании действующего законодательства РФ // URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25021999-n-39-fz-ob>

5. Информационно-правовой портал legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: база данных содержит обновляемые нормативно-правовые акты законодательства Российской Федерации и судебных актов, принятых судами и Российской Федерации различного уровня, на основании действующего законодательства РФ // URL: https://legalacts.ru/doc/214_FZ-ob-uchastii-v-dolevom-stroitelstve-mnogokvartirnyh-domov-i-inyh-obektov-nedvizhimosti

УДК 340

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-12

Зиновьева Ольга Петровна,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданского процессуального и
трудового права, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
e-mail: Zinovieva-dialog@mail.ru

Zinovieva, Olga P.,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil Procedural and Labor Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007, Russian Federation,
e-mail: Zinovieva-dialog@mail.ru

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОРЯДКА ПЕРЕРАСЧЕТА РАНЕЕ ИСЧИСЛЕННЫХ СУММ ЗЕМЕЛЬНОГО НАЛОГА И НАЛОГА НА ИМУЩЕСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

ON CHANGING THE PROCEDURE OF RECALCULATION OF PREVIOUSLY CALCULATED AMOUNTS OF LAND TAX AND TAX ON THE PROPERTY OF PHYSICAL PERSONS

АННОТАЦИЯ. Статья затрагивает изменения налогового законодательства, касающиеся порядка расчета земельного налога и налога на имущество физических лиц. Автором затрагиваются проблемные аспекты возврата излишне уплаченного земельного налога и арендной платы после завершения процедуры снижения кадастровой стоимости. Автором проводится сравнительный анализ правового положения собственника и арендатора земельного участка на стадии реализации их права на возврат излишне уплаченных денежных средств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственная кадастровая оценка; оспаривание кадастровой стоимости; арендная плата; земельный налог; возврат налога.

ABSTRACT. The article deals with changes in tax legislation concerning the procedure of calculating land tax and tax on the property of physical persons. Author touches upon the problematic aspects of refund of an overpaid amount of land tax and rent fee after completion of procedure of cadastral value reducing. The article makes a comparative analysis of legal situation of the owner and tenant of a land plot at the stage of enforcement of their right to refund of overpaid amounts.

KEYWORDS: state cadastral assessment; cadastral cost contestation; rent fee; land tax; tax refund.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Зиновьева О.П. Об изменении порядка перерасчета ранее исчисленных сумм земельного налога и налога на имущество физических лиц // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 79–82. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-12

FOR CITATION:

Zinovieva, O.P. On changing the procedure of recalculation of previously calculated amounts of land tax and tax on the property of physical persons. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 79–82 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-12

Законодательство в сфере определения кадастровой стоимости объектов недвижимости в последние годы претерпело революционные изменения. Они, несомненно, учли многолетний опыт оспаривания результатов государственной кадастровой оценки, должны были повлиять на эффективность указанной процедуры и снизить количество споров, возникающих между государством и заинтересованными лицами. Однако указанный механизм до сих пор далек от совершенства, а процесс законодательных изменений продолжается.

Если ранее законодатель был сосредоточен на реформировании процедуры пересмотра результатов кадастровой стоимости (были предприняты попытки ее упрощения и удешевления), то в настоящее время законодатель обратил внимание на период применения результатов пересмотра кадастровой стоимости и существенно расширил временной интервал, за который они могут применяться.

Дело в том, что задержка оспаривания результатов кадастровой оценки является в настоящее время серьезной проблемой для собственников объектов недвижимости, которые несут значительные имущественные потери, вовремя не получив информацию об установленной кадастровой стоимости недвижимости. Особенно большой размах она приобрела, когда вступил в силу механизм исчисления налога на имущество физических лиц от кадастровой, а не инвентарной стоимости.

Именно поэтому категория справедливости кадастровой стоимости была затронута Президентом РФ в послании Федеральному Собранию, где отмечалось, что переход к исчислению налога на имущество физических лиц с использованием кадастровой стоимости не должен причинять ущерба и должен быть посильным для налогоплательщиков.

Президент РФ обратил внимание на то, что кадастровая стоимость не может превышать реальную рыночную стоимость имущества, как это часто происходит, и поручил решить указанный вопрос незамедлительно. Федеральным законом от 03.08.2018 № 334-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [14] были пересмотрены правила расчета налога на основании измененной в судебном или административном порядке кадастровой стоимости.

Теперь в случае изменения кадастровой стоимости недвижимого имущества на основании установления его рыночной стоимости по решению комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости или решению суда сведения о кадастровой стоимости, установленной решением указанной комиссии или решением суда, внесенные в Единый государственный реестр недвижимости, учитываются при определении налоговой базы начиная с даты начала применения для целей налогообложения кадастровой стоимости, являющейся предметом оспаривания.

Однако при этом следует учитывать положения пункта 2.1 статьи 52 Налогового кодекса (в редакции Закона № 334-ФЗ), согласно которому перерасчет сумм ранее исчисленного земельного налога и налога на имущество физических лиц для налогоплательщиков — физических лиц будет осуществляться не более чем за три налоговых периода, предшествующих календарному году направления налогового уведомления в связи с перерасчетом, а также положения пункта 7 статьи 78 Налогового кодекса, устанавливающего трехлетний срок для подачи заявления о зачете (возврате) излишне уплаченного налога.

Таким образом, новые изменения, вступившие в силу с 1 января 2019 года, сделали возможным перерасчет уплаченного земельного налога и налога на имущество физических лиц за предшествующий трехлетний период. Однако они применяются при условии изменения кадастровой стоимости после указанной даты.

Федеральным законом № 334-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» было предусмотрено, что при перерасчете ранее уплаченных налогов их сумма подлежит зачету в счет предстоящих платежей налогоплательщика по этому или иным налогам, погашения недоимки по иным налогам, задолженности по штрафным санкциям за налоговые правонарушения либо возврату налогоплательщику.

Как разъяснило Министерство финансов России в Письме от 27.11.2019 № 03-05-04-01/92306 [4], Налоговым кодексом РФ не предусмотрены ограничения по применению указанных выше норм в зависимости от того, кем оспаривалась кадастровая стоимость объекта

недвижимого имущества: новым собственником или предыдущим собственником этого объекта недвижимого имущества. Это положение совершенно справедливо расширяет круг заинтересованных в пересмотре кадастровой стоимости лиц, поскольку подать заявление о таком пересмотре может любое лицо, доказавшее свой интерес (например, правопреемник или бывший собственник, вынужденный платить налог за прошлый период).

Несмотря на то, что указанные выше изменения несут исключительно положительный эффект для собственников объектов недвижимости, они не коснулись лиц, уплачивающих арендную плату за земельный участок, рассчитанную пропорционально его кадастровой стоимости. Изменения не затронули порядок пересмотра уплаченной арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности (в этом случае сохраняет силу общее правило о применении сведений о новой кадастровой стоимости с 1 января года, в котором была инициирована процедура пересмотра).

Разные подходы к порядку применения сниженной кадастровой стоимости для целей налогообложения и расчета аренды привели к значительному ухудшению имущественно-правового положения арендаторов по сравнению с вещно-правовыми владельцами земельных участков (налогоплательщиками).

Такой подход законодателя выглядит еще более непоследовательным на фоне сложившейся за последние годы отрицательной судебной практики, демонстрирующей, что механизм изменения кадастровой стоимости в отношении арендаторов часто оказывается неэффективным.

Изменив кадастровую стоимость, арендатор, по смыслу правового регулирования, получает право на уменьшение арендных платежей с начала года, в котором было подано такое заявление. Это право должно реализовываться по заявлению о возврате излишне уплаченной арендной платы. Однако указанный порядок, в отличие от возврата налоговых платежей, законодательством не урегулирован и полностью остается на усмотрение сторон арендных правоотношений.

Если налогоплательщик имеет право вернуть переплаченные в бюджет средства че-

рез процедуру возврата (зачета) налога за три предшествующих налоговых периода и эта процедура (порядок обращения с заявлением, сроки его рассмотрения) детально регламентирована налоговым законодательством, то механизм реализации прав арендатора на возврат излишне уплаченных платежей непонятен.

Как показывает практика, арендатору очень сложно воспользоваться правовым эффектом снижения кадастровой стоимости в судебном или административном порядке, в ситуации, когда до ее уменьшения арендные платежи были взысканы по решению суда. В этом случае требование арендатора о возврате уплаченных арендных платежей, как правило, отклоняется. Это объясняется тем, что ни одно публично-правовое образование не рискнет взять на себя ответственность и возратить из бюджета арендные платежи, полученные в судебном порядке.

Механизм, гарантирующий арендатору земельного участка восстановление его имущественного положения в связи с неверным определением действительной стоимости этого участка, не сформулирован в действующем законодательстве с достаточной степенью определенности. Государство, закрепляя возможность снижения финансовой нагрузки арендатора, окончательно не урегулировало это процедуру, не вписало ее в систему действующего правового регулирования. Сложившаяся судебная практика оказалась не способной восполнить этот пробел, даже наоборот, как демонстрирует ее анализ, суды встают на сторону арендодателя.

Имеется судебная практика, когда арендаторы, снизившие кадастровую стоимость земельного участка в судебном порядке, лишаются права на пересмотр указанных решений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам [1, 9, 10, 12, 13]. Иногда суды отказывают в удовлетворении исков арендаторов о взыскании неосновательного обогащения в размере переплаченной арендной платы, поскольку, по их мнению, арендатору надлежало обратиться за пересмотром решения по вновь открывшимся или новым обстоятельствам [5, 8]. Арендаторы обращаются за таким пересмотром, и, как отмечалось выше, получают отказ. Суды отказывают в возврате арендной платы, указав на то, что арендаторы, снизившие кадастровую стоимость, имели бы право на пересмотр реше-

ния о взыскании арендной платы по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, если бы не истек срок для такого пересмотра [6].

При этом очень немногочисленна судебная практика, в соответствии с которой арендаторы, снизившие кадастровую стоимость, в судебном порядке в итоге получают право на пересмотр решения о взыскании арендных платежей [7, 11]. Удовлетворяя такие иски, суды соглашались с тем, что для истца это последняя мера и у него отсутствует иной правовой способ восстановления права на применение результатов пересмотра кадастровой стоимости [2].

Таким образом, в настоящий момент сложился противоречивый подход к разрешению подобных споров, при котором арендатору при наличии решения о взыскании с него арендных платежей, как правило, отказывают в реализации гарантий, установленных Федеральным законом № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

Верховный суд РФ оставляет в силе судебные акты нижестоящих судов по делам о взыскании в качестве неосновательного обогащения излишне уплаченных арендных платежей [3], однако что делать, когда при рассмотрении такого иска уже имеется судебное решение о взыскании арендных платежей, исчисленных исходя из измененной впоследствии кадастровой стоимости, нигде не разъясняется. Отсутствие понятной процедуры возврата уплаченных арендных платежей ведет к неэффективности этого механизма для арендатора, который помимо судебных издержек вынужден нести дополнительные затраты, направленные на взыскание неосновательного обогащения в судебном порядке. Если аренда взыскана по решению суда, права арендатора приобретают признак формальных, что не оправдано на фоне гарантий прав собственника и иного вещно-правового владельца земельного участка.

Образовавшаяся в связи с рассматриваемым изменением законодательства разница в подходах к перерасчету налоговых и арендных платежей не обусловлена правовой сущностью обеих форм платы за землю. Во многом эта разница непонятна еще и в связи с идентичностью получателя арендных и налоговых платежей, что делает такую разницу еще более несправедливой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 16.08.2018 по делу № 33-11354/2018.
2. Апелляционное определение Самарского областного суда от 29.07.2019 по делу № 33-8209/2019.
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.10.2018 № 303-ЭС18-17011.
4. Письмо ФНС России от 29.11.2019 № БС-4-21/24379@ «О применении для целей налогообложения объекта недвижимого имущества оспоренной кадастровой стоимости в случае перехода права на этот объект» // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.05.2019 № Ф02-1823/2019 по делу № А19-19226/2018.
6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 04.10.2016 № Ф06-13720/2016 по делу № А12-9508/2015.
7. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.11.2016 № Ф06-13420/2016 по делу № А12-38999/2015.
8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 31.01.2018 № Ф06-28618/2017 по делу № А12-73153/2016.
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.11.2017 № Ф07-9732/2017 по делу № А05-10237/2014.
10. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10.04.2017 № Ф07-1943/2017 по делу № А21-8491/2015.
11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.08.2017 № Ф09-12485/16 по делу № А60-20007/2016.
12. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2015 № 15АП-19882/2015 по делу № А53-5345/2015.
13. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 23.10.2013 по делу № А53-23442/2012.
14. Федеральный закон от 03.08.2018 № 334-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 02.03.2018. № 46.

УДК 347.6

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-13

Сагалаева Евгения Сергеевна
доктор философских наук, кандидат
юридических наук, доцент, профессор
кафедры гражданского права и процесса
Юридического института Северо-
Кавказского федерального университета,
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1

Sagalayeva, Evgenia S.
Doctor of Philosophy, PhD in Law,
Associate professor, Professor
Departments of Civil Law and Process,
Legal institute, North-Caucasus Federal University,
1 Puskhin St., Stavropol, 355017,
Russian Federation

ПРАВА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, НА ПОЛУЧЕНИЕ ЖИЛЬЯ*

THE RIGHTS OF ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE TO RECEIVE HOUSING

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу проблемы обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа, нуждающихся в жилых помещениях в Ставропольском крае. В рамках проведенного анализа отражаются: статистические показатели обеспечения жильем данных категорий граждан в течение последних четырех лет; описываются причины роста количества детей, не реализовавших право на получение жилья; делаются выводы и предлагаются пути разрешения заявленной проблематики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дети; сироты; несовершеннолетние, оставшиеся без попечения родителей; жилье.

ABSTRACT. This article is devoted to the analysis of the problem of providing housing for orphans and children deprived of parental care, as well as persons among them in need of accommodation in the Stavropol region. The analysis shows: statistical indicators of housing of these categories of citizens for the last four years; The reasons for the increase in the number of children who did not enjoy the right to housing are described; conclusions are drawn and ways of resolving the problem are suggested.

KEYWORDS: children; orphans; minors left without parental care; housing.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Сагалаева Е.С. Права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на получение жилья // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 83–86. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-13

FOR CITATION:

Sagalayeva, E.S. The rights of orphans and children left without parental care to receive housing. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 83–86 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-13

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00567.

В 2019 году до 800 млн рублей вырос объем средств на покупку жилья для детей-сирот [3], что, как указывает источник, гораздо выше 2018 года. Тем не менее проблема обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа, нуждающихся в жилых помещениях в Ставропольском крае, стабильно растет и остается одной из самых остро обсуждаемых тем. По данным Счетной палаты РФ, сегодня более 270 тысяч сирот ждут квартиры.

Ежегодно из бюджетов всех уровней на обеспечение жильем детей-сирот тратится около 33 млрд рублей. Однако в 2017 году 83 % сирот квартиры не получили, длительность ожидания составляет 5 лет, а в отдельных регионах — 10 и более лет.

Это обусловлено целым рядом причин. Главное — отсутствие скоординированной политики и недостаточное использование имеющихся ресурсов и возможностей: единый учет закрепленного за сиротой жилья не ведется, его сохранность не обеспечивается, в регионе нет сведений о представленном жилье, не проводится анализ имеющегося в регионе жилого фонда, который можно использовать для решения жилищных проблем детей-сирот [6].

В 2016 году в целях реализации ст. 7 Закона Ставропольского края от 16 марта 2006 г. № 7-кз «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, предоставлено по договорам специализированного найма 348 жилых помещений; в 2017 году — 385 жилых помещений; в 2018 году — 217 жилых помещений [2]. При сокращении числа предоставляемых жилых помещений вызывает глубокое сожаление нижеприведенная статистика нуждающихся детей. 2016 год: общее число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа, подлежащих обеспечению жилыми помещениями, — 4335; число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, имеющих право на обеспечение жилым помещением в текущем году, — 1236; 2017 год: общее число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа, подлежащих обеспечению жилыми помещениями, — 4641; число де-

тей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, имеющих право на обеспечение жилым помещением в текущем году, — 1713; 2018 год: общее число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа, подлежащих обеспечению жилыми помещениями, — 4762; число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, имеющих право на обеспечение жилым помещением в текущем году, — 2545.

Уполномоченный по правам ребенка в Ставропольском крае в рамках ежегодного отчета за 2018 год отметила, что одной из главных причин сложившейся ситуации стабильного роста нуждаемости в жилье среди детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является увеличение числа выпускников учреждений профессионального образования, возвратившихся по месту первичного выявления и достигших совершеннолетия, с другой стороны, недостаточное предоставление жилых помещений [1]. Принимаемые меры на уровне края не позволили в полном объеме реализовать право на жилье всем нуждающимся лицам данной категории, что в свою очередь также подтверждается и количеством обращений лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которое остается все на таком же высоком уровне.

Классическая процедура невозможности реализации права на получение жилья была продемонстрирована в одном из дел опубликованных СМИ [4]. Двадцатидвухлетний Даниил до двенадцати лет со своей младшей сестрой Таней жили в обычной семье, где были мама и папа. В 2010 году мама умерла, папа запил. В начале сентября 2014 года возникла проблема с готовностью детей к обучению в школе: у брата и сестры не было канцелярских принадлежностей, отсутствовала одежда. К концу 8 класса от Тани отвернулись одноклассники, девочка стала замкнутой. В апреле дети пришли к учителю с просьбой не отдавать их отцу, так как они его боятся, попросились в детский дом. В результате беседы педагога с Даниилом и Таней выяснилось, что дома в течение трех дней не отапливалось, поэтому они ходили неопрятными, из продуктов питания имелся только картофель и лук. Дети пояснили, что отец часто уходит в гости к А., покупает конфеты для ее детей, а они не видят ничего, кроме побоев.

В настоящий момент проживают с тетей, однако отец по-прежнему не интересуется детьми и никак не участвует в их жизни. Не приходит навестить, на звонки не отвечает, увидев на улице, проезжает мимо. Когда мальчику пришлось делать платную операцию, тот отказал в финансовой помощи. В 2015 году отец ребят был лишен родительских прав и брат с сестрой переданы на попечение тети.

В марте 2018 года Министерством образования и молодежной политики Ставропольского края Лозовые были включены в сводный список детей-сирот, подлежащих обеспечению жильем по договорам социального найма. Однако на муниципальной территории, где на тот момент проживали дети, жилье для сирот не строилось, в связи с чем мальчик обратился в министерство имущественных отношений СК с заявлением о предоставлении ему жилья на территории города Ставрополя.

Однако министерство в свою очередь предложило лишь стать в очередь размером в 3597 нуждающихся детей, которые также были внесены в сквозную очередь до него и находятся в режиме ожидания на протяжении нескольких лет.

В сентябре 2018 года Даниил обращается в Ленинский районный суд с иском к Министерству имущественных отношений СК об обязанности выделить ему положенные квадратные метры, как это гарантирует ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Суд полностью удовлетворил требования молодого человека.

В июле 2019 года теперь уже Министерство имущественных отношений СК обратилось в Ленинский районный суд с иском о предоставлении отсрочки исполнения решения Ленинского районного суда.

Основной аргументацией стало то, что Минимуществом в мае 2019 года было запланировано проведение аукциона на приобретение жилого помещения в границах села Красногвардейского, то есть именно там, где проживал мальчик, однако аукцион признан несостоявшимся.

Кроме того, в 2019 году на приобретение жилых помещений для обеспечения нужд лиц из числа детей-сирот Минимуществу края выделено из бюджета более 600 миллионов рублей, также заключены контракты на приобретение

644 жилых помещений в долевом строительстве. Проводятся аукционы на приобретение жилых помещений в различных муниципальных образованиях СК.

И при решении вопроса не исключается установление очередности обеспечения граждан данной категории благоустроенными помещениями, что не должно нарушать права и свободы других лиц. Таким образом, решение суда находится на стадии исполнения.

Вопрос до сих пор для этой семьи так и не был решен.

Эта ситуация демонстрирует, что по-прежнему период ожидания реализации жилищного права не совпадает со сроками наступления этого права. И хотя период ожидания незначительно сократился, все же граждане вынуждены после окончания учебы в профессиональных образовательных организациях, прохождения службы в армии, возвращения из мест лишения свободы проживать в съемном жилье.

Сам факт получения жилья не всегда также свидетельствует о гарантии реализации этого права, поскольку проблемой остается качество выделяемых жилых помещений. Как отмечает Уполномоченный по правам ребенка в Ставропольском крае [4], увеличение количества лиц, нуждающихся в предоставлении благоустроенного жилья, также происходит вследствие установления факта невозможности возвращения и (или) проживания в ранее занимаемом жилом помещении. Так, по данным Минобразования края, в 2018 году поступило 88 (в 2017 году — 75) заявлений от детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, а также законных представителей детей-сирот об установлении факта невозможности проживания в ранее занимаемых жилых помещениях. По результатам рассмотрения заявлений комиссией Минобразования края было принято 75 (в 2017 году — 69) положительных решений, большее количество которых связано с тем, что доля собственности по количеству квадратных метров, принадлежащих сироте, была менее учетной нормы, а также по причине того, что помещения, которые достались сиротам за период долгого их неиспользования, пришли в непригодное для проживания состояние.

Статистика фактов, установленных по причине непригодности ранее занимаемого жилого

го помещения для проживания, вскрывает бездействие законных представителей, органов опеки и попечительства в организации контроля над сохранностью жилых помещений, принадлежащих детям-сиротам. Вместе с тем в соответствии с ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» органы исполнительной власти субъектов РФ обязаны осуществлять контроль над использованием жилых помещений и (или) распоряжением жилыми помещениями, нанимателями или членами семей нанимателей по договорам социального найма либо собственниками которых являются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, обеспечением надлежащего санитарного и технического состояния этих жилых помещений. По сути, эти полномочия поручено исполнять органам местного самоуправления. Таким образом, функции органов местного самоуправления субъекта РФ по контролю над сохранностью жилых помещений состоят не только в проверке наличия объекта недвижимости, но и в проверке законности проживания в нем лиц, своевременности реагирования на факты незаконного проживания в нем, нецелевого использования жилья. Проведение текущего и капитального ремонта, а также региональное правовое регулирование по освобождению детей-сирот от оплаты коммунальных услуг в период государственной опеки также являются полномочиями органов местного самоуправления. В 2018 году под контролем у органов опеки и попечительства муниципальных районов и городских округов было 504 жилых помещения, собственниками которых являются дети-сироты, в 2017 году — 644 жилых помещения. Мониторинг состояния и целевого использования жилья из специализированного жилищного фонда, предоставленного лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по договорам найма специализированного жилого фонда показал рост размера задолженности по оплате за коммунальные услуги. Так, на 01.01.2018 общая сумма задолженности по оплате таких услуг составила более 7 млн рублей. Обобщая

проблемные вопросы в соблюдении жилищных прав детей-сирот и лиц из их числа, представляется крайне важным усилить контроль над использованием жилых помещений, выделяемых из фонда специализированного жилья, а также состоянием и использованием жилых помещений, собственниками которых являются дети-сироты, находящиеся под надзором в учреждениях или в замещающих семьях [5].

Требует решения на межведомственном уровне вопрос по освобождению от платы за жилое помещение и коммунальные услуги детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Минимуществу края необходимо продолжить работу по формированию специализированного жилищного фонда для обеспечения жильем данной категории лиц на территории всех муниципальных образований уровня город-район, в том числе с использованием возможности приобретения жилья на вторичном рынке. Рассмотреть вопрос об исключении из правовых документов нормы, при которой в случае отказа гражданина от предоставления жилья, в связи с его неудовлетворительным состоянием, удаленностью от постоянного места проживания и работы, он вносится в конец списка нуждающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам ребенка в Ставропольском крае за 2018 год // СПС «КонсультантПлюс».
2. Имущественный фонд Ставропольского края. Обеспечение жильем детей-сирот [Электронный ресурс] // URL: <https://if-sk.ru/obespechenie-zhilem-detey-sirot/predostavlenie-zhilyh-pomeshhenij>
3. Московский комсомолец — МК Кавказ [Электронный ресурс] // URL: <https://kavkaz.mk.ru/social/2019/12/03/na-stavropole-prinyali-glavnyy-finansovyy-dokument-novogo-goda.html>
4. Наследники свистящего на горе рака. М. Кандрашкина // Ставропольские ведомости. № 40(205) от 08.10.2019.
5. Сагалаева Е.С., Ивахненко С.Н., Ландина О.В. История формирования правового института опеки над несовершеннолетними // Закон и право. 2019. № 10. С. 44–48.
6. Светлана Орлова: проблему обеспечения жильем детей-сирот можно решать только сообща [Электронный ресурс] // URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/37168

Шалакина Юлия Евгеньевна,
преподаватель
кафедры гражданского права,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького,
д. 88, e-mail: yul33239858@yandex.ru

Shalakina, Yulia E.,
Lecturer,
Department of Civil Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007, Russian Federation,
e-mail: yul33239858@yandex.ru

СОГЛАСИЕ СУПРУГА НА ОТЧУЖДЕНИЕ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА ДРУГИМ СУПРУГОМ: ТЕОРИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

CONSENT OF A SPOUSE TO THE ALIENATION OF IMMOVABLE PROPERTY BY ANOTHER SPOUSE: THEORY AND LAW ENFORCEMENT

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена правовому анализу норм Гражданского кодекса РФ и Семейного кодекса РФ в части, касающейся согласия супруга на сделки с недвижимым имуществом, совершаемые другим супругом. В рамках статьи автор анализирует отдельные ситуации, в которых требуется либо не требуется нотариально удостоверенное согласие одного супруга на сделку с недвижимостью, совершаемую другим супругом. В статье дана правовая оценка необходимости предоставить согласие другого супруга, удостоверенное нотариально, в целях осуществления регистрации договора аренды недвижимости, договора об отчуждении доли в праве общей долевой собственности на недвижимость и договора купли-продажи недвижимости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: согласие на совершение сделки; супруг; недвижимое имущество; нотариальное удостоверение; распоряжение имуществом.

ABSTRACT. The article is devoted to the legal analysis of the norms of the Civil Code of the Russian Federation and the Family Code of the Russian Federation in the part concerning the consent of the spouse to transactions with real estate made by the other spouse. Within the framework of the article, the author analyzes individual situations in which a notarized consent of one spouse is required or not required for a real estate transaction carried out by the other spouse. The article provides a legal assessment of the need to provide the consent of the other spouse, certified by a notary, in order to register the real estate lease agreement, the agreement on the alienation of a share in the right of common shared ownership of real estate and the real estate purchase and sale agreement.

KEYWORDS: consent to the transaction; spouse; real estate; notarial certification; disposal of property.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Шалакина Ю.Е. Согласие супруга на отчуждение недвижимого имущества другим супругом: теория и правоприменение // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 87–92. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-14

FOR CITATION:

Shalakina, Yu.E. Consent of a spouse to the alienation of immovable property by another spouse: theory and law enforcement. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 87–92 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-14

Современное российское гражданское законодательство содержит значительное количество норм, предусматривающих получение согласия одних участников гражданского оборота на совершение юридически значимых действий другими участниками гражданского оборота. Одним из самых распространенных видов согласий является согласие супруга.

Статья 157.1 ГК РФ, содержащая общие положения о согласии, не устанавливает каких-либо требований к форме и содержанию согласия. Указанная норма применительно к отдельным видам согласий дополняется нормами иных нормативных актов.

Применительно к содержанию согласия супруга Семейный кодекс РФ не устанавливает никаких требований, что уже отмечалось как недостаток действующего законодательства [7, с. 21]. По нашему мнению, любое согласие на совершение сделки (в том числе и согласие супруга) должно содержать в себе указание на предмет и иные существенные условия совершаемой сделки. При этом желательно наличие указания на срок действия согласия и порядок его отзыва, если таковой предполагается.

К специальным нормам, регулирующим форму согласия, можно отнести ст. 35 Семейного кодекса РФ, согласно которой установлены повышенные требования к согласию в тех случаях, когда отчуждается имущество, права на которые требуется государственная регистрация, либо если сделка с данным имуществом имеет обязательную нотариальную форму, либо если сама сделка подлежит государственной регистрации. Такое согласие должно иметь нотариальную форму. При отчуждении иного имущества согласие супруга предполагается.

Учитывая ограниченный объем, в рамках данной статьи будут проанализированы отдельные проблемы, касающиеся необходимости получения согласия либо отдельных требований к форме согласия супруга в отношении сделок с недвижимостью, совершаемых другим супругом.

К одной из сделок, которым необходимо придание обязательной нотариальной формы, относится договор купли-продажи доли в праве общей долевой собственности на недвижимое имущество (п. 1 ст. 42 Федерального закона от 13.07.2015 «О государственной регистрации недвижимости» № 218-ФЗ (далее — ФЗ № 218) [4]).

Законным режимом имущества супругов признается право общей совместной собственности (ст. 253 ГК РФ, ст. 34 Семейного кодекса РФ). Право общей долевой собственности у супругов может возникнуть в случае заключения брачного договора либо при расторжении брака.

Другим случаем возникновения у супругов права общей долевой собственности могут служить ситуации приобретения недвижимости (а именно жилого помещения) с использованием материнского капитала. Согласно п. 4 ст. 10 Федерального закона от 29.12.2006 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» № 256-ФЗ [5] жилое помещение приобретается в совместную собственность родителей и детей с определением долей по соглашению сторон.

Если доля родителей в праве общей долевой собственности на приобретаемый объект недвижимости оформляется на одного из супругов, а следовательно, не происходит изменения законного режима имущества, согласие второго может потребоваться при отчуждении такого объекта. Также в тех случаях, когда другие доли в праве принадлежат несовершеннолетним детям, то помимо согласия супруга необходимо будет получить разрешение органа опеки и попечительства на отчуждение долей, принадлежащих несовершеннолетним.

В то же время, поскольку указанная норма предполагает заключение соглашения о распределении долей между членами семьи, то может произойти изменение законного режима собственности супругов. В этом случае такое соглашение будет иметь элементы брачного договора (ст. 42 Семейного кодекса РФ) и будет подлежать нотариальному удостоверению.

Отдельно следует упомянуть о ситуациях, когда один из супругов обладает долей в праве общей долевой собственности на недвижимое имущество, которая была им получена в результате наследования, дарения или по иному основанию, подразумевающему безвозмездную передачу имущества в собственность (например, в порядке приватизации).

В таких случаях при отчуждении доли в праве на недвижимое имущество правильнее уже говорить не о согласии супруга на совершение сделки, поскольку необходимость получения такого отсутствует в силу изменения правового режима имущества, а о соблюдении права

преимущественной покупки доли другими собственниками.

К сделкам, для которых необходима государственная регистрация, следует отнести, в первую очередь, договор аренды недвижимого имущества (п. 2 ст. 609 ГК РФ). Исключение сделано для договора аренды зданий и сооружений, заключенного на срок менее 1 года (п. 2 ст. 651 ГК РФ), и для некоторых иных случаев.

Узкое толкование п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ, очень часто имеющее место на практике, приводит к выводу о том, что согласие одного супруга, удостоверенное нотариально, необходимо для заключения другим супругом любой сделки по распоряжению имуществом, переход прав на которое подлежит государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации.

В то же время комплексный анализ действующего законодательства и складывающейся судебной практики опровергает подобный вывод.

Основываясь на узком толковании указанной выше нормы соответствующим подразделением Росреестра РФ было отказано в государственной регистрации договора аренды земельного участка. Отказ в государственной регистрации был обжалован в судебном порядке.

При этом позиция арендатора в суде была основана на том, что буквальное толкование п. 3 ст. 35 Семейного кодекса говорит о случаях распоряжения имуществом супругов, а не о любой сделке, в результате заключения которой возникают права, подлежащие государственной регистрации, или сделке, которая подлежит государственной регистрации.

Следует отметить правомерность и обоснованность занятой арендатором позиции.

В юридической литературе распоряжение традиционно понимается как возможность определять юридическую судьбу вещи, в том числе и путем отчуждения ее другим лицам [2, с. 354].

Заключение договора аренды не может быть расценено как акт распоряжения имуществом. В силу прямого указания п. 1 ст. 606 ГК РФ арендатору передаются только правомочия владения и пользования или только пользования. Передача такого правомочия собственника как распоряжение по договору аренды не предполагается.

В научной литературе при классификации договоров по признаку направленности договор аренды относится к группе договоров, направленных на передачу имущества, которая в свою очередь может быть подразделена еще на две подгруппы: направленные на передачу права собственности на имущество и направленные на передачу права пользования имуществом без передачи права собственности на него [1, с. 229].

В качестве дополнительного аргумента в пользу высказанной позиции можно привести также то обстоятельство, что право аренды вносится в такой раздел ЕГРН, как обременения объекта недвижимости в соответствии п. 61 Порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости (далее — Порядок ведения ЕГРН) [8].

Вышеизложенное подчеркивает характер договора аренды как зависимого от основного права на объект недвижимости, что в свою очередь приводит к выводу, что заключение подобного договора фактом распоряжения имуществом не является.

Таким образом, арендатор обоснованно полагал, что на заключение договора аренды п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ не распространяется, поскольку передача имущества в аренду не может быть приравнена к распоряжению имуществом.

Указанный спор был рассмотрен всеми судебными инстанциями, судебными актами которых отказ был признан правомерным.

Определением Верховного Суда РФ от 24.06.2016 по делу № 304-КГ16-369 судебные акты первой, апелляционной и кассационной инстанций были отменены, по делу вынесено новое решение, которым отказ в государственной регистрации договора аренды земельного участка был признан незаконным [6].

Отменяя решения нижестоящих инстанций, Верховный суд РФ указал на то, что п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ имеет в виду случаи именно распоряжения совместным имуществом супругов, а не любую сделку, которая подлежит государственной регистрации. Высшей судебной инстанцией был сделан вывод о том, что иное толкование норм способно привести к злоупотреблению правом и невозможности исполнить свои обязанности по договору аренды.

В дальнейшем указанная позиция нашла и свое отражение в Письме Министерства экономического развития РФ (Минэкономразвития России) от 12.04.2017 № ОГ-Д23-4249 [7], в котором, отвечая на конкретное обращение граждан, департамент недвижимости Минэкономразвития совместно с Росреестром указал со ссылкой на п. 15 ч. 1 ст. 26 Закона № 218, что отсутствие в представленном на регистрацию пакете документов согласия (в том числе и согласия супруга) может являться основанием для приостановления государственной регистрации только в случаях, когда из положений федерального закона следует, что сделка, совершенная в отсутствие согласия, ничтожна. Поскольку действующим законодательством установлена презумпция оспоримости сделки, совершенной одним супругом без согласия другого, то делается вывод о том, что отсутствие согласия супруга не может служить основанием для приостановления либо отказа в государственной регистрации договора аренды.

Полагаем, что данные правила следует распространять на подлежащий государственной регистрации договор аренды любого недвижимого имущества, а не только земельного участка.

Нами уже упоминалось, что аналогичные правила установлены и для случаев отчуждения недвижимого имущества по договору купли-продажи [1, с. 20]. При этом при отсутствии представленного в пакете документов согласия на совершение сделки в ЕГРН лишь вносится отметка о том, что сделка совершена без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа (п. 58 Порядка ведения ЕГРН). Выяснение вопроса о наличии такого согласия в обязанности государственного регистратора при проведении правовой экспертизы не входит.

Как представляется, отсутствие предоставления согласия одного супруга в рассматриваемой ситуации и проведение государственной регистрации перехода права собственности за другим лицом без выяснения наличия согласия супруга вступает в противоречие с принципом достоверности данных ЕГРН, закрепленным в ст. 8.1 ГК РФ.

Ограничение права государственного регистратора на приостановление процедуры государственной регистрации только ничтожными сделками представляется необоснованным, поскольку в соответствии с нормами ст. 168–179

ГК РФ и иных нормативных актов большинство недействительных сделок является оспоримыми, а не ничтожными.

По этой причине отсутствие проверки согласия другого супруга на отчуждение общего имущества неизбежно приводит к тому, что в реестре содержатся в качестве достоверных данные о сделках, которые в любой момент могут быть оспорены другим супругом как совершенные без его согласия.

Такая ситуация подрывает доверие к системе регистрации прав на недвижимое имущество в целом. Как представляется, юридическая ценность государственной регистрации возникновения, изменения и прекращения перехода права собственности состоит именно в достоверности данных, содержащихся в реестре, в том, что любое лицо вправе ознакомиться с данными реестра и полагаться на них при заключении сделки с недвижимостью. В противном случае следует сделать вывод, что записи в ЕГРН не выполняют своих юридических функций.

Современная российская регистрационная система основана на том, что регистрация права носит правоподтверждающий, а не порождающий характер. Это означает, что запись в ЕГРН может быть исключена из реестра, если отпало юридическое основание записи (например, сделка признана недействительной). Помимо этого, существуют отдельные проблемы, касающиеся недостаточной последовательности законодателя, например в вопросах о правовых последствиях отсутствия государственной регистрации сделки (например, договора аренды) либо правовой регистрации перехода права.

Отдельными учеными отмечается, что по указанной причине отсутствует доверие со стороны третьих лиц к записям ЕГРН, вынужденных дополнительно проводить юридическую экспертизу оснований возникновения права и правомерности его переходов, а также предлагается ввести принцип бесповоротности данных ЕГРН. По предложению указанных ученых принцип бесповоротности будет означать, что по прошествии определенного количества времени запись в ЕГРН нельзя будет оспорить даже при наличии к тому оснований [3].

Не останавливаясь подробно на спорности высказанной позиции, представляется правильным заострить внимание на следующих

моментах. Действующим законодательством (п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ) установлены повышенные требования к согласию супруга в случае отчуждения недвижимого имущества в виде обязательного нотариального удостоверения такого согласия. Полагаем, что это было сделано не случайно, а с целью предотвратить нарушение прав одного супруга другим, отчуждающим общее имущество.

В настоящее же время по изложенным выше причинам складывается ситуация, когда действие анализируемой нормы парализовано и она не выполняет своих юридических функций. Государственный регистратор, проводя правовую экспертизу, лишен права запросить такой документ, как согласие. По указанной причине пределы проверки правомерности сделки с недвижимостью ограничены только текстом письменного документа (договора), представленного на государственную регистрацию. Следовательно, возможно провести юридическую проверку сделки только на наличие существенных условий договора, которые должны быть согласованы сторонами.

Представляется уместным сравнить пределы правовой экспертизы, проводимой государственным регистратором, и пределы правовой экспертизы, проводимой нотариусом. Нотариус как лицо, которое несет ответственность за действительность сделки, проводит проверку не только существенных условий, но и соответствия воли сторон их волеизъявлению, а также наличия необходимых согласий на совершение сделки.

В то же время представляется, что юридическая экспертиза сделки с недвижимостью должна проводиться в одинаковых пределах и при нотариальном удостоверении и последующей государственной регистрации перехода права, и при государственной регистрации перехода права по сделке, совершенной в простой письменной форме. Следует отметить, что нотариус вправе отказать в нотариальном удостоверении сделки, если ему не будут представлены необходимые для совершения сделки согласия третьих лиц. Государственный же регистратор такого права лишен, что, по нашему мнению, совершенно необоснованно.

Сокращенный объем экспертизы в последнем случае представляется неоправданным, прежде всего, с точки зрения достоверности данных, включаемых в ЕГРН.

Современная российская регистрационная система имеет большое количество недостатков, в связи с чем более правильным кажется расширение объема правовой экспертизы, а не ее сокращение.

Кроме того, пределы юридической экспертизы при нотариальном удостоверении сделки с недвижимостью и при государственной регистрации перехода права по сделке, совершенной в простой письменной форме, должны быть одинаковыми.

Следует отметить, что при рассмотрении вопроса об отчуждении доли уставного капитала одним супругом без согласия другого с использованием косвенных сделок, таких как увеличение уставного капитала путем принятия решения единственным участником либо общим собранием участников, судебными инстанциями высказывалось мнение о том, что отсутствие нотариально удостоверенного согласия другого супруга в этом случае должно быть приравнено к нарушению нотариальной формы сделки и в силу положений ст. 163 ГК РФ должно влечь ничтожность, а не оспоримость совершенной сделки [9].

Полагаем, что принцип стабильности гражданского оборота и достоверности данных ЕГРН требуют внесения дополнений в п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ, изменив последствия отсутствия согласия супруга на совершение сделки, установив последствием отсутствия согласия супруга на отчуждение недвижимого имущества не оспоримость, а ничтожность сделки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения о договоре. М.: Статут, 2001 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданское право: общая часть: учебник / под ред. И.В. Бакаевой. Ростов-на-Дону: Феникс, 2018. 573 с.
3. Николаева Ю.Н. Согласие супруга на совершение сделки: вопросы теории и правоприменения // Жилищное и семейное право. 2019. № 2. С. 18–21.
4. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 года № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 20.07.2015. № 29 (часть 1). Ст. 4344.
5. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 01.01.2007. № 1 (часть 1). Ст. 19.

6. Определение Верховного Суда РФ от 24.06.2016 по делу № 304-КГ16-369. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

7. Письмо Министерства экономического развития РФ (Минэкономразвития России) от 12.04.2017 № ОГ-Д23-4249 [Электронный ресурс] // URL: <http://old.economy.gov.ru/minec/documents/vostrebdocs>

8. Порядок ведения единого государственного реестра недвижимости (утвержден Приказом Минэкономразвития России от 16.12.2015 № 943) // Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 9913/13 от 21.01.2014. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 340

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-15

Высоцкая Людмила Петровна,
аспирант кафедры теории
и истории государства и права,
Кубанский государственный университет,
350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, д. 149

Vysotskaya, Lyudmila P.,
Postgraduate Student of the Department
of Theory and History of State and Law,
Kuban State University,
149 Stavropolskaya St., Krasnodar,
350040, Russian Federation

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

SOME ASPECTS OF SECURING THE PRINCIPLE OF STATE AND INDIVIDUAL RESPONSIBILITY IN THE LEGISLATION OF MODERN RUSSIA

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с отражением в современном российском законодательстве принципов правового государства. Одним из важнейших таких принципов по праву считается принцип взаимной ответственности государства и личности, который должен не просто быть закреплён в действующих федеральных и региональных нормативных актах, но и должен быть детально конкретизирован и снабжен механизмами своей реализации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ответственность; принцип; законодательство; личность; государство.

ABSTRACT. This article discusses some issues related to the reflection of the principles of the rule of law in modern Russian legislation. One of the most important such principles is considered to be the principle of mutual responsibility of the state and the individual, which should not only be enshrined in existing Federal and regional regulations, but should also be specified in detail and equipped with mechanisms for its implementation.

KEYWORDS: responsibility; principle; legislation; personality; state.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Высоцкая Л.П. Некоторые аспекты закрепления принципа ответственности государства и личности в законодательстве современной России // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 93–96. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-15

FOR CITATION:

Vysotskaya, L.P. Some aspects of securing the principle of state and individual responsibility in the legislation of modern Russia. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 93–96 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-15

Согласно теории принципа взаимной ответственности государства и личности этот фундаментальный принцип правового государства должен неуклонно соблюдаться как гражданами, так и государством. Однако практика дает множество примеров, расходящихся с теоретическими конструкциями. В отношениях «государство-гражданин» «первое в подавляющем большинстве случаев доминирует над вторым. Здесь нет равного партнерства на практике, как это иногда утверждается в академической литературе или прессе. А следовательно, нет и равной ответственности их друг перед другом» [11, с. 131].

Естественно, сегодня категорией ответственности проблемы во взаимоотношениях государства и граждан не ограничиваются. Речь сегодня ведется также о неэффективности государства как организации общества и его органов в экономической или иной сфере; о чрезмерной бюрократизации и коррумпированности государственного аппарата; о недостаточном учете в политике государства национальных, исторических и иных особенностей соответствующего общества; о вредной для общества подверженности государства влиянию извне; о незаконном ограничении прав и свобод граждан, о нарушении установленных конституционными актами пределов их ограничения и др. Однако и роль взаимной ответственности недооценивать в современных условиях нельзя, поэтому вполне закономерно, что в литературе принцип взаимной ответственности государства и личности подвергся определенному исследованию [12, 15].

Сегодня в различных странах значительная роль отводится также политической, религиозной (особенно в мусульманских странах), моральной и другим видам ответственности государства-суверена и носителя высшей в данной стране власти, в основе которых лежит не нарушение действующих позитивных норм, а невыполнение или недобросовестное выполнение государством своих обязательств по отношению к обществу и каждому его члену [11, с. 444]. Такие виды ответственности должны стать предметом доктринального осмысления и в нашей стране, где законопослушание государственных служащих должно сочетаться с их высокой нравственностью, профессиональной этикой.

Тем не менее государство, в какой бы ипостаси оно ни функционировало, всегда имеет определенные установленные обязанности перед своими гражданами — членами общества — и несет ответственность за их ненадлежащее исполнение. Это касается любого современного государства, но особенно государства правового, претендующего, по замыслу его идеологов, на совершенство в данной области.

Вполне понятно и естественно, что на каждом историческом этапе развития общества и государства у последнего формируется неодинаковый по объему и характеру круг прав и юридических обязанностей по отношению к обществу и конкретному гражданину, который по мере эволюции человеческой цивилизации все больше расширяется и углубляется. Сегодня термин «ответственность» в законодательстве субъектов Российской Федерации в настоящее время приобрел более широкий смысл, нежели ответственность за нарушение прав граждан.

Некоторые аспекты принципа взаимной ответственности государства и личности закреплены в федеральной Конституции, являясь своеобразным ориентиром для регионального законодательства. Так, в преамбуле говорится об «ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями» [9].

Принцип взаимной ответственности государства и личности конкретизирован и в целом ряде статей Конституции Российской Федерации. Так, согласно статье 41, «сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом», а согласно статье 53, «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц» [9]. Эти предписания продублированы во многих региональных конституциях (уставах).

Принцип взаимной ответственности государства и личности получил определенное закрепление и в современном региональном законодательстве. Прежде всего, об ответственности говорится в преамбулах к целому ряду региональных нормативных актов. Здесь мы наблюдаем упоминание различных видов ответственности.

В частности, в Уставе Краснодарского края преамбула содержит слова «сознавая свою ответственность за социально-экономическое, политическое и культурное развитие края» [14]. В преамбуле Конституции Республики Адыгея от 10.03.1995 упоминается о «высокой ответственности перед нынешним и будущими поколениями» [6]. Об ответственности «перед прошлыми, нынешним и будущими поколениями» говорится и в преамбуле Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия от 05.04.1994, там же в статье 10 указано, что «Республика Калмыкия разделяет ответственность за существующие глобальные общечеловеческие проблемы и обязуется прилагать усилия к их разрешению в духе любви, сострадания, милосердия и прогресса, содействуя устройству мира на Земле» [13].

В преамбуле Конституции Республики Ингушетия от 27.02.1994 говорится об «осознании ответственности за исторические судьбы государственности Ингушетии» [8]. В Конституции Карачаево-Черкесской Республики уже в преамбуле обозначено два вида ответственности — «перед народами многонациональной Карачаево-Черкесской Республики» и «перед нынешним и будущим поколениями» [5].

Несколько по-иному разграничены два вида ответственности в Конституции Чеченской Республики от 23.03.2003, где говорится о таких видах ответственности, как «историческая ответственность за утверждение гражданского мира и согласия в Чеченской Республике» и «ответственность перед прошлым, настоящим и будущим общества и народа» [10].

В преамбуле Конституции Республики Дагестан от 10.07.2003 говорится об «ответственности за сохранение единства Дагестана, гражданского мира и согласия» [7]. Естественно, имеется в виду и ответственность органов государственной власти, и ответственность граждан, хотя в данном случае она не столько взаимная, сколько совместная.

Иногда ответственность провозглашается в аспекте культуры, обеспечения культурного развития. Так, в Законе Республики Адыгея от 15.07.1998 № 87 «О культуре» в статье 4 провозглашается, что Республика Адыгея «берет на себя ответственность за национально-культурное развитие адыгского народа», а в статье 9 говорится об ответственности Республики Ады-

гея перед гражданами Российской Федерации за обеспечение условий для общедоступной культурной деятельности в Республике Адыгея, культурных ценностей и благ, находящихся на территории Республики Адыгея [1].

Иногда принцип ответственности используется в его применении к единству субъекта или гражданскому согласию. Так, в преамбуле Конституции Кабардино-Балкарской Республики указывается на осознание «ответственности перед народом за сохранение единства республики, гражданского мира и согласия» [4].

Составной частью принципа социальной ответственности государства и граждан, на мой взгляд, как раз и выступает принцип взаимной ответственности государства и личности. Такая взаимная ответственность является частью более обширной проблемы определения оптимальных форм взаимодействия государства и личности, важной характеристикой подлинно правового государства. И здесь мы наблюдаем закрепление различных вариантов такой ответственности.

Если говорить об ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации перед личностью, то важно закрепление в региональном законодательстве того, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Такова, например, статья 56 Конституции Кабардино-Балкарской Республики [4].

Иногда взаимная ответственность раскрывается в законодательстве через категорию социального партнерства. Так, согласно статье 12 п. 3 Конституции Республики Адыгея от 10.03.1995, «экономические отношения строятся на основе социального партнерства между человеком и государством, работником и работодателем, производителем и потребителем, а также на защите их прав» [6].

Ответственность государства, различных объединений и граждан может касаться сферы воспитания и семьи. Так, в Законе Республики Северная Осетия – Алания от 02.12.1997 № 15-3 «О семейной политике в Республике Северная Осетия – Алания» говорится о «взаимной ответственности государственных органов, органов местного самоуправления, семьи, общественных объединений».

Иногда принцип ответственности приобретает в региональном законодательстве культурный контекст. Так, в статье 17 Закона Чеченской Республики от 26.06.2006 № 8-рз «О культуре» указано, что «Чеченская Республика ответственна перед гражданами за обеспечение условий для общедоступной культурной деятельности, культурных ценностей и благ» [2].

Сегодня в различных странах значительная роль отводится также политической, религиозной (особенно в мусульманских странах), моральной и другим видам ответственности государства и его отдельных органов, в основе которых лежит не нарушение действующих юридических норм, а невыполнение или недобросовестное выполнение государством, его должностными лицами своих обязательств по отношению к обществу и отдельным гражданам. Думается, что сегодня и в России необходимо уделить большее внимание таким видам ответственности.

В литературе указывается на ряд остающихся нерешенными спорных проблем, таких как: виды ответственности государства и гражданина друг перед другом; основания ответственности; механизм гарантий их взаимной ответственности, особенно — ответственности государства перед гражданином; средства защиты гражданина от произвола государства и привлечения его к ответственности и др. [11, с. 438]. Эти проблемы, как представляется, охватывают не только федеральный, но и региональный уровень, и поэтому субъекты Российской Федерации должны принимать более активное участие в их разрешении.

В целом, принцип ответственности, в том числе взаимной ответственности государства и личности, должен приобрести в современном законодательстве более конкретное и детализированное закрепление, выступая важнейшим принципом правового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Республики Адыгея от 15.07.1998 № 87 «О культуре» (с изменениями на 28.06.2018) [Электронный ресурс] // URL: www.docs.cntd.ru/document/804932442
2. Закон Чеченской Республики от 26.06.2006 № 8-рз «О культуре» [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/906803133
3. Конституция Республики Северная Осетия – Алания от 12.11.1994 (с изменениями на 10.05.2017) [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/304200016
4. Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 01.09.1997 [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/720705883
5. Конституция Карачаево-Черкесской Республики от 05.03.1996 (с изменениями на 24.03.2016) [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/720705884
6. Конституция Республики Адыгея от 10.03.1995 (с изменениями на 31.07.2019) [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/804932122
7. Конституция Республики Дагестан от 10.07.2003 (с изменениями на 26.12.2017) [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/802018919
8. Конституция Республики Ингушетия от 27.02.1994 (с изменениями на 13.04.2016) [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/720705885
9. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изменениями на 27.03.2019) [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/9004937
10. Конституция Чеченской Республики от 23.03.2003 (с изменениями на 20.07.2018) [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/819051373
11. Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование). М., 2014.
12. Петренко В.В. Нравственные и правовые начала деятельности властных субъектов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
13. Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 05.04.1994 (с изменениями на 09.06.2018) [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/720705887
14. Устав Краснодарского края (в редакции на 19.07.2018) [Электронный ресурс] // URL: constitution.garant.ru/region/ustav-krasnod
15. Черепанова О.С. Реализация принципа взаимной ответственности государства и личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2012.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 340

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-16

Ныrkova Наталья Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права и криминологии,
Южный федеральный университет,
344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького,
д. 88, e-mail: nyrkova@mail.ru

Nyrkova, Natalya A.,
PhD in Law, Associate Professor, Department
of Criminal Law and Criminology, Law Faculty,
Southern Federal University, 88 M. Gorkogo St.,
Rostov-on-Don, 344007, Russian Federation,
e-mail: nyrkova@mail.ru

**ПРЕДМЕТ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
НОВОЕ СЛОВО (ОТКЛИК НА МОНОГРАФИЮ С.И. ГОЛУБЕВА
«ПРЕДМЕТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ»
(М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2020. 176 с.))**

**THE SUBJECT OF ENVIRONMENTAL CRIMES:
A NEW WORD (RESPONSE TO THE MONOGRAPH
BY S.I. GOLUBEV «THE SUBJECT OF ENVIRONMENTAL CRIME»
(MOSCOW: LLC «LEGAL FIRM CONTRACT», 2020. 176 p.))**

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой научную рецензию новой монографии С.И. Голубева «Предмет экологического преступления». Отмечается и обосновывается высокое качество научного труда, обусловленное, как минимум, тремя главными обстоятельствами: предметными рамками исследования, его телеологическими характеристиками и наличием оснований для дальнейшей профессиональной дискуссии, способной оказать позитивное влияние как на законотворческую, так и на правоприменительную деятельность в пределах рассматриваемой темы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: предмет экологического преступления; антропогенный объект; особо охраняемые природные территории; проблематика исследования; научный труд; цели исследования

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ныrkova Н.А. Предмет экологических преступлений: новое слово (отклик на монографию С.И. Голубева «Предмет экологического преступления» (М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2020. 176 с.)) // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 97–100. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-16

ABSTRACT. The article is a scientific review of the new monograph by S.I. Golubev “The Subject of Environmental Crime”. The high quality of scientific work is noted and justified due to at least three main circumstances: the substantive framework of the study, its teleological characteristics and the existence of grounds for further professional discussion, which can have a positive impact on both legislative and law enforcement activities within the scope of the topic under consideration.

KEYWORDS: subject of environmental crime; anthropogenic object; specially protected natural territories; research problems; scientific work; research goals.

FOR CITATION:

Nyrkova, N.A. The subject of environmental crimes: a new word (response to the monograph by S.I. Golubev «The Subject of Environmental Crime» (Moscow: LLC «LEGAL FIRM CONTRACT», 2020. 176 p.)). *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 97–100 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-16

За долгие годы преподавательской работы (предполагающей весомую научную составляющую) сам собой сложился один из главных критериев оценки научных публикаций: вдохновляет или не вдохновляет. Вдохновение всегда плодотворно, под его влиянием изучаются, прежде всего, новые специальные источники (так, благодаря данной монографии, в поле зрения рецензента попали весьма интересные научные труды А.Ю. Боковни, А.И. Зверевой, Ю.А. Тимошенко, изданные в 2019–2020 годах) [1, 2, 5], анализируется соответствующая судебная практика, уточняются подходы к рассматриваемым проблемам оппонентов и единомышленников автора, возникает желание откликнуться и продолжить дискуссию. Вдохновляющий труд, таким образом, помимо классического и обязательного свойства — новизны содержащейся в нем информации — оставляет богатое и весьма полезное для читателя научное «послевкусие».

Монография С.И. Голубева «Предмет экологического преступления» относится, на наш взгляд, именно к таким вдохновляющим трудам по следующим главным основаниям.

Проблематика исследования. Автор сфокусировал внимание на одном из объективных признаков одного из самых сложных для юридического анализа видов преступлений — экологических. Подобные рамки исследования не каждому по силам, поскольку предполагают его развертывание не вширь, а вглубь. В этом случае у автора нет возможности уклониться от ответа на сложные вопросы, «спрятаться» за широтой темы, «не позволяющей в данной монографии подробно рассмотреть все аспекты...» (сколько раз встречались нам подобные утверждения на страницах научных работ! И столько же раз вызывали недоумение: как будто кто-то всесильный и неумолимый по-нуждает ученого идти именно этим путем, как будто не сам исследователь формулирует гипотезу, объект и предмет научного анализа!). К такой глубинной постановке исследовательской задачи С.И. Голубев был весьма основательно подготовлен: в его научно-публикационном багаже целый ряд работ, посвященных характеристике экологических преступлений (статьи, кандидатская диссертация, специализированный учебный курс, библиографи-

ческий сборник). И данная подготовка самым благоприятным образом предопределила высокое качество монографии в целом (источники, логика, аргументация, выводы), а также продемонстрировала впечатляющую фундаментальность разработки избранного сегмента уголовно-правовой «породы» (обоснование и трактовка антропогенного объекта, природных и природно-антропогенных объектов, компонентов природной среды, животного и растительного мира как предметов экологических преступлений и их составляющих — критических местообитаний, особо охраняемых природных территорий и объектов, вод, атмосферы, морской среды и др.).

Еще один «подводный камень» выбранных автором для детального изучения проблем заключается, по нашему мнению, в том, что на этом уголовно-правовом поле отметились настоящие «тяжеловесы» юридической науки, внесшие большой вклад в разработку экологических преступлений и во многом являвшиеся первопроходцами. Довольно часто такие обстоятельства «гипнотизируют» молодых ученых, не позволяя им выбраться «за флажки» научных подходов, справедливо аттестованных как классические. Но не таков С.И. Голубев — он азартно и бесстрашно бросается в дискуссию и обогащает ее новыми аргументами, безупречной логикой, широтой источниковой базы. Наиболее зримо это проявляется в содержании первой главы монографии, посвященной общей характеристике предмета преступления в уголовном праве (размышления о видовом объекте и предмете экологических преступлений, отстаивание материального признака предмета экологических преступлений, обоснование допустимости и целесообразности включения в понятие окружающей среды антропогенных объектов и др.). Трудно, в частности, не согласиться с выводами о сомнительности трактовки предмета экологических преступлений посредством понятий, не имеющих не только нормативного, но — шире — научного статуса (с. 29), рассмотрения в качестве таковых «правил охраны окружающей среды» (с. 29–30). В последнем случае автора можно считать союзником профессора Н.С. Таганцева, который, рассматривая преступное деяние как посягательство на правовую норму и допуская понимание преступлений как нарушений «законов

определительных», в конце соответствующего параграфа своих знаменитых Лекций делал вполне определенный вывод: «Преступным почитается деяние, посягающее на юридическую норму в ее реальном бытии; или... деяние, посягающее на охраненный нормой интерес жизни» [4, с. 36].

Телеологические характеристики исследования. Во Введении к монографии сформулированы две основные цели, которых стремился достичь С.И. Голубев. Во-первых, разрешить существующие трудности правоприменения в области экологических преступлений и тем самым повысить его эффективность (с. 5). Во-вторых, преодолеть неполноту и мозаичность доктринальных представлений о предмете рассматриваемых преступлений (с. 6). Следует отметить, что этим установкам подчинен весь текст книги. Так, последовательную реализацию первой цели отражает внимание ученого к судебной практике в области экологических преступлений. Его суждения и выводы основаны на всестороннем анализе позиций высших судов Российской Федерации, а также судебных актов судов общей юрисдикции. Что же касается доктринальных лакун, то нам близок взгляд французского социолога науки и антрополога Бруно Латура, абсолютно справедливо, на наш взгляд, отмечающего необходимость непрерывной интерпретации со стороны любых субъектов, имеющих дело со «вселенной текстов». Это, в свою очередь, «порождает все новые тексты, качество, порядок и согласованность которых парадоксальным образом увеличивают сложность, беспорядок и бессвязность корпуса текстов, которые они оставляют своим преемникам, вновь принимающимся за этот труд Сизифа или Пенелопы» [5]. Однако солидарность с Латуром не мешает (так же парадоксально!) нашему восхищению теми храбрецами в науке, которые все же отваживаются интерпретировать, отвоевывая тем самым крупицы ясности и определенности в исследовании сложнейших правовых проблем.

Желание продолжить дискуссию по теме исследования. Обозначим основные вопросы, по которым обнаружили наши разногласия с научной позицией автора. Два из них касаются понятия «антропогенный объект».

Так, на с. 48–49 монографии С.И. Голубев, с одной стороны, отмечает «отрицательную экологичность» антропогенных объектов, их экологическую опасность. С другой стороны, характеризует правовой признак указанных объектов как закрепленность в нормативных правовых актах в качестве экологически вредных для окружающей среды. «Антропогенный объект, — утверждает автор, — не зафиксированный в качестве такового в нормативном правовом акте, не может признаваться предметом экологического преступления» (с. 49). В нашем же представлении опасными являются не антропогенные объекты сами по себе, а деятельность человека, отклоняющаяся от установленных правил (например, применительно к ст. 246 УК РФ — в области проектирования, размещения, строительства, ввода в эксплуатацию и эксплуатации таких объектов), и то лишь при условии наступления предусмотренных в уголовном законе общественно опасных последствий. Иначе говоря, по нашему мнению, опасность антропогенного объекта «создается» правонарушителем. Исходя из этого, нам кажется весьма затруднительным (если не сказать — невозможным) предусмотреть в нормативных правовых актах исчерпывающий перечень опасных антропогенных объектов, как невозможно исчерпать все нюансы преступного поведения человека в целом.

Второй вопрос связан с материальным признаком антропогенного объекта (с. 41). Материальность понимается автором как объективное существование и наличие (в некоторых случаях) пространственно-территориальных характеристик. Экстраполяция этих выводов на составы экологических преступлений, имеющих антропогенные объекты, оставляет без ответа, как минимум, два вопроса: что следует считать антропогенным объектом при проектировании промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов (ст. 246 УК РФ) и при проектировании горнодобывающих предприятий или подземных сооружений (ст. 255 УК РФ)? Есть ли здесь материальный признак антропогенного объекта? Если нет — то это исключение из общего правила или недостаток его формулировки?

Помимо этого, разделяя в принципе позицию ученого о необходимости согласования уголовного и бланкетного законодательства в

сфере экологических преступлений, не можем принять его обоснование содержания такого предмета преступления, как «другие особо охраняемые государством природные территории». Раскрывая его, С.И. Голубев полагает, что он «может охватывать только те особо охраняемые природные территории, которые не названы в УК РФ, но имеют те же физические и правовые характеристики», что и предметы, поименованные в диспозиции ст. 262. Исходя из этого, делается вывод о недостаточности оснований «для утверждения о том, что озеро Байкал, как и другие объекты, в отношении которых имеются отдельные нормативные правовые акты, можно признавать предметом преступления, предусмотренного ст. 262 УК РФ» (с. 115). Причинами такой невозможности указаны отсутствие объявления акватории озера особо охраняемой природной территорией, а также не отнесение его ни к одной из категорий таких территорий (с. 115). Нам представляется, что такое исключение о. Байкал из числа предметов преступления, предусмотренного ст. 262 УК РФ, является ошибочным, оно идет вразрез с нормальной экологической политикой, поскольку основано не на первичных, экологических характеристиках объекта, а на вторичных, правовых. Они необоснованно меняются местами и вообще исключают возможность установить несовершенства правового регулирования в экологической сфере. К тому же сам автор чуть ранее совершенно правильно подчеркивал, что «экологически значимые свойства присущи объектам природы, а не становятся таковыми потому, что предусмотрены

нормативными правовыми актами. В последних они могут быть только отражены» (с. 45). Добавим от себя: более или менее адекватно. Думается, что в рассматриваемом случае было бы более правильным акцентировать внимание именно на законодательных дефектах.

Завершая свой отклик, еще раз воздадим должное научной новизне монографии С.И. Голубева, высокой научной квалификации, добросовестности и заинтересованному азарту автора, поблагодарим за доставленное интеллектуальное удовольствие и пожелаем новых научных и профессиональных вершин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боковня А.Ю. Загрязнение окружающей среды в уголовном праве / под ред. Ф.Р. Сундурова. М., 2019. 199 с.
2. Зверева А.И. Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов: характеристика и разграничение со смежными деликтами / под ред. Ю.В. Грачевой. М., 2019. 200 с.
3. Латур Б. Научные объекты и правовая объективность. Перевод с англ.: Даниил Аронсон, Виталий Долгоруков, Яна Закорко. Перевод выполнен по изданию Latour B. Scientific Objects and Legal Objectivity // Alain Pottage and Martha Mundy (Ed.). Law, Anthropology and the Constitution of the Social: Making Persons and Things. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 73–113. URL: http://www.intelros.ru/pdf/sociologia_vlasti/2015_2/13-%D0%91%D0%BE%D1%87%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2.pdf
4. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994. 380 с.
5. Тимошенко Ю.А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления (теория и практика). М.: Юрлитинформ, 2020. 384 с.

УДК 340.15

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-17

Краковский Константин Петрович,
доктор юридических наук, профессор
кафедры государственного управления
государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 84,
e-mail: kp.krakovskiy@igsu.ru

Krakovskiy, Konstantin P.,
Doctor of Law, Professor of the Department of
state studies at the Institute of public service and
management of the Russian Academy of national
economy and public administration under the
President of the Russian Federation,
84 Vernadsky Ave., Moscow, 119571,
Russian Federation,
e-mail: kp.krakovskiy@igsu.ru

ВОСПОМИНАНИЯ Е.А. БОБРОВА О ПРОФЕССОРЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ИМПЕРАТОРСКОГО ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА АЛЕКСАНДРЕ ЛЬВОВИЧЕ БЛОКЕ (ПУБЛИКАЦИЯ)

MEMOIRS OF E.A. BOBROV ABOUT THE PROFESSOR OF LAW AT THE IMPERIAL UNIVERSITY OF WARSAW ALEXANDER LVOVICH BLOK (PUBLICATION)

АННОТАЦИЯ. Представленная статья состоит из двух частей: первая представляет собой биографический очерк о профессоре юридического факультета Императорского Варшавского университета А.Л. Блоке, а также сведения об авторе мемуаров, профессоре-философе Е.А. Боброве. Вторая часть — воспоминания Е. Боброва об А.Л. Блоке, текст которых хранится в архиве в Москве и впервые публикуется в полном объеме.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридическое образование; юридический факультет; Варшавский университет; Донской-Ростовский университет.

ABSTRACT. This publication consists of two parts: the first is a biographical essay about the Professor of the faculty of law of the Imperial Warsaw University A.L. Blok, as well as information about the author of the memoirs, professor-philosopher E.A. Bobrov. The second part — E. Bobrov's memoirs about A.L. Blok which text is stored in archive in Moscow for the first time published in full.

KEYWORDS: legal education; faculty of law; Warsaw University; Donskoy-Rostov University.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Краковский К.П. Воспоминания Е.А. Боброва о профессоре юридического факультета Императорского Варшавского университета Александре Львовиче Блоке (публикация) // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 3. С. 101–112. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-17

FOR CITATION:

Krakovskiy, K.P. Memoirs of E.A. Bobrov about the professor of law at the Imperial University of Warsaw Alexander Lvovich Blok (publication). *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 101–112 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-3-17

Так уж странно сложилась «историографическая судьба» профессора Александра Львовича Блока, что он долгое время находился «в тени» своего сына, великого русского поэта А.А. Блока. Интерес исследователей к нему носил «производный характер»: к его биографии обращались не в связи с анализом жизни и творчества этого оригинального ученого-государствоведа, а лишь как отца поэта.

После небольшой биографической брошюры, написанной на смерть А.Л. Блока его благодарным учеником проф. Е.В. Спекторским [19], последовал большой перерыв в исследовании жизни и творчества ученого, прерванный кратким очерком С.И. Михайльченко о юридическом факультете Императорского Варшавского университета, содержащим некоторые сведения о жизни и деятельности А.Л. Блока [14, с. 55]. Вскоре к его жизни и ученой деятельности проявил интерес ростовский исследователь К.П. Краковский, посвятив А.Л. Блоку очерк в сборнике биографий профессоров Императорского Варшавского-Донского-Ростовского университета [12], а затем поместил обширную информацию о его учебной и научной работе в книге по истории юрфака Варшавского университета, основанной на широком круге архивных документов, впервые введенных автором в научный оборот [11]. К биографии А.Л. Блока опосредованно обратилась автор книги о Ларисе Рейснер (Л. Рейснер — дочь М.А. Рейснера, а он — ученик А.Л. Блока) [15]. Наконец, в 2013 году появилась первая самостоятельная работа о научной биографии профессора А.Л. Блока [18].

Некоторую информацию о жизни и деятельности собрали польский исследователь И. Шиллер [23], авторы юбилейного издания, посвященного 200-летию юридического факультета Варшавского университета [22].

Александр Львович Блок родился в Пскове 20 октября 1852 г. Он происходил из обрусевшего немецкого бюргерского рода. Его дальний предок Иоганн Фридрих Блок, медик, родом из Мекленбурга-Шверина, прибыл в Россию вместе со своим братом в 1755 г.* В семье Блока бытовала легенда о том, что первый из Блоков, приехавший в Россию, был личным врачом царя Алексея Михайловича. В легенду верил и поэт А.А. Блок, о чем и написал в своей автобиографии. Но это была, увы, только легенда.

* Подробную генеалогию А.Л. Блока см. в [8; 10].

В 1875 г. А.Л. Блок окончил юридический факультет Петербургского университета. В университете дружил с однокурсником Н.М. Коркуновым, ставшим впоследствии одним из самых выдающихся ученых-юристов России. Со слов В.В. Есипова, в студенческие годы А.Л. Блок посещал народовольческие кружки и был знаком с Софьей Перовской, будущей участницей покушения на Александра II [2].

Профессор А.Л. Блок

Ученик блистательного специалиста государственного права, профессора А.Д. Градовского, А.Л. Блок был оставлен им при университете для подготовки к профессорскому званию и после успешной сдачи магистерского экзамена был в 1878 г. приглашен на юридический факультет Варшавского университета на должность доцента. Градовский писал о Блоке: «Его смело можно отнести к числу весьма образованных живых людей, с отличной общей подготовкой... он производит наилучшее впечатление, как основательностью сведений, так и даром изложения... мы сдаем его с рук на руки Варшавскому университету с покорнейшей просьбой беречь и руководить этого молодого ученого»...

В эти годы произошли события, которым суждено было стать важной страницей культурной истории России, несмотря на их внешне частный характер. А.Л. Блок женился на Александре Андреевне Бекетовой (1860–1923), дочери известного ученого-ботаника, занимавшего в те годы должность ректора Петер-

бургского университета. 16(28) ноября 1880 года у них родился сын, ставший впоследствии гордостью русской литературы — великий русский поэт Александр Блок.

Впоследствии поэт Александр Блок редко и неохотно вспоминал об отце — Александре Львовиче, хотя утверждал, что связь с ним он чувствует «кровную». В автобиографии 1915 г. он дал отцу такую характеристику: «Судьба его исполнена сложных противоречий, довольно необычна и мрачна... Выдающийся музыкант, знаток изящной литературы и тонкий стилист, — отец мой считал себя учеником Флобера. Последнее и было главной причиной того, что он написал так мало и не завершил главного труда жизни: свои непрестанно развивающиеся идеи он не сумел вместить в те же сжатые формы, которых искал; в этом искании сжатых форм было что-то судорожное и страшное, как во всем душевном и физическом облике его. Я встречался с ним мало, но помню его кровно» [3].

Александр Львович Блок и Александра Андреевна Блок (урожденная Бекетова)

Позднее в своей поэме «Возмездие», носящей автобиографический характер (более того, первоначально автор хотел ее назвать «Отец»), А.А. Блок вывел образ отца. Именно о нем поэт написал:

...Он диссертацией блестящей
Стяжал отменные хвалы
И принял кафедру в Варшаве...
Готовясь лекции читать,
Запутанный в гражданском праве...

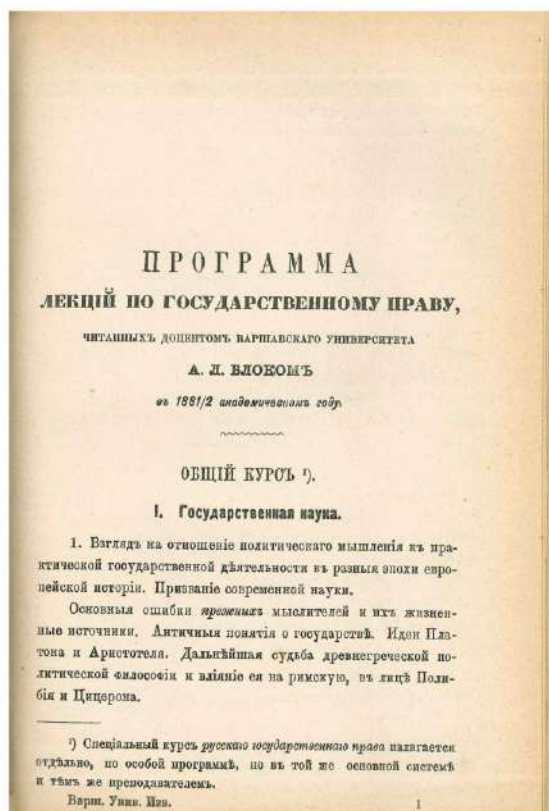
От себя замечу, поэт допускает неточность, ибо его отец преподавал государственное, а не гражданское право. Будучи в течение нескольких лет студентом юридического факультета, А.А. Блок разницу между этими отраслями права не мог не знать. Более того, в своих воспоминаниях об отце А.А. Блок отметил, что тот занимал в Варшавском университете кафедру государственного права. Впрочем, возможно, этот «допуск» сделан в качестве художественного вымысла, на который имеет право поэт, либо просто ради рифмы, т.к. слово «государственное» — длинное и плохо рифмуется, в отличие от слова «гражданское».

По утверждениям исследователей, А.Л. Блок был личностью незаурядной, хотя очень противоречивой. Болезненно самолюбивый, вспыльчивый, замкнутый, он представлял собой по тем временам новый психологический тип личности, созданный специфическими условиями развития России в 1870–1880-е гг. В молодости он был сентиментален, писал стихи. Одно из его стихотворений приводит в своих воспоминаниях двоюродный брат поэта Г.П. Блок. Однако, как видно из биографии А.Л. Блока, за сферу быта, за сферу довольно ограниченных интересов данные качества личности не выходили. Отсюда, очевидно, проистекали и душевный надлом, и неумение организовать, направить свои возможности и свой дар [6].

Суровый по натуре, педантичный ученый, он сурово обращался и со своей молодой женой, что в конце концов привело к разрыву.

20 октября 1880 г. в Петербургском университете он защитил магистерскую диссертацию на тему «Государственная власть в европейском обществе. Взгляд на политическую теорию Лоренца Штейна и на французские политические порядки».

Основные труды проф. А.Л. Блока: Политическая литература в России и о России. Вступление в курс русского государственного права. Варшава, 1884; Новое нравственно-юридическое мирозерцание // Журнал гражданского и уголовного права, 1881, кн. 2; Внешняя политика императора Николая I // Варшавский

дневник. 1888; О финляндском вопросе // Варшавский дневник. 1891. № 269; Русское государственное право. Записки по лекциям проф. Блока. Варшава, 1902–1903. (Литография). Кроме того, он печатал в «Варшавских университетских известиях» программы своих курсов.

Более 30 лет (1878–1909 гг.) он занимал кафедру государственного права на юридическом факультете Варшавского университета. Свой основной лекционный курс государственного права он успешно сочетал с новыми формами занятий — практическими и семинарскими, которые стали внедряться, не без дискуссий, на юридическом факультете Варшавского университета. Практические занятия по государственному праву у профессора А.Л. Блока состояли в написании студентами обязательных рефератов о прочитанных трудах выдающихся мыслителей и в изучении законодательного материала по источникам.

Свое педагогическое мастерство профессор А.Л. Блок совершенствовал, неоднократно отправляясь за границу для ознакомления с новейшими методиками преподавания государственного права в университетах Германии и Франции [5].

Известный историк Н.И. Кареев, работавший несколько лет в Варшавском университете, вспоминал позднее об Александре Львовиче: «С Блоком в варшавские годы я был довольно близок, но потом потерял его из виду, когда он, говорят, очень изменился и приблизился к типу обрусителей. Блок был очень интересный собеседник, любивший серьезные научные разговоры, очень часто приходивший ко мне, чтобы пофилософствовать. В pendant (уточнение. — К.К.) к моим “Основным вопросам философии и истории” он, государствовед, собирався писать, но не написал “Коренные вопросы теоретической политики”. Из разговора с ним родилась моя статья “Мечта и правда о русской науке” (В “Русской мысли” за 1884 г.) и публичная лекция о духе русской науки, прочитанная в русском клубе... Интересная брошюра Блока “Политическая литература в России и о России” была предметом моей маленькой заметки в “Юридическом вестнике”» [9, с. 169].

Свои методологические концепции А.Л. Блок развивал и в публичных лекциях. Так, в 1888 г. он выступил с лекцией на тему «Об отношении научно-философских теорий к практической государственной деятельности» на Торжественном акте университета. В ней он, с одной стороны, призвал студентов юридического факультета заниматься не только наукой в узком смысле слова, но и тем, «что одно придает высший нравственный смысл даже самому мелкому служебному “прозябанию” в огромном государстве — философией», а, с другой стороны, пришел к пессимистическому выводу, что «философия или совсем не влияет на слишком грубый для нее мир политики, или же сама поддается влиянию этого мира и в соответствующей степени грубеет» [4, с. 11–12].

В 1903 г. А.Л. Блоку было присвоено звание заслуженного профессора этого университета [16] — случай достаточно редкий, ибо он так и не защитил докторскую диссертацию, хотя подготовил ее в основной части. Тема — «Политика в круговороте философской критики».

Эта затяжка с подготовкой докторской диссертации чуть было не «вышла боком» А.Л. Блоку. Вопрос о нем ставился достаточно жестко, что легко объяснимо, скажем так, неоднозначным отношением к нему как со стороны начальства, так и, впрочем, студентов. В апреле 1904 г. попечитель Варшавского учебно-

го округа сделал запрос ректору университета, напомнив, что А.Л. Блок не выполнил условий, поставленных ему в 1901 г. при разрешении заграникомандировки (не подготовил докторскую диссертацию. — К.К.), а поэтому спрашивал, не считает ли ректор возможным уволить его от службы как не исполнившего обязательств. Ректор ответил, что он неоднократно напоминал А.Л. Блоку о распоряжении министерства, на что тот отвечал, что он печатает свою диссертацию «Политика в круговороте философской критики», что продолжал печатать ее весь 1903-й год. Ректор счел неудобным увольнять Блока вследствие трудностей с замещением кафедр юридического факультета [20].

Современный исследователь творчества А.Л. Блока брянский историк С.И. Михальченко предпринял попытку (оказавшуюся безуспешной) найти текст докторского сочинения А.Л. Блока. По воспоминаниям современников он реконструировал некоторые положения, идеи этой работы. Блок считал эмпирическими и точными и этику, и эстетику, и право, и другие традиционно признаваемые гуманитарными отрасли знания. Цель исследования им формулировалась так: «Оправдать и подтвердить классификацию наук и выяснить специальную роль политики в кругу других наук» [14, с. 65]*. По мере работы выяснилась обширность замысла, справиться с которой одному человеку было практически невозможно.

В 1903 г. ректор варшавского университета Г.К. Ульянов отмечал: «На это беспрецедентное по количеству собранного материала и по оригинальности замысла исследование из области политической психологии проф. Блок потратил много лет... В настоящее время он печатает первый выпуск своего капитального исследования о месте политики в кругу наук. Этот выпуск будет касаться только логики и эстетики. Следующий выпуск будет посвящен этике и юриспруденции, и только третий выпуск, касающийся политики и социологии, может дать материал к диспуту на степень доктора государственного права. Таким образом, если профессор Блок до сих пор не имеет ученой степени доктора наук, то только вследствие чрезвычайной обширности задуманного им труда, требовавшей от него огромной затраты сил

на изучение и подготовку необходимого для него материала» [14, с. 55]. Заявление ректора о выходе в свет первого выпуска исследования А.Л. Блока оказалось, однако, преждевременным. Книга так и не была опубликована.

Возможно, именно в сложном характере профессора А.Л. Блока кроется причина небольшого числа учеников. Среди них можно назвать М.А. Рейснера и Е.В. Спекторского, ставших, впрочем, яркими звездами на небосклоне российской дореволюционной, советской и зарубежной (эмигрантской) юриспруденции.

Характеризуя своего учителя, Е.В. Спекторский отмечал, что он «стремился познать действительность во всей ее нередко неприглядной наготе, без всяких... теоретических условностей. Он беспощадно разрушал логику доктрин, когда они не соответствовали очевидной логике действительности. Он предпочитал отказываться совсем от каких бы то ни было теорий, чем успокаиваться на теориях, не адекватных стихийному бытию. Он не признавал иной научной истины, кроме истины факта... В нем боролись моралист, художник и ученый. Воля влекла его к деятельности, чувство к созерцательной мечтательности, ум — к холодному наблюдению...» [19, с. 11–12].

По оценке М.А. Рейснера, А.Л. Блок совмещал в себе причудливым образом громадную эрудицию, материалистический скепсис и славнофильство: социолог-позитивист по исходной точке и романтик в практических выводах [17, с. 623]. А.Л. Блок умер 18 ноября (1 декабря) 1909 г. в Варшаве и похоронен на Православном кладбище. Могила его впоследствии была потеряна. На заседании 3 декабря 1909 г. факультет почтил вставанием память своего почетного профессора и декана А.Л. Блока [12, с. 89–96; 20].

***

Настоящая публикация являет собой воспоминания об А.Л. Блоке его коллеги по университету, профессора философии Евгения Александровича Боброва. Несколько слов об авторе.

Евгений Александрович Бобров (24 января (5 февраля) 1867 — 12 марта 1933) — русский философ, историк философии и литературы, представитель Юрьевской философской школы. Свою философскую доктрину он называл «критическим индивидуализмом».

* Библиография статей в польской печати о А.Л. Блоке см. в [24].

Он родился в Риге, в семье крестьянина. Окончил с золотой медалью Екатеринбургскую гимназию, затем учился в императорском Казанском, а затем в Дерптском (Юрьевском) университете (историко-филологический и философский факультеты). В Дерптском университете слушал лекции профессора Г. Тейхмюллера, ставшего его научным отцом, идеи которого он развил.

В 1895 г. защитил магистерскую диссертацию по философии «Отношение искусства к науке и нравственности». Впоследствии работал в Юрьевском и Казанском университетах. В 1903 г. переехал в Варшаву, где преподавал философию в университете. При эвакуации последнего в 1915 г. переехал вместе с университетом в Ростов-на-Дону.

Преподавал в Донском, а затем Северо-Кавказском университете, Ростовском педагогическом институте, читал также лекции в Совпартшколе. Скончался в Ростове-на-Дону 12 марта 1933 г.

Е.А. Бобров опубликовал ряд философских сочинений, в которых изложил свою теорию: «О самосознании» (1898), «О понятии бытия» (1898), «Из истории критического индивидуализма» (1898), и в фундаментальном труде «Бытие индивидуальное и бытие кардинальное» (1900) [7].

«Воспоминания» Е.А. Боброва написаны в 20-е годы XX в. в Ростове-на-Дону. Описываемые события относятся к периоду 1903 г. (переезд Е.А. Боброва в Варшаву) — 1909 г. (смерть А.Л. Блока). Это машинопись с правкой ручкой неустановленного лица. Текст на 7 листах не имеет окончания. Документ хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ (НИОР РГБ. Ф. 218 (Собрание отдельных рукописей). Картон 1349. Д. 7).

Впервые «Воспоминания» были опубликованы в «Литературном наследстве» (Т. 92, М., 1981) [13, с. 303–308]. Но по неизвестным причинам текст воспоминаний был опубликован не полностью. Последние 3 страницы, т.е. почти половина рукописи, не вошли в эту публикацию. Теперь мы впервые осуществляем полную публикацию воспоминания Е.А. Боброва о профессоре юридического факультета Императорского Варшавского университета Александре Львовиче Блоке.

В воспоминаниях Е.А. Боброва можно найти новые факты, свидетельствующие о сложном, не побоюсь этого слова, местами странном характере профессора А.Л. Блока. Но наряду с этим мемуарист весьма прозрачно пишет о подлинной эрудированности, одаренности, пусть и не получившей своего объективного выражения в научных трудах, А.Л. Блока. Воспоминания Боброва позволяют и несколько по-иному взглянуть на взаимоотношения А.Л. Блока и первого русского декана юридического факультета Варшавского университета, крайнего ретрограда Г.Ф. Симоненко. Заслуживают внимания упоминания Е.А. Бобровым учеников профессора А.Л. Блока как польского, так и русского происхождения, характеристика того влияния, которое он оказывал на учеников своим научным авторитетом и личностью.

Несомненно, интерес представляют личные характеристики, оценки А.Л. Блока, пусть и субъективные, отчасти навеянные симпатией, доброжелательностью Е.А. Боброва к своему другу.

БОБРОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А.Л. БЛОКЕ (1903–1909)

Я хорошо знал покойного Александра Львовича Блока. Познакомился я с ним после моего переезда в Варшаву. Делая первый раз визиты всем товарищам профессора, я не дозволился у двери его квартиры, которой он не покидал в течение 30 лет — Кошиковая ул., 29. Так как некому было оставить карточку, я через несколько дней зашел еще раз; и опять не дозволился. Та же участь постигла меня и в третий раз. Тогда я зашел к дворничихе Струновой и попросил передать мою карточку, на то мне дворничиха возразила: «Да пан Блок дома, но только никому на звонки не отпирает». Это было первым указанием на многие странности, заключавшиеся в натуре Блока. Среди многолюдного и шумного города он жил своеобразным отшельником. Скоро я собрал от общих знакомых достаточно материала, который побудил меня искать знакомства этого своеобразного человека, вдобавок живо интересовавшегося моей специальностью — философией.

Я, ввиду трудности проникать к Блоку, часто приглашал его к себе. Мы проводили с ним целые вечера в беседах на самые разнообразные

темы. Он познакомил меня как со своей биографией, так и со своими взглядами. Особенно горько он рассказывал о тех притеснениях, какие ему суждено было испытать в Варшавском университете и от начальства, и от студентов, и от товарищей профессоров. Причем он особенно жаловался на Г.Ф. Симоненко¹, профессора политической экономии.

Недоразумения со студентами проистекали из двух источников. С одной стороны, он не сходил с поляками на национальной почве; будучи славянофилом и государственным, он отнюдь не сочувствовал польским революционным стремлениям. С другой стороны, он доводил студентов до исступления своей невозможной манерой экзаменовывать, спрашивая каждого не менее получаса, а иногда даже от часа до полутора. Происходили дикие сцены. Студенты в истерике начинали кричать, бросали литографированный курс к ногам экзаменатора. Сам Блок показывал мне ругательные письма с наклеенной раздавленной молью. Текст гласил, что, подобно этой моли, будет раздавлена моль в образе профессора Блока. Эти выходки принимались им с несокрушимым видимым спокойствием и неутропленной речью (Блок немного заикался).

Начальство, отчасти ввиду постоянных скандалов со студентами, отчасти же в силу его самостоятельности, не давало ему ходу, чуть ли не 20 лет выдерживало без повышения, в звании экстраординарного профессора, в то время как разные ничтожества, не стоившие и пальца Блока, награждались деньгами, чинами, орденами, играли первые роли.

Гордость, нелюбимость Блока, его постоянная погруженность в какие-то думы мешали ему сходить с большинством товарищей-профессоров. По наружности он был высокий, очень худощавый, сутуловатый, несомненно, еврейского, благородного типа мыслителя и пророка (о чем он мыслил, будет речь дальше), но к особой дружбе ни внешность Блока, ни его манера говорить и относиться к собеседнику — не располагали; невольно чувствовалась огромная самостоятельность мысли и большая гордость. Мне посчастливилось довольно скоро сблизиться с ним, что, вероятно, отчасти объяснялось философией, которой Блок любил заниматься. Блок чувствовал везде и всегда себя одиноким, но этого одиночества не боялся.

Близи́х отношений с молодежью он не искал, однако у него было некоторое количество верных и чрезвычайно преданных ему учеников, из которых я отмечу Спекторского, бывшего ректора Киевского университета, а ныне бежавшего за границу².

К числу учеников Блока относились еще: польский еврей, профессор польской истории Ашкинази³, профессора: Новомбергский⁴ Ф.В. Тарановский⁵, Топор-Рабчинский⁶, Рейснер⁷, ставший потом большевиком. Однако ни один из них, питая глубочайшую благодарность к своему учителю за его научное воспитание, не переняли для себя его специфической философии; каждый из них пошел своей особой дорогой.

Курс лекций Блока был единственным в России, ибо нигде в русских университетах, кроме Варшавского, не читалось государственное право европейских держав, а преподавалось одно только русское государственное право. Блок же выработал, можно сказать, философию государственного права. Эта философия чрезвычайно трудно давалась студентам; некоторые места вообще, среди этих лекций, оставались для них непостижимыми, и такие места они называли сфинксами, Блоковскими сфинксами. Правда, нужно сказать, что Блок отдавал в литографию текст окончательно составленный и отредактированный им самим, причем каждый год этот текст перерабатывался заново. Вдобавок лекции одновременно выходили в двух изданиях: одно для поляков, другое — для русских студентов.

Причина этого удвоения была особенная. Поляки часть весьма значительного дохода, получаемого с издания лекций, отправляли всегда на цели будущей польской революции в Швейцарию, в город Рапперсвиль, где находился центральный польский революционный музей. Блок объяснял, что он не желает, чтобы на его труды богателя польская революция, а потому и сокращал число экземпляров лекций, поручаемых издавать полякам. Внешняя скромность Блока, происходившая от чрезвычайной гордости, в конце концов привела к тому, что много новых профессоров, не знавших, что такое Блок, ввиду его молчаливости на собраниях и советах, начинали считать его жалким ничтожеством, которому и нечего сказать.

Тому же способствовала и крайне жалкая одежда, в которую облакался мыслитель.

Вечный черный сюртук и черные брюки насчитывали, конечно, не один десяток лет существования. Все на нем было вытерто, засалено, перештопано. Проистекало это не из материальной нужды, а из чисто плюшкинской⁸ жадности и скупости. После смерти его в его квартире найдено было денег в различных видах (медью, серебром, золотом, бумажками, билетами, облигациями) свыше 80 000 руб. Он никогда не позволял убирать своей квартиры, никогда в течение десятков лет ее не отапливал, не выставлял рам, питался в высшей степени экономно и по заключению врачей этим недостаточным питанием сам вогнал себя в неизлечимую чахотку и уготовил себе преждевременную смерть на почве истощения. Он даже сэкономил на освещении квартиры. По вечерам он выходил на общую площадку лестницы, где горел даровой хозяйский газовый рожок, и читал стоя, при этом свете, или шел куда-нибудь в дешевую извозчицью харчевню, брал за пятак стакан чаю и сидел за ним весь вечер в даровом тепле и при даровом свете.

Знавшие эти странности и слабости Блока и любившие его за его выдающиеся способности, охотно приглашали его к себе в гости, немного подкармливали, угощая обедом, чаем, ужином. У Блока было все-таки несколько знакомых семейств, которые он посещал, куда он ходил охотно, будучи убежден в добром к нему расположении.

Было у него несколько друзей-женщин (особенно помнится мне жена суд-инспектора Крылова), которые, приглашая его к себе, угощая его, брали на себя заботу тут же, во время чая, собственноручно шить и штопать знаменитый сюртук, совлекая его с плеч мыслителя.

Всего курьезней, что, несмотря на свою славнофильскую манеру мышления, несмотря на уважение к исторически сложившейся России, в ее своеобразной государственной форме, — Блок в глазах начальства считался опасным человеком. Когда он раз задумал прочесть актовую речь об отношении философской и общеправовой научной подготовки, получаемой студентами-юристами, к их будущей служебной деятельности, то все переполошились. Симоненко, только что дослуживавший свой пенсионный срок, вопил, что, если эту речь произнести и напечатать, то это якобы ни более ни менее, как войну с Германией, в

результате которой он, Симоненко, не успеет дослужить до своей пенсии. Речь была напечатана с такими сокращениями, которые не позволяют с ясностью проследить даже ее основную мысль⁹.

В другой раз его насильно назначили в годичную заграничную командировку, хотя он о такой не просил и ехать не собирался. Считалось необходимым хоть на год прекратить его опасное пребывание и смягчить недовольство студентов. Конечно, Блок никуда не поехал и весь год пробыл в Варшаве. Вот о таких эпизодах он повествовал с нескрываемой горечью.

Можно вообще сказать, что Блока, кроме его прямых учеников по специальности, тех, которых он готовил к профессуре, никто не ценил, никто не понимал. Только в конце его жизни, уже на моих глазах (я прослужил с ним 6 лет) началось постепенное улучшение участи Блока. Сначала он получил ординатуру, потом его выбрали в члены библиотечной комиссии, мы в комиссии выбрали его в председатели. Кажется, это было его первым административным повышением, совершившимся благодаря моему настоянию. Потом он стал секретарем факультета, наконец, его выбрали даже в деканы юридического факультета, и он стал членом правления университета. В этом звании он и умер.

Умер Блок от чахотки (туберкулеза легких) и сильного истощения. За месяц до смерти он сам понял невозможность оставаться дольше одному на своей одинокой квартире, без отопления, без освещения и еды. Он был уже так слаб, что с трудом мог двигаться, ослабело сердце, опухли ноги и он добровольно поступил в частную больницу на «Аллее роз» под названием «Дом здоровья». Для него этот дом оказался домом смерти. Я слышал, что Блок должен умереть, по расчетам врачей, на следующий день. Было воскресенье, и я вместе с моей женой, которая тоже любила Блока, пошел его проводить и навсегда проститься. Как все умирающие от чахотки, он смерти не ждал, а истину от него скрывали. Я начал говорить ему, что студенты ожидают его скорого выздоровления (состав студенчества в это время уже изменился, поляков осталось очень мало, Варшавский университет был заполнен сотнями семинаристов, и отношение к Блоку со стороны студенчества стало уважительным). Блок отвечал мне, что не дальше как в пятницу он возобновит свои

лекции; между тем он был уже так слаб, что без посторонней помощи не мог даже поворачиваться на постели.

Мы просидели у него часа четыре, вплоть до сумерек, и вели самые оживленные беседы. Я просил его, как только он выйдет из больницы, приходить ко мне обедать, на что он отозвался довольно курьезно: «Да-да, знаете ли, в столовой ужасно скверно кормят. Я буду к Вам каждый день ходить обедать». Принесли при мне ему обед, как теперь помню — курицу с рисом — он два раза ткнул вилкой и велел убирать, говоря, что готовят ужасно, но, конечно, причина была совсем другая — аппетита у него уже не могло быть.

Говорили мы с ним и о философии, и о планах будущей работы, и о делах университета. Конечно, никто не поверил бы, что беседа идет с умирающим. Наконец, в сумерках мы простились с ним самым дружеским образом; в ту же пятницу обещался он нам после лекции прийти на обед. Жена моя, как нервная женщина, едва не разрыдалась тут же, при нем. Мы ушли, а рано утром, в понедельник (1 декабря 1909 года) Александр Львович Блок уже перестал существовать.

Я не участвовал в его похоронах — мне это было чересчур тяжело. Приехали наследники: сын первой жены (урожденной Бекетовой) поэт Ал. Ал. Блок; мать его сама лично не приехала; приехала вторая жена — Мария Тимофеевна (урожденная Беляева) со своей дочерью Ангелиной Александровной. И они, и всякого рода посторонние лица, прежде всего полиция, ворвались в неприступную цитадель его квартиры, распотрошили ее, и в тюфяке на постели обрели целую Калифорнию. Даже по полицейскому счету, как известно, весьма приблизительному, оказалось свыше 80.000 руб., накопленных ценой невероятных лишений за два с половиной десятка лет. Деньги поделили между собой обе семьи пополам, тело предали погребению, разъехались, разошлись, и на память о Блоке ничего не осталось, кроме нескольких брошюр и газет, совершенно не передающих целиком систему его мышления, которую пытался восстановить, неизвестно с каким успехом и с какой степенью достоверности, его ученик — Спекторский*.

* На этом месте публикация воспоминаний Боброва об А.Л. Блоке в «Литературном наследстве» прерывается.

Семейной жизни Блока я не наблюдал. В эпоху моего с ним знакомства он уже находился в степени крайней беспризорности, заботности, оставленности; он был совсем один, если не считать пары друзей, да нескольких добросердечных жен-мироносиц.

Из обнародованных теперь писем видно, что он помогал своему сыну-поэту, особенно во время его студенчества. Ранее на его воспитание он посылал деньги его матери и требовал подробного отчета в расходовании их. Когда сын поступил в университет, он стал посылать лично ему.

Сын еще студентом надумал жениться на дочери великого химика Менделеева¹⁰. На свадьбу отец послал тысячу рублей, но затем крайне оскорбился, что его на бракосочетание не пригласили и послал сыну чрезвычайно обидное и язвительное письмо. Лично он познакомился со своим сыном незадолго до смерти. Бывши в Петербурге, сын сообщает матери, что отец понравился и ему, и жене своим умом, своим остроумием, своим видом Нибелунга¹¹.

Из книги, написанной свояченицей Блока, теткой поэта¹², мы видим, что Блок¹³ женился на дочери ректора Петербургского университета Бекетова¹⁴, в период ее очень ранней молодости, пленивши всю семью Бекетовых своим умом, своей чрезвычайной образованностью, своим музыкальным талантом. Мать невесты была очарована Блоком, кажется, больше, чем ее дочь.

Со слов своих родных Блок изображает отца в одной из своих поэм¹⁵. Однако, когда он увез свою юную жену с собой в Варшаву, то началась трагедия. Философ оказался бешеного характера, запугал и заставлял свою жену, кричал на нее, заставлял ради экономии исполнять все черные домашние работы.

Когда через год чета Блоков приехала в Петербург, то молодая супруга была неузнаваема; она превратилась в какое-то жалкое, забитое существо. Вся многочисленная семья Бекетовых заступилась и отняла жену у мужа вместе с сыном. Дело закончилось формальным разводом. Впоследствии мадам Блок вышла замуж за военного, полковника Кублицкого-Пиоттух.

Блок еще раз пожелал испытать семейное счастье. На этот раз он женился на дочери генерала Беляева¹⁶. Началась опять та же самая история. Генеральская дочь должна была ходить

в отрепьи, мыть полы, терпеть бешеную вспыльчивость и побои мужа. Дело кончилось иначе. В глухую зимнюю ночь, когда профессор почивал, молодая женщина, схватив на руки свою недавно родившуюся дочь, набросила на себя какую-то шубейку и прямо из квартиры побежала на вокзал к железной дороге и навсегда покинула мужа. Свиделась она с ним, по-видимому, тогда, когда он лежал уже на столе.

Замечательно, что Блок, дававший, по-видимому, полную волю своему бешеному темпераменту дома, в обращении со своими женами, был с посторонними невозмутим. Речь его, слегка заикавшаяся, текла, какой бы бурный оборот ни принимали объяснения, особенно со студентами, с полной невозмутимостью. Как раз именно это выводило молодежь из себя. Ничем его не проймешь. Студент в отчаянии швыряет тетрадь об пол, а экзаменатор хладнокровно предлагает отвечать еще на один вопрос. Провал же на экзамене в Варшавском университете, хотя бы даже по одному предмету, обозначал собой потерю целого года жизни, т.е. оставление на второй год на том же самом курсе.

При своей невероятной скупости в одном только случае Блок делал изъятие. Это для Вагнера¹⁷, которого он был страстным поклонником. Варшавская консерватория давала в первый раз эстрадным способом, без костюмов, «Парцифалья»¹⁸. К моему величайшему изумлению, я встретил на этом представлении Блока. Он разрешил себе уплатить 2 руб. за билет, чтобы услышать новое для Варшавы произведение Вагнера.

Он был сам хорошим пианистом. С помощью музыки и Вагнера он завоевывал себе жен, и рояль оставался до конца его дней в его квартире, с роялем он не расставался.

Что касается его научной работы, то, конечно, в дни моего знакомства с ним апогей уже давно прошел. Творчество ему в этот период окончательно изменило, но он неумоимо читал. Особенностью его чтения было то, что книги, раз им взятые из университетской библиотеки на дом, никогда им обратно не возвращались. Всякие попытки других лиц воспользоваться теми же книгами оставались безуспешными; книг он не возвращал в библиотеку ни в каком случае, ни на какие требования, так что в конце концов все отступились и

книга, по справке находившаяся у Блока, считалась как бы утраченной. Только после смерти его целый транспорт этих книг возвратился обратно на место.

Вдобавок он читал книги и журналы по всяким специальностям: по праву, по философии, по истории религии, по естественным наукам, по медицине, и делал из них выписки для своей предполагаемой докторской диссертации, которую он фактически не написал, но которая существовала в его воображении. Правда, он начинал ее даже печатать. Один лист был набран и существовал в корректуре. Эта корректура в течение по меньшей мере 10 лет подвергалась беспрестанным исправлениям. Блок напал на идею писать музыкальной прозой. В видах этой музыкальности фразы соединялись, разъединялись, главные предложения обращались в придаточные, часть предложений из текста уходила вниз, в примечания и т.д. Но дело вперед, дальше первого листа, не двигалось.

При мне Блок вообще уже ничего не печатал. До этого времени он напечатал свою магистерскую диссертацию, затем свою брошюру о славянофилах и западниках, в качестве введения в курс государственного права, несколько журнальных и газетных рецензий, отзывы на медальные работы студентов и несколько раз издавал программы читаемого им курса*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Симоненко Григорий Федорович (1 февраля 1838 – 28 марта 1905 г.). Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1862 г. С 1870 г. — профессор по кафедре политической экономии и статистики, проработав здесь 35 лет. В 1895 г. он был удостоен звания заслуженного профессора. Защитил в 1870 г. в Московском университете магистерскую диссертацию на тему «Государство, общество и право с точки зрения законов народного хозяйства: Опыт политико-экономического анализа государственной и общественной деятельности» (Т. 1). Спустя два года — докторскую на тему «Об отношении теории полицейского государства к закону разделению труда и разгром Франции, как результат их применения». Профессор Г.Ф. Симоненко дважды избирался председателем университетского суда и был деканом юридического факультета (*здесь и далее — прим. К. Краковского*).

² Спекторский Евгений Васильевич (3 октября 1875 г., г. Острог Волынской губернии – 3 марта 1951 г., Нью-Йорк). Окончил юридический факультет Варшавского университета в 1897 г. В 1910 г. он защитил в Юрьевском

* В этом месте рукопись прерывается.

университете магистерскую диссертацию «Проблемы социальной физики в XVII веке» (Т. 1). В 1917 г. защитил в Московском университете докторскую диссертацию, логически развивавшую идеи магистерской диссертации. Его оппонентами были известные ученые юристы П.И. Новгородцев и Н.Н. Алексеев. В 1910–1913 гг. преподавал энциклопедию права в Варшавском, затем в Киевском университете до 1919 г.; избирался ректором университета Св. Владимира. В 1920 г. эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Стал профессором юридического факультета Белградского университета. В 1924–1928 гг. преподавал на кафедре истории философии права Русского юридического факультета в Праге. Также преподавал в Пражском и Люблянском университетах до 1945 г. Е.В. Спекторский был одним из организаторов и первым председателем Русского научного института в Белграде, был избран действительным членом Сербской академии наук, Славянского института в Праге, возглавлял Словенское общество философии, права и социологии. После окончания войны переехал в США и в течение нескольких лет работал профессором духовной академии Св. Владимира в Нью-Йорке. Перу Е.В. Спекторского принадлежат многочисленные работы в области теории и методологии права и социологии, в частности «Очерки по методологии общественных наук» (Варшава, 1905), «Очерки по философии общественных наук. Вып. 1. Общественные науки и теоретическая философия» (Варшава, 1907) и др. В эмиграции он издал ряд работ по той же тематике («Начала науки и государства в обществе» (Белград, 1927), «История социальной философии» (Любляна, 1932); «Государство и его жизнь» (Белград, 1938); «Энциклопедия права» (Братислава, 1940) и др.).

³ Ашкенази Шимон (1866–1935) — польский историк, выпускник юридического факультета Варшавского университета, доктор наук, профессор, член Академии наук в Кракове, специалист по истории Польши и Европы XVIII–XIX веков, участник общественного движения за независимость Польши во время Мировой войны.

⁴ Новомбергский Николай Яковлевич (1871–1949) — окончил юридический факультет Варшавского университета в 1896 г.; в 1907 г. защитил магистерскую диссертацию по теме «Врачебное строение в допетровской Руси». В 1911 г. был избран ординарным профессором в Томском университете. Во время Гражданской войны входил в состав Омского правительства Колчака. После разгрома в Сибири белых в мае 1920 г. по приговору суда он подвергся «лишению свободы с применением принудительных работ на время Гражданской войны». В 20-е годы Н.Я. Новомбергский работал в различных организациях экономического профиля. В январе 1930 г. он был арестован органами НКВД. Так как в его личной библиотеке было много разных карт Сибири, Н.Я. Новомбергский был обвинен в шпионаже и получил пять лет заключения в концлагере. В 1943 г. он без защиты диссертации был удостоен звания доктора исторических наук. Н.Я. Новомбергский опубликовал более 100 научных работ, в т.ч. двухтомный труд «Слово и дело государевы».

⁵ Тарановский Федор Васильевич (1875, Плоньск, Царство Польское – 1936 г., Белград). Окончил юридический

факультет Варшавского университета в 1896 г. За курсное сочинение о памятниках магдебургского права западнорусских городов в XVI в. был удостоен золотой медали. Ученик профессоров Ф.Ф. Зигеля и Ф.И. Леонтовича. Утверждение Е.В. Сафроновой и Е.С. Кравченко, биографов А.Л. Блока, что последний был учителем Ф.В. Тарановского, не вполне верно: он всего лишь сдавал магистерский экзамен по государственному праву у А.Л. Блока, наряду с экзаменом по истории права. С 1899 по 1906 г. преподавал энциклопедию юридических и политических наук и историю русского права в Варшавском университете. В 1905 г. защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию на тему «Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Германии. Историко-методологическое исследование». В 1906 г. перешел на работу в Демидовский юридический лицей в Ярославле, позднее работал в Юрьевском университете (1908–1917 гг.). В 1911 г. он защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию на тему «Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке. В 1920 г. эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев; работал профессором истории славянского права юридического факультета Белградского университета. Ф.В. Тарановский — автор ряда фундаментальных работ по методологии и философии права (Учебник по энциклопедии права. Юрьев, 1917), истории русского права (Феодализм в России. Варшава, 1902), сравнительной истории славянского права («История сербского права в государстве Неманичей» (в 4 томах; Белград, 1931–1935) членом ряда западноевропейских научных обществ, членом-корреспондентом Болгарской академии наук, действительным членом Сербской АН.

⁶ Топор-Рабчинский Владимир Викентьевич — окончил юридический факультет Варшавского университета, оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре энциклопедии политических и юридических наук, вместе с факультетом переехал в Ростов-на-Дону в 1915 г. и преподавал энциклопедию права и историю политических и правовых учений на юридическом факультете Донского университета до конца 1919 г.; после установления на Дону советской власти эмигрировал; автор фундаментального исследования о политических взглядах Н. Макиавелли («Макиавелли и эпоха Возрождения» (Варшава, 1908)).

⁷ Рейснер Михаил Андреевич (1868, Вилейка (Виленская губ.) – 1928, Москва); выпускник юридического факультета Варшавского университета 1893 г.; преподавал в Томском, Санкт-Петербургском университетах, Психоневрологическом институте; специалист по государственному праву и истории религий; вступил в 1905 г. в РСДРП(б), участвовал в революционном движении; после Октябрьской революции работал в Наркомюсте, участвовал в разработке проекта Конституции РСФСР 1918 г.; участник Гражданской войны; затем на педагогической работе.

⁸ Плюшкин — чрезвычайно скупой помещик, один из героев поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души».

⁹ Об отношении научно-философских теорий к практической государственной деятельности: Речь, сост. экс-

траорд. проф. Ал. Блоком по случаю торжеств. акта в Варш. ун-те, 30 авг. 1888 г. Варшава, 1888.

¹⁰ В 1903 году А.А. Блок женился на Любви Менделеевой, дочери выдающегося ученого-химика Д.И. Менделеева, героине его первой книги стихов «Стихи о Прекрасной Даме».

¹¹ Нибелунги (нем. Nibelungen, по скандинавскому Niflungar, «дети тумана») — некий мифический древний род карликов, владетелей и хранителей древних сокровищ на землях по реке Рейн.

¹² Бекетова М.А. Александр Блок. Биографический очерк. Л., 1930.

¹³ Имеется в виду Александр Львович Блок.

¹⁴ Бекетова Александра Андреевна (в первом браке — Блок, во втором браке — Кублицкая-Пиоттух) — 6 (18 марта) 1860, Харьков — 25 февраля 1923, Петроград), дочь ректора Санкт-Петербургского университета А.Н. Бекетова, первая жена А.Л. Блока, мать поэта А.А. Блока.

¹⁵ Речь идет о поэме А.А. Блока «Возмездие».

¹⁶ Вторая жена А.Л. Блока — Мария Тимофеевна, урожденная Беляева, родная сестра генерала Ивана Тимофеевича Беляева.

¹⁷ Вагнер Рихард (22 мая 1813, Лейпциг — 13 февраля 1883, Венеция) — немецкий композитор, дирижер и теоретик искусства.

¹⁸ «Парсифаль» (нем. Parsifal) — музыкальная драма Рихарда Вагнера в 3 актах на собственное либретто. Последняя опера композитора. Премьера состоялась в 1882 году.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев И.Т. Записки русского изгнанника // Простор. 1996. № 4. С. 31.
- Березарк И.Б. Отец Александра Блока // Русская литература. 1977. № 3. С. 190.
- Блок А.А. Собрание сочинений в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. Т. 7. С. 12.
- Блок А.Л. Об отношении научно-философских теорий к практической государственной деятельности. Речь 30 августа 1888 г. (Отдельный оттиск). Б.м. Б.г. (без указания места и года издания). С. 11–12.
- Варшавские университетские известия. 1889. № 6. С. 14–15.
- Долгополов Л.К. Александр Блок. Л.: Наука, 1980. С. 19–21.
- Ивлева М.И. О понятии бытия в философии Е.А. Боброва // История философии. 1999. № 4. С. 199–206.
- Ильин Н.П., Небольсин С.А. Предки Блока. Семейные предания и документы // Известия АН СССР. Серия литературы и язык. 1975. № 5. С. 450–455.
- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.
- Княжнин В.Н. А.А. Блок. Пг., 1922.
- Краковский К.П. Нить времени. История юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета. Ч. 2. Т. 1 (1808–1924 гг.). Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2005.
- Краковский К.П. Нить времени. Ч. 1 (Биографии преподавателей юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета). Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003. 378 с.
- Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1981.
- Михальченко С.И. Юридический факультет Варшавского университета. 1869–1917. Краткий исторический очерк. Брянск: Изд-во БГПУ, 2000. С. 55.
- Пржиборовская Г.А. Лариса Рейснер (ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия, 2008. С. 8 и след.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 574. Л. 184.
- Рейснер Михаил Андреевич (автобиография) // Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции. Автобиографии и биографии // Энциклопедический словарь русского библиографического института «Гранат» / под ред. Ю.С. Гамбарова и др. Т. 41. Ч. 1. М.: Книга, 1989. С. 623.
- Сафронова Е.В., Кравченко Е.С. Александр Львович Блок. Биография ученого. М.: Весь мир, 2013.
- Спекторский Е.В. Александр Львович Блок, государствовед и философ. Б.м., 1911.
- AWP. CUW. XXV. S. 334, Л. 4–5. Секретная переписка за 1904 г.
- APW. CUW. XXV. S. 483. Л. 338 об.
- Zarys dziejow Widzialu prawa I administracji Uniwersytetu Warszawskiego. 1808–2008. Warszawa, 2008. S. 102.
- Schiller J. Aleksandr Lwowicz Błok (1852–1909) — portret niespełnionego człowieka i uczonego // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki R. 54: 2009. S. 11–33.
- Uniwersytet Warszawski. 1870–1915. Materiały bibliograficzne. Czesc pierwsza. Warszawa, 2002.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

«Вестник юридического факультета Южного федерального университета» принимает для опубликования статьи и краткие сообщения, соответствующие следующим требованиям:

1. В журнале могут быть опубликованы статьи и материалы по юриспруденции, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности аргументации и выводов и рассматривающие вопросы, актуальные для юридической науки и правоприменительной практики.

2. Решение о публикации материала принимает редакционная коллегия, главный редактор или его заместитель в течение трех недель с момента получения материала. Предусматривается обязательное рецензирование статей членами редакционной коллегии или иными ведущими специалистами в соответствующей области научного знания. Решение о публикации принимается на основе выводов, содержащихся в рецензии. В течение 14 дней после поступления статьи в редакцию автору сообщается, будет ли его статья опубликована. Сообщение направляется на электронный адрес, указанный автором. Условием публикации статей и материалов, представляемых аспирантами, является наличие отзыва научного руководителя, рекомендации соответствующей кафедры (лаборатории) и положительная рецензия на данную статью (материал) члена редакционной коллегии журнала (не являющегося членом кафедры (лаборатории), к которой относится автор).

3. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее размещение в тех справочно-правовых системах (в том числе и в сети Интернет), с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

4. Объем публикуемого материала составляет 9–15 печатных страниц для статей, для сообщений — 5–6 стр. Оригинальность для статей, входящих в рубрику «Общетеоретические и исторические проблемы юридической науки и практики» должна составлять не менее 70 %, для статей, входящих в другие рубрики — не менее 60 %.

5. Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1,25 см, поля сверху, снизу, слева, справа — 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Ссылки оформляются в [ ]. Пример — [1, с. 44], то есть — Источник №1, страница №44. Правило оформления ссылок согласно ГОСТу 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

6. Редакция журнала принимает материалы в электронном виде по электронной почте **vestnik@sfedu.ru**. На первой странице указывается следующая информация на русском и на английском языках:

- об авторе (соавторах): имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, номера телефонов (служебный и (или) домашний), адрес электронной почты или иная контактная информация;

- название статьи;

- индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК);

- аннотация (изложение основного содержания и выводов статьи (5–7 строк);

- список используемых ключевых слов (не менее 5);

7. Метаданные на английском языке:

- название статьи;

- инициалы и фамилия автора, аффилиация: организация — основной работодатель и ее местонахождение (город, индекс, страна);

- электронный адрес (e-mail) автора;

- аннотация и ключевые слова (перевод на англ. яз. русскоязычного текста).

8. Рекомендуются придерживаться следующей логической структуры при написании статей:

- Вводная часть, в которой отражена постановка задачи (вопрос, на который дается ответ в статье), раскрывается предмет исследования, гипотеза, методология исследования.

- Основная часть, в которой могут быть разделы и подразделы, имеющие наименования. Желательны в основной части: обзор научной литературы с целью введения в проблему; исследовательская часть с системой доказательств и научной аргументацией.

- Заключительная часть, в которой отражены результаты исследования, основные выводы.

9. В конце статьи должен содержаться список всех процитированных в ней произведений («литература»), расположенный в алфавитном порядке. В список не включаются источники, не цитируемые в работе! Оформление списка литературы согласно требованиям — обязательно! Ниже приведены примеры оформления источников:

Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988.

Соболева А.К. Риторическая герменевтика и интерпретация текстов права // Риторика. 1997. № 1(4).

Язовских Ю.А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: автореф. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001.

Кабышев В.Т. Человек и власть: конституционные принципы взаимоотношений // Личность и власть (конституционные вопросы): мезвуз. сб. науч. работ. Саратов, 1995.

Решение Московского городского суда от 23.12.2013 по делу № 3-166/2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>.

Редактор А.В. Стахеева
Оригинал-макет А.В. Стахеева
Дизайн обложки А.В. Киреев

Подписано в печать 30.09.2020. Опубликовано 30.09.2020

Бумага офсетная. Печать офсетная

Формат 60 × 84 ¹/₈. Усл. печ. л. 13,49

Уч.-изд. л. 10,29. Заказ № 7707. Тираж 300 экз.

Издательство Южного федерального университета

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, д. 200/1, тел. (863) 243-41-66

